

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

2018
№ 12

ХII Международная научно-практическая конференция, посвященная
90-летию Вольского военного института материального обеспечения

Ч. 3

ПОВОЛЖСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ
ВОЕННЫХ НАУК

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
МАТЕРИАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
(ВА МТО)

ВОЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
МАТЕРИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
(филиал) ВА МТО
(ВВИМО)

Адрес: 412903,
Саратовская обл., г. Вольск,
ул. М. Горького, 3
e-mail: yatt-v@mil.ru
для отправки материалов
конференции и справок:
telec8572@mail.ru

Издается по решению
Ученого совета ВВИМО
Протокол заседания
№ 21 от 28.01.2011 г.

© Вольский военный институт
материального обеспечения
© Авторы статей
© Изд-во «Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-264-4

9 785001 222644

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

А.В. Немчинов – канд. пед. наук, доц., ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

Заместители главного редактора

А.С. Мокроусов – канд. техн. наук, ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

А.Г. Наумлюк – канд. эконом. наук, доц., ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

Члены редакционного совета

А.С. Айтимов – канд. техн. наук, проф.,
Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных
систем, г. Уральск, Республика Казахстан

С.А. Бровко – канд. философ. наук, проф., ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

В.П. Вишневская – д-р психол. наук, проф., Институт пограничной
службы Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

В.Я. Ефремов – д-р ист. наук, проф., ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

Г.И. Железовская – д-р пед. наук, проф., Саратовский национальный
исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Г.М. Ипполитов – д-р ист. наук, проф., Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

В.М. Кривчиков – канд. ист. наук, проф., Гродненский государственный
университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

К.И. Курпаяниди – канд. эконом. наук, PhD, доц., Ферганский
политехнический институт, г. Фергана, Республика Узбекистан

Е.В. Листвина – д-р философ. наук, проф., Саратовский национальный
исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

О.А. Лускань – д-р техн. наук, доц., ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

С.В. Постников – канд. пед. наук, доц. (отв. ред.), ВВИМО,
г. Вольск, Российская Федерация

В.А. Труханов – д-р полит. наук, проф., Саратовская государственная
юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Е.Ю. Шакирова – д-р филос. наук, проф., Филиал ВУНЦ ВВС ВВА
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Сызрань, Российская Федерация

Д.И. Юнусова – д-р пед. наук, доц., Ташкентский
государственный педагогический университет им. Низами,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

ББК 60я43
УДК 3:001.89
А 43

Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Вольского военного института материального обеспечения / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВМО, 2018. – Ч. 3. Актуальные проблемы философии и социально-политических наук (А-3). – 130 с.

Информация для авторов

Правила оформления материалов: текст набирается в редакторе Microsoft WORD или RTF. Поля страницы – все 1,5. Стил – Обычный. Шриф – Times New Roman, размер – 14. Межстрочный интервал – одинарный (корректур), абзац 1,0. Наличие списка использованных источников и ссылки на них обязательны. Ссылки набираются в тексте в квадратных скобках (например [1, с. 35]). Раздел «Список использованных источников» набирается в конце доклада. Стил раздела – Обычный. Шриф – Times New Roman, размер – 12. Межстрочный интервал – одинарный (корректур), абзац 1,0. Сохранять работу типом файла «Документ WORD» или «RTF», имя файла – Фамилия И.О. 1 автора. Ответственность за достоверность информации, отраженной в докладе, несет его автор.

Общий объем представляемых материалов (без сведений об авторах) составляет:

- до 1 п.л. для докторов наук, профессоров;
- до 0,5 п.л. для кандидатов наук, доцентов и прочих категорий участников.

Основные направления (секции) конференции:

- Актуальные проблемы отечественной истории и историографии;

Содержание

От редакционной коллегии	4
Актуальные проблемы социально-политических наук	6
<i>Абдильдина Х.С., Садыкова Т.М., Гаппасова А.Г.</i> Духовное бытие языка Абая	6
<i>Абдулмуталинова Т.А.</i> Военная диктатура как разновидность авторитаризма	10
<i>Абдулмуталинова Т.А.</i> Терроризм: генезис и эволюция в политической практике	12
<i>Алексеев В.Э.</i> Военнослужащий в системе войск Национальной гвардии Российской Федерации	15
<i>Арифуллина О.Ф.</i> Анализ освещения деятельности органов власти в средствах массовой информации	19
<i>Афанасьевский В.Л.</i> «Археология врачебного взгляда» М. Фуко как критика современного медицинского дискурса	21
<i>Баландина Т.М., Быченко Ю.Г.</i> Экономическое действие как форма социального действия	35
<i>Бегалинова К.К., Ашилова М.С.</i> Позитивистская традиция в философии: истоки, сущность	41
<i>Бейлин М.В.</i> Образовательные стратегии в контексте современных цивилизационных процессов	47
<i>Белановская М.Л.</i> Влияние современных цивилизационных процессов на самооценку готовности молодых людей к браку ...	51
<i>Богданова Н.А.</i> Традиции военной праздничной культуры в провинциальных городах России (на примере Архангельска) ...	56
<i>Бойко С.И.</i> Неокорпоративизм как фактор устойчивости политического режима современной России	60
<i>Борщева Н.Н., Постникова О.А.</i> Военная блогосфера как альтернативный источник оперативной информации	64
<i>Верещак А.А., Прибытков Ю.Б.</i> Социальная политика РФ в сфере трудоустройства инвалидов (на примере Волгоградской области)	67
<i>Вострякова Ю.В.</i> Эпистемологические аспекты понятия «представление» в философии М. Фуко	70
<i>Газнюк Л.М.</i> Мода как культурно-антропологический маркер времени	75
<i>Галиуллова Л.Н.</i> Социальное самочувствие молодых семей (на примере г.о. Тольятти)	79
<i>Герасимова И.А., Прибытков Ю.Б.</i> Утверждение социальной справедливости в молодежной среде: роль проектной деятельности в вузе	81
<i>Голубев В.С.</i> К вопросу о непрямых методах социального управления в современном обществе	85
<i>Гринько Н.А.</i> Патриотизм и экономика	91
<i>Гурьянова Д.И.</i> СМИ как канал преодоления экстремистских идеологий	94
<i>Давыдова Е.А., Субботина И.А.</i> Спорные территории современного мира: Курильский вопрос	96
<i>Давыдова С.А.</i> «Муза дальних странствий ...»: Африканская тема в лирике Н. Гумилева	100
<i>Дёмин И.В.</i> Семиотика культуры Клиффорда Гирца: исходные предпосылки и философский контекст	102
<i>Доронина О.А.</i> Проблема изучения стиля мышления в гуманитарных науках	108

XII Международная научно-практическая конференция

- Актуальные проблемы социально-политических наук;
- Актуальные проблемы социально-экономических наук и права;
- Актуальные проблемы психологии и педагогики.

Структура представляемых материалов:

- УДК (по левому краю, размер шрифта 12);
- Фамилия, инициалы автора (авторов) (по центру, полужирный, курсив, шрифт 14);
- Название статьи (по центру, прописные, полужирный, шрифт 14);
- Аннотация (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Ключевые слова (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Текст (по ширине, абзац, шрифт 14);
- Список использованных источников (название раздела – по центру, полужирный, курсив, шрифт 14; список – по ширине, абзац, шрифт 12);
- Фамилия, инициалы автора (авторов) на английском языке (по центру, полужирный, курсив, шрифт 14);
- Название статьи на английском языке (по центру, прописные, полужирный, шрифт 14);
- Аннотация на английском языке (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Ключевые слова на английском языке (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12).

После текста дается справка об авторе. В справке указывается: автор (авторы) – ФИО, ученая степень, ученое звание, почетное звание (если есть), должность, организация, регион (страна), электронный адрес, почтовый индекс и адрес, по которому должны быть отправлены материалы конференции.

Материалы высылаются
на электронную почту:
telec8572@mail.ru

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул.
д. 29-33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию
03.04.2018. Заказ 216.

Доронина О.А. Стиль как категория социальной философии и социологии	111
Желнина Е.В. Базовые составляющие технологий социополитической безопасности современного государства	113
Железовская Г.И., Сайганова Е.В. Меры государственной поддержки в области развития интеллектуальной и талантливой молодежи	117
Зверев С.Э. Социально-философская трактовка русским государством и обществом причин и целей Первой мировой войны	120
Справочно-информационный раздел	126

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Дорогие коллеги!

23 февраля 2018 г. Вольский военный институт материального обеспечения отметил 90-летие своей новейшей истории. В 1928 г. в г. Вольске на месте бывшего Вольского кадетского корпуса была открыта Объединенная школа летчиков и авиационных техников. Из ее стен за 36 лет существования выпущены десятки тысяч специалистов для Военно-воздушных сил и Ракетных войск страны.

Несколько раз это военно-учебное заведение меняло свое название, но традиции в подготовке истинных патриотов своей Родины сохранялись все эти годы. Неслучайно среди выпускников и офицеров Вольского военной школы двое Дважды Героев Советского Союза, 38 Героев Советского Союза, два Героя Социалистического Труда, один полный кавалер ордена Славы, известные ученые, писатели, художники, государственные и общественные деятели.

3 августа 1964 г. это учебное заведение было передано в состав тыла Вооруженных сил СССР и с этого момента по настоящее время готовит специалистов материально-технического обеспечения для армии и других силовых структур страны. Из стен Вольского военного института материального обеспечения вышли офицеры, ставшие впоследствии цветом Советских и Российских, Белорусских, Казахских Вооруженных сил, служб безопасности, гражданской обороны, Внутренних войск МВД и т.д. В их числе Заместитель Министра обороны Российской Федерации Герой России генерал армии Д.В. Булгаков.

Организаторы ежегодной Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» никак не могли пройти мимо славного юбилея Вольского военного института, его 90-летия. Двенадцатая по счету конференция была посвящена этому событию.

На предложение организационного комитета конференции совместно отпраздновать юбилей откликнулись сотни маститых и начинающих ученых из России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана.

Свои научные работы в г. Вольск прислали 368 представителей 120 научных и образовательных учреждений.

В работе конференции приняли участие 52 (25%) признанный ученый-педагог и 29 (14%) психологов, 31 (15%) ученый-историк, 28 (13,5%) ученых-философов. Тематика конференции привлекла внимание известных ученых разных направлений – 14 экономистов (6,8%), 13 специалистов в области технических (6,3%), 8 военных (3,9%), по 7 филологических (3,4%) и социологических (3,4%), 5 политических (2,4%), 3 культурологических (1,4%), 1 физико-математических (0,5%) наук.

Среди авторов научных статей 2018 г. 234 представителя российской науки и 134 – науки из других государств: 95 из Беларуси, 22 из Казахстана, 17 из Узбекистана. География представителей гуманитарной и социально-экономической науки

охватывает десятки больших и малых городов. 19% статей поступило от 70 ученых г. Минска (Беларусь), 14% от 52 вольчан; 36 авторов – представители Санкт-Петербурга, 26 – Саратова, 21 – Самары, 17 – Москвы, 14 – Астаны (Казахстан), по 13 – Нижнего Новгорода и Воронежа, 12 – Ташкента (Узбекистан).

От года к году растет процент участников конференции – представителей военных учреждений. Примечательно, что в 2018 г. в ней приняли участие 80 представителей Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва и ее филиалов. Это 22% от общего числа авторов. Свои работы прислали представители Военной академии Ракетных войск стратегического назначения, Военной академии Генерального штаба, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Военной академии, Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь и др.

Среди наших авторов 51 (13,8%) доктор и 157 (42,7%) кандидатов наук; 33 (9%) профессора и 129 (35%) доцентов; 16 старших и 2 младших научных сотрудников.

В целях поддержки молодых ученых в 2018 г. к публикации приняты персональные и совместные работы 23 курсантов, 36 студентов, обучающихся по программам специалитета, магистратуры и бакалавриата, 19 адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней из вузов России и Беларуси. 21% от общего числа авторов – начинающие ученые.

Начиная с 2015 г. материалы наших конференций размещаются в наукометрических базах на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (в системах РИНЦ – Российского индекса научного цитирования и SCIENCE INDEX, контракт 566-09/2015). По итогам 2016 г. сборник конференции занимает 3379 место в общем рейтинге SCIENCE INDEX, 455 место в рейтинге SCIENCE INDEX среди мультидисциплинарных журналов и 3301 место по результатам общественной экспертизы. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех источников в 2016 г. составил 0,055. Число просмотров статей за год – 14 072.

В 2018 г. подготовлено 9 томов с трудами участников конференции, которые сгруппированы по четырем основным направлениям. Первые два тома объединяют работы ученых – специалистов по отечественной истории и историографии. Третий и четвертый посвящены актуальным проблемам философии и социально-политических наук. Пятый – социально-экономическим наукам и правоведению. Еще четыре тома о вопросах педагогики и психологии.

Большинство авторов представили свои идеи, отражающие военную тематику. Так в разделе «Актуальные проблемы отечественной истории и историографии» анализируются войны и военное строительство XIX в. (Н. Б. Брюшкова, С.А. Малышкин, Н.С. Перепелицин, А.Ю. Сергеев, А.А.

Симонов, В.П. Тотфалушин, А.В. Хованский, О.В. Чуракова, А.В. Шипунов и др.); история Первой мировой войны (Е.А. Королев, Ю.В. Танасюк и др.); революции и гражданской войны в России (А.А. Богданова, Г.М. Ипполитов, А.И. Кондратенко, Н.А. Макаров, С.В. Маркушина и др.); Великой Отечественной войны (А.С. Бегалинов, К.К. Бегалинова, Е.А. Висюлькина, Л.П. Гаврилов, Е.Р. Дубровин, И.Р. Дубровин, В.Я. Ефремов, О.М. Кузьмина, Е.В. Разумова, Е.С. Русина, Ш.Н. Саяхимова, В.О. Терентьев и др.); отдельных видов и родов войск (Е.М. Валеев, Р.А. Долговский, С.Н. Ильин, Е.А. Королев, В.М. Кривчиков, Ю.Ф. Лихолетов и др.); проблемы материально-технического обеспечения и их отражение в отечественной истории (И.Н. Аврутова, Е.Р. Дубровин, И.Р. Дубровин, В.В. Зеленковский, Е.А. Королев, Ю.Ф. Лихолетов, Д.А. Мизгирев, А.В. Похилук, С.Н. Романчук, М.А. Шувалова и др.); современные проблемы военной истории в России (В.А. Гуров, М.А. Кокорев, С.А. Пивоварчик и др.); а также состояние военной истории в странах бывшего Советского Союза (Г.А. Алпыспаева, В.В. Бурба, Е.А. Галков, В.Э. Колесников, В.М. Кривчиков, Ш.Н. Саяхимова и др.).

Военно-политическая тематика отличает и работы, представленные в разделе **«Актуальные проблемы философии и социально-политических наук»**. Осмыслению военно-политических проблем прошлого и современности посвятили свои работы Е.А. Давыдова, Е.В. Желнина, С.Э. Зверев, Н.В. Карпиленя, В.А. Ксенофонтов, М.К. Магомедов, И.А. Субботина, В.А. Труханов, Е.Ю. Шакирова и др. Проблемы терроризма, экстремизма и авторитаризма поднимают Т.А. Абдулмуталинова, Д.И. Гурьянова, М.В. Ксенофонтова, В.М. Кузьмина и др. Социальные проблемы военнослужащих вооруженных сил, родов и видов войск отличают статьи В.Э. Алексеенко, А.А. Верещака, В.В. Кокорина, Н.И. Кузнецова, А.М. Пихтелёва, Ю.Б. Прибыткова, А.А. Савенко, И.А. Смирнова и др. Широко представлены проблемы развития военной культуры и военных аспектов культурологии (Н.А. Богданова, Н.Н. Борщева, С.В. Постников, О.А. Постникова и др.) и идеи патриотизма (Н.А. Гринько).

Особенности проблематики **социально-экономических наук и права** представлены в работах наших авторов о военно-экономических проблемах вооруженных сил, отдельных родов и видов войск, их материально-технического обеспечения (Е.А. Висюлькина, С.Т. Исаков, Е.А. Королев, О.С. Крючков, Ю.Н. Переверзин, Е.В. Разумова и др.) и о правовых проблемах военнослужащих (М.А. Золотухин, А.А. Климашов, М.Ю. Пичиенко, Е.Ю. Проскурина, И.Н. Саковец, В.В. Шишков и др.). В раздел вошли работы, раскрывающие отдельные вопросы развития экономики и права в России (Е.А. Висюлькина, Н.П. Гончерева, Н.Ю. Елецких, С.А. Калинин, И.В. Копыльская, Е.А. Королев, О.Р. Любкина, А.А. Макаров, Д.Н. Нечаев, Е.Л. Нургатина, Ю.Н. Переверзин, М.Б. Смирнова, О.А. Смирнова, Ю.В. Танасюк, А.В. Чихирева, М.В. Шадрина, М.А. Шувалова и др.); Беларуси

(Н.В. Азарёнок, Б.В. Асаёнок, Е.А. Галков, В.Э. Колесников, В.В. Ожигина, А.А. Трушкевич, Т.М. Халецкая и др.); Узбекистане (Б.С. Калмуратов, Э. Маденова, А. Назарбаев, О. Назарбаев, А.А. Рахимов и др.).

Традиционно самым большим остается раздел **«Актуальные проблемы психологии и педагогики»**. В 2018 г. в него вошли работы по истории военной педагогики (В.А. Михайлов, С.П. Сороков); по организации обучения и воспитания военнослужащих (Г.М. Антонов, Е.М. Бантюкова, Л.О. Борисенко, А.В. Гринько, Р.Ф. Гусев, С.А. Давыдова, Е.В. Демидова, А.С. Денисов, Е.Р. Дубровин, И.Р. Дубровин, Е.В. Дьяченко, А.А. Дьячков, З.И. Ефремова, А.В. Жуков, М.А. Золотухин, Д.Б. Зубатыкин, Е.А. Иванов, А.А. Климашов, В.М. Кривчиков, Т.А. Кукарцева, М.К. Кушеева, А.В. Липатов, Л.В. Маришук, В.Н. Михелькевич, И.Е. Мищенко, С.В. Морозов, П.Ю. Наумов, В.В. Романова, А.А. Соловьев, Ю.В. Танасюк, Г.А. Ташпеков, А.Т. Ташпекова, Н.М. Филимонцев, И.А. Хациева, С.В. Хвостанцев, Ф.И. Храмцова, М.А. Цветков, В.Е. Чемоданов, С.В. Шевцова, А.В. Шестериков, И.В. Яценко и др.) и исследования вопросов материально-технического обеспечения в образовательном процессе военного вуза (А.А. Александров, В.Б. Галкин, А.А. Земцов, О.В. Калинин, А.Т. Лашенкова, Е.В. Шориков и др.). Трансдисциплинарность раздела позволила авторам поднять многие вопросы, касающиеся истории педагогической мысли (А.А. Андреев, С.Л. Яблочников, И.О. Яблочникова и др.); развития педагогики и психологии в Республике Беларусь (М.Ф. Бакунович, О.В. Белановская, Л.Л. Габьева, А.М. Гадилия, Л.Л. Гальперина, И.В. Журавлёва, В.Г. Игнатович, Л.З. Левит, С.А. Месникович, Т.О. Пучковская, Л.А. Саченко, О.А. Шавлюкевич и др.); в Республике Узбекистан (Г.А. Артикова, Д.А. Боборахимова, М.Р. Закирова, Ф.М. Закирова, Д.А. Зарипова, Ш.Х. Позилова, А.А. Хужаев, Д.И. Юнусова и др.); в Республике Казахстан (Л.Л. Гальперина, Л.Л. Габьева); дошкольной педагогики (А.О. Иванцова, О.М. Кравцова, Л.Е. Никонова, Т.В. Поздеева, В.Э. Семенова, Л.Э. Семенова, Н.В. Спирина и др.); образования школьников (А.И. Малинок, Н.Л. Пузыревич, В.И. Радионова, А.П. Шумаров и др.); обучающихся высших учебных заведений (Е.С. Корнилова, Е.С. Макеева, И.А. Малахова, Л.Г. Орлова, К.В. Рафикова, Е.Н. Рябинова, Е.А. Седова, М.В. Сидорова, Е.А. Соколович, Т.В. Сучкова, Н.А. Тимошук, Е.Н. Чеканушкина и др.).

Этот перечень далеко не полностью отражает все поднимаемые нашими авторами проблемы, но дает представление об особом интересе российской, белорусской, казахстанской и узбекистанской научной общественности к гуманитарным и социально-экономическим вопросам не только в военной сфере, но и в самом широком плане.

Ответственный редактор сборника конференции С.В. Постников

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

УДК 72.01:27-584 (045)

© Абдильдина Х.С., Садыкова Т.М., Гаппасова А.Г., 2017

ДУХОВНОЕ БЫТИЕ ЯЗЫКА АБАЯ

В данной статье рассматриваются проблемы духовности в поэтическом языке Абая. Указывается, что после Абая появилась новая школа поэзии. Всесторонне раскрывается стиль Абая. Описывается мудрость языка. Духовное наследие Абая рассматривается через призму его мудрости.

Ключевые слова: духовное бытие, мудрость, казахская философия, стиль Абая.

Рассмотрение, оценивание наследие Абая с точки зрения пробуждения национального самосознания в послереволюционное время поднялся на более открытый, высокий уровень. Литературное наследие Абая, которое среди народных масс имело огромное влияние, старались преподать урок в целях объединения людей, призывали не делиться на группы, толпы, жузы и т.д., Абая оценивали как великого «покровителя», «национального поэта», «патриота своей нации».

Главное достоинство наследия Абая в том, что они помогли точнее и глубже понять историческую эпоху, которая породила поэта и которую он отразил в своих произведениях, обоснование того положения, что он был основоположником новой казахской реалистической литературы и казахского литературного языка, подняли на новую ступень духовную, научную и художественную жизнь казахского народа и определили пути ее развития.

Изобразительность и мудрость в произведениях великого поэта соединились в единый союз и стали основой для зарождения новых качественных произведений об особо важных общественных, народных, гражданских проблемах. Произведения Абая бесконечно обогатили национальное наследие, создали много возможностей для усиления семантической, изобразительной мощи слов, раскрыли путь для открытия продуктивных новостей в этом направлении.

Историческое место и природа языка Абая были всесторонне раскрыты в исследованиях А. Байтурсынулы, К. Жубанова, К. Жумалиева, Н. Сауранбаева, Р. Сыздык, Г. Есим, Ж. Молдабекова, Т. Габитова.

Особо важное значение имеют произведения Гарифоллы Есим, где основной мыслью является утверждение: «Познание мировоззрения Абая – ключ к познанию казахской философии». Это труды, позволяющие по-новому взглянуть на произведения великого поэта и ввести в новое русло направление абаяведения.

Величайшее богатство внутреннего мира людей, нежность и остроту чувств, великая сила, завораживающая читателей – все это указывает на ту мощь и силу используемых поэтом слов и выражений.

Экстралингвистические факторы, влияющие на язык были отражены в языковом сознании этноса, внесли определенный вклад в определении лингвокогнитивного уровня народа. Есть несколько условий использования заимствованных слов в произведениях Абая. Например, он использовал 402 арабских слов, 50 персидских слов, в общем включая и слова из других языков в его произведениях встречаются 578 иностранных слов.

Художественный стиль, изобразительское мастерство любого писателя распознается при помощи языка подачи материала, всю мощь и энергию, все буйства красок языковых материалов, по край ней мере большую часть мы находим в пейзаже. Отец литературной теории А. Байтурсынов, прежде чем как дать научное определение искусству, сказал: «Лес, море, горы, реки, родник – это естественные вещи созданные самой природой... Все вещи созданные самой природой являются миром природы» [1, с. 46].

Наследие Абая, охватившее массу проблем своего времени – художественные произведения с богатым содержанием, полные благих

намерений, с богатым мастерским языком. Многие из этих произведений о людях и о природе. Это образцы, которые он брал с жемчужин мировых произведений. Много стихотворений Абая были посвящены явлениям природы, описанию жизни и быта казахской степи с прекрасными пейзажами, в казахской литературе и культурологии, философии до Абая не было поэта так живописно, прекрасно, вдохновенно, мастерски, разносторонне описывавшего явления природы.

Гениальность языка Абая – стихотворения показывающие одаренность, даровитость, индивидуальность, высокую культуру Абая. В качестве примера можно привести стихотворения о четырех временах года, в которых поэт прекрасно описывает крестьян-скотников, пасущих круглый год скот, кочевое племя в безвременье, с ее достатком, избытком и массовым падежом скота от бескормицы и голода, вызванный этим, смутные времена, постигшие простой народ, прекрасные произведения, в которых как в зеркале отражается вся правда социальных отношений того времени без прикрас, переданные насыщенными красками. Язык поэта особенен и по содержанию и по форме. Поэт в своих поэтических наследиях ярко и открыто описал социальное состояние народа, широко охватил всю любовь и преданность к своей земле, родине. Поэт мастерски глубоко затрагивает всю красоту окружающей его природы, очень ярко представляет различные природные явления. Ахмет Байтұрсынов является первым человеком, который впервые раскрыл все таинство языка поэта и по достоинству оценил его произведения: «Чтобы он не писал, он всегда охватывал всю суть, подноготную, внутреннюю природу и качества любой вещи» [1, с. 87].

Абай очень искусно описал занятие с ловчей птицей на охоту в стихотворении «По пороше охотник выходит на охоту». Абай очень мастерски правдиво различными красками описал как охотник при помощи ловчей птицы охотился на лису. В рассказе «Беркутчи» данное явление описывается следующим образом: «Кызылбалак (название беркута) отлетел от Жанибека на короткое расстояние (букв. до места куда долетит стрела), еще раз, как бы в последний раз выпятился, быстро поднялся, взметнулся ввысь, в тот же миг резко повернулся и камнем бросился вниз. ... Летел словно брошенный камень, и исчез за грудой мелких камней. Жанибек тоже доскакал до того места, как бы кувыркком слетел с коня» [2, с. 71].

Напоминает события описанные в стихотворении Абая: «Ловчая птица с крепкими

крыльями камнем с неба подлетела. / Схватились оба не на жизнь, а на смерть».

У Абая есть несколько произведений, в которых автор перед глазами воспроизводит всю красоту, весь облик всего сущего, который не одно искусство не может передать. Стихотворения Абая, где он описал портреты людей – истинно классические достойные произведения. Особенно удачными можно сказать произведения про красоту прекрасных девушек, которые можно сравнить с написанными картинами. Абай искусно изобразил облик красивых девушек в стихотворениях «Косы крупны, славный стан», «Свет очей моих», «Как литое белое серебро, белолицая красавица».

Академик Р. Сыдыкова в крупнейшем фундаментальном исследовании «Язык произведений Абая» утверждает что цели использования заимствованных слов, охваченная тема в произведениях автора связаны с социальным положением того времени [3, с. 56].

В исследовании языка произведений Абая можно вместить двойственное понятие. Первое – общие взгляды о языке великого поэта, второе – дать понятие, исследуя язык произведений Абая. Обычно разбирая язык любого поэта, писателя в первую очередь анализируются индивидуальные особенности и мастерство использования языковых способов и приемов. Как бы, каким бы способом не анализировалось произведение, при исследовании произведений Абая помимо индивидуальных особенностей необходимо остановиться на гениальности поэта.

Абай в то время некоторые чувства, некоторые сравнения выдавал в натуралистическом виде. Сегодня в культурном мире, для литературного языка, понятия те выражения и сочетания, которые использовал Абай, окажутся слишком грубыми, «неотесанными», странно-ватыми.

Вместе с тем, в то же время началась зарождаться окультуренный, новый литературный язык с общенародными основами, с исконно казахскими корнями, а также с литературными образцами других развитых, культурных стран, являющейся инициатором национального литературного языка.

Для развития, а также для поднятия престижа казахского языка русский язык не может быть преградой.

Мы полностью поддерживаем утверждение великого Абая о русском языке: «Необходим русский язык, и достаток, и богатство, и искусство, и наука – все это есть у русских. Избегая отрицательные качества, нужно знать язык, учение, науку... Если ты будешь знать

русский язык, то у тебя откроются глаза... Наука, искусство русских – ключ от всего мира» (25 слово назидания). И сегодня слова Абая очень актуальны, как говорится «из песен слово не выкинешь». Воспринимать и принимать одни высказывания и отказываться от других изречений Абая – это самое глупое решение, ограниченность.

В 26 слове назидания Абай остановился на проблеме языка и высказал, что «у казахов нет других врагов кроме самих казахов». Статус государственного языка принижают не русские, а те казахи, которые не знают родной язык, не разговаривают хоть и знают казахский язык, или те казахи, которые и не стараются изучать язык. Это является отрицательным примером для людей других национальностей. А такой пример очень заразителен.

Великий мыслитель, философ Абай, рассуждая на тему проблем языка, ставит перед собой такие обязательства: «Моя цель – развить язык, искусство возродить / Научить неучей – безграмотных просветить. / Пусть молодежь не тратит время праздну / Учению и науке – нужно жизнь посвятить».

Абай спешил довести до народа все что знает, все чему научился. Это он передавал и поэтической, стихотворной форме, и в прозаических произведениях. «Ах, бранный мир, был бы тот кто поймет суть слова», – мечтал поэт. «Кто поймет суть слова, врожденные из пламени и огня?», – сетовал поэт, обращаясь и к старым, и к молодым. Но не суждено было сбыться надеждам «по изменению времени»:

«Стараясь переучить всю толпу / И не нашел себе я и подмогу / Не слушали и не внимали просьбам / Вот так я свыкся с неизбежным понемногу», – так Абай был вынужден описать горькую правду, которая гложит его изнутри.

Народный писатель Герольд Белгер писал, что в произведениях Абая очень часто встречается понятие «сөз-слово». Например, в произведении «Стихотворение царь слова» понятие «слово» встречается пятнадцать раз. Это: «сөздің патшасы» (царь слова), «сөз сарасы» (отборное слово), «бөтен сөз» (чужое слово), «сөздің басы» (начало слова), «сөз жақсысы» (избранное слово), «сөз қадірі» (достоинство слова), «ақыл сөз» (умное слово) и др. [4 с. 26].

Этим Абай призывает понять суть, достоинство слова, считает чтобы понять значение любого слова нужно зреть в корень, что это не просто слово, в нем сосредоточены – и слово, и язык, и мудрость.

Традиции и обычаи казахского народа, его этническая самобытность развивалась на про-

тяжении многих веков, и его генезис, социальные, психологические проблемы Абай глубоко исследовал и описывал. Как отмечает философ С. Нурмуратов «архетипы» указанные Абаем очень важны для современных научных исследований и сформированные в то время «коллективные бессознательные элементы» являются некоторыми качествами этнического сознания и в современном независимом Казахстане [5, с. 45].

При разборе языка Абая нельзя обойти такое понятие как школа поэта. Его школу нужно рассматривать в двух качествах. В первом широком смысле, т.е. основные представители казахской поэзии постабаевского времени, последователи литературной традиции Абая, значит они ученики в поэтическом направлении. Вторые в узком смысле, также в конкретном значении. Здесь речь идет об учениках, которые общались с поэтом в повседневной жизни, воспитывались непосредственно Абаем.

Поэтическое окружение, гениальная мудрость, творческая мощь Абая служили для обучения свежим идеям, новым образцам в жизни простых людей. Развитие по абаевской традиции определяет сформированность поэтической школы нового поколения. Это особенность свойственна для поэтов Семипалатинского региона. Знакомство с жизнью и творчеством таких поэтов-учеников Абая как Шакерим, Акылбай, Мағауия, Кокбай, Арип, Уайис, Архам, Какитай – один из главных и основных путей осмысления гениальности великого Абая.

Соединившись, образуя единое целое с народом, делясь с заботами и чаяниями, Абай был человек прогрессивных взглядов.

Абай глубоко интересовался русской культурой, и это в свою очередь стало первопричиной становления его классиком, и нельзя не отметить влияние восточной литературы на творчество поэта, об этом свидетельствуют его поздние произведения. В поэмах Абая «Масгуд» и «Ескандер» четко прослеживается связь с восточной литературой. Начало поэмы «Масгуд» сразу же нас погружает в восточный колорит: «Да, Аллах, в твою честь дружище Махмут, / Дай волю языку, чтобы распознать свой путь. / Во времена Нарун-Рашид халифа, / В Багдаде жил парень по имени Масгуд».

Результаты последних исследований позволяют нам утверждать, что содержание крупной легенды-эпоса «Ескандер-нама» Низами стал толчком для написания поэмы «Ескандер». Абай расширил, видоизменил произведение и воссоздал ее в новом варианте.

В произведениях Абая, если конкретно, три стихотворения, которые мы взяли в виде образца и по сегодняшний день являются очень уместными и логичными, но у них есть свои недостатки, это – слишком много слов-заимствований. Но это можно легко объяснить, это были его первые шаги в творчестве, он много искал, ошибался, копировал. Это были его явные заимствования в мире поэзии. Подражание происходит в слабые периоды в поэтическом творчестве. Далее идет не подражание, а другого порядка качества – это, обучение, образование. В этих произведениях Абай соприкасается с великими восточными классиками только внешне, поскольку, постольку. Знаки подражания проявляются в тех внешних соприкосновениях. Абай совсем не коснулся в тех трех стихотворениях мотивы суфизма, которые часто использовались в восточных произведениях того времени. Значит использование языковых заимствований оправданно.

Победа ненужных вкраплений – гордость Абая, и наша гордость. Далее осмысленные, крупные произведения поэта являются интересным источником исследования его творческой эволюции.

Список использованных источников

1. Байтурсинов, А. Главный поэт казахов [Текст] / А. Байтурсинов // Казах (газета). – 1913. – №39. – С. 40-43.
2. Кунанбаев А. Сборник сочинений [Текст] / А. Кунанбаев. Т. I. – Алматы: Жазушы, 1995.
3. Сыздыкова, Р. Абай и литературный национальный казахский язык [Текст] / Р. Сыздыкова. – Алматы: Арыс, 2004.
4. Бельгер, Г.К. Гете и Абай [Текст] / Г.К. Бельгер. – Алматы: Жалын, 1989.
5. Нурмуратов, С. Мир духовных ценностей: социально-философский анализ [Текст] / С. Нурмуратов. – Алматы, 2000.

© *Abdildina H.S., Sadykova T.M.,
Gappassova A.G., 2017*

SPIRITUAL EXISTENCE IN STYLE ABAY

This article discusses the problems of spiritual life of language of Abai. States that after the youth has been a new school of poetry. Vsestoronne reveals style Abaya. Describes the wisdom of the language. The spiritual heritage of Abay is seen through the prism of his wisdom.

Keywords: *spiritual existence, wisdom, Kazakh philosophy, style Abay.*

ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АВТОРИТАРИЗМА

Статья посвящена рассмотрению такого социально-политического явления как авторитаризм. Всесторонне проанализирована типология авторитарных политических режимов, выявлена специфика военной диктатуры как одной из разновидностей авторитаризма.

Ключевые слова: политическая система, политический режим, демократия, тоталитаризм, авторитаризм, военная диктатура.

Начиная со 2-й пол. XX в. в мире стали происходить глобальные процессы, полностью изменившие политическую карту мира. Окончательный крах метрополий, а затем и разрушение социалистической системы привели к появлению значительного количества суверенных государств.

Обретение собственной государственности во все времена влекло за собой изменение механизма функционирования политической системы, иначе говоря, политического режима. Напомним, что политический режим (от лат. *regimen* – управление) – это совокупность способов, форм и методов функционирования политической системы общества, определяющих характер политической жизни в данном государстве, отражающих уровень политической свободы и отношения органов власти к правовым основам их деятельности [4]. Традиционно в основании критерия разграничения политических режимов лежит отношение к демократии, ее принципам и условиям существования. Ввиду этого, все существовавшие ранее и существующие ныне политические режимы можно разделить на демократические и антидемократические. В свою очередь, последние принято определять как тоталитарные и авторитарные. Одними из самых распространенных в человеческой истории являются политические режимы авторитарного типа. В самом общем виде под авторитаризмом понимается разновидность недемократического политического режима, основанного на принципе централизации власти, при котором власть единоличного правителя или правящей элиты не ограничивается правом, представительными органами власти и системой разделения властей [4]. Эти же политические режимы отличаются и наибольшим разнообразием. К основным формам авторитаризма принято относить следующие:

- традиционные режимы (они же абсолютные монархии), на сегодняшний день имею-

щие место в странах арабского Востока – Саудовской Аравии, Брунее, Омане, Катаре и др. Сюда же можно отнести клановый и национальные типы, основанные соответственно на семейно-родовых или национально-этнических отношениях (преимущественно сосредоточенные в странах Африки, Латинской Америки и некоторых государствах Средней Азии);

- теократические режимы, для которых характерна концентрация политической власти в руках духовного лидера. Ярчайшим примером стал теократический режим в Иране после 1979 г. во главе с аятоллой Хомейни;

- военные режимы, появляющиеся в результате военного переворота и прихода к власти военной группировки. К классическим примерам можно отнести хунту генерала А. Пиночета в Чили 1973-1989 гг., режим «черных полковников» в Греции 1967-1975 гг и другие, о которых речь пойдет ниже;

- персонифицированные режимы, к которым относятся режимы единоличного правления, опирающиеся на полицейско-репрессивный аппарат (режим Саддама Хусейна в Ираке 1979-2003 гг);

- так называемые «неоавторитарные» режимы, которым присуще декларирование демократических ценностей, в то время, когда реальная ситуация характеризуется сосредоточением власти в руках правящей элиты при номинально существующей оппозиции.

Кроме приведенных выше современные политологи выделяют еще ряд разновидностей авторитаризма, в частности однопартийные, корпоративные, «теневые», бюрократические, олигархические, популистские политические режимы.

Наиболее жестким выражением авторитарного политического режима является военная диктатура. В самом общем виде под диктатурой (от лат. «*dictatura*») понимается неограниченная экстраординарная власть в государстве одного лица, реже группы лиц, временно законным образом переданная или насильственно захваченная в период острого национально-государственного кризиса для спасения нации и государства [2]. Диктатура всегда персонифицирована и, так или иначе, олицетворяется с конкретным лидером, другими словами диктатором (от лат. «*dictator*» – временный экстраординарный правитель с чрезвычайными, иногда неограниченными полномочиями) [2].

По мнению известного немецкого политолога К. Шмитта, одного из ключевых исследователей данного феномена, диктатура представляет собой «осуществление свободной от правовых границ государственной власти для преодоления ненормального состояния, особенно войны и мятежа» [6, с. 80]. Иначе говоря, диктатура есть временная форма осуществления властных полномочий для достижения некоего «нормального состояния». Представляется, что именно понятие «временного» состояния является одним из ключевых в данном определении.

Отметим, что диктатура в качестве политического института сформировалась еще в римской политической теории (государственное право) и практике как вынужденная противоположность институтам общепринятой власти, осуществляющейся и реализующейся постоянно, исключая кризисные периоды, обусловленные как внешними, так и внутригосударственными факторами.

Полномочия римского диктатора не имели ограничений, что проявлялось, прежде всего, в том, что его действия не могли быть подвергнуты сомнению ни в период правления, ни после.

Интересным является тот факт, что эффективность института диктатуры в римской истории признавалась впоследствии многими исследователями этого явления. Так, Н. Макиавелли отмечал, что «за много времени ни один Диктатор не причинил республике ничего, кроме блага... Опыт показывает, что Диктатура всегда оказывалась полезной...» [3, с. 425].

Своеобразную оценку давал институту диктатуры русский философ И.А. Ильин, считающий, что «сущность диктатуры в кратчайшем решении и в полновластии решающего. Для этого необходима одна, личная и сильная воля. Диктатура есть по существу своему учреждение военно-образное: это есть своего рода политическое полководчество, требующее глазомера, быстроты, приказа и повиновения...» [1, с. 459].

Великая Французская Революция упрочила состояние дефиниции «диктатура» в научной и политико-правовой литературе благодаря термину «якобинская диктатура». Начиная с этого периода «...диктатурой именуется упразднение разделения властей..., поскольку это... рассматривалось как присущее каждому конституционному порядку требование» [6, с. 81].

Несколько иным смыслом стала наполняться данная категория в XX в. благодаря ученым-марксистам. В первую очередь, как «система политического господства какого-либо класса, составляющая содержание любой формы политической власти в обществе с антагонистическими классами». И далее как «способ осуществления государственной власти путём непо-

средственного применения вооруженной силы в чрезвычайных условиях, при обострении классовой борьбы» [5].

Следует отметить, что режимы военных диктатур на протяжении всего XX в. прочно обосновались на мировом пространстве. Причем, это относилось не только к странам Латинской Америки и Африки (правление Х. Виделы в Аргентине в 1976-1981 гг., У. Бансеры в Боливии с 1997 по 2001 гг., А. Стресснера в Парагвае в 1954-1989 гг., А. Пиночета в Чили в 1973-1989 гг., Иди Амина в Уганде в 1971-1979 гг., С. Абачи в Нигерии в 1993-1998 гг. и др.), но и к относительно стабильной Европе. Достаточно вспомнить режимы А. Салазара в Португалии с 1928 по 1968 гг., генерала Ф. Франко в Испании с 1939-1975 гг., уже упоминавшийся ранее режим «черных полковников» в Греции 1967-1975 гг.

Демократические процессы нач. 1990-х гг. привели к некоторому уменьшению количества военных диктатур в мире, что, однако не может гарантировать сохранение этой тенденции в течение сколь-нибудь длительного времени.

Как показывает практика, военная диктатура может возникнуть при любой форме осуществления государственной власти и при любых видах политико-правовых режимов.

Список использованных источников

1. Ильин, И.А. Наши задачи [Текст] / И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 т. Т.2. Кн. I. С. 459.
2. Крысин, Л.П. Современный словарь иностранных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 416 с.
3. Макиавелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия [Текст] / Н. Макиавелли. Избр. соч. – М., 1982. – 558с.
4. Политологический словарь-справочник [Текст] / под ред. Д.Е. Погорелого. – Ростов н/Д: ООО «Наука-Спектр». – 2008. – 320 с.
5. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1983. – 485 с.
6. Шмит, К. Диктатура [Текст] / К. Шмит // Северный Катедрон. – 2005. – №1. – С. 80-81.

© **Abdulmutalino T.A., 2018**

MILITARY DICTATORSHIP AS THE VARIETY OF AUTHORITARISM

The article is devoted to the consideration of such a social and political phenomenon as authoritarianism. The typology of authoritarian political regimes has been comprehensively analyzed, the specifics of military dictatorship as one of the varieties of authoritarianism are revealed.

Keywords: political system, political regime, democracy, totalitarianism, authoritarianism, military dictatorship.

ТЕРРОРИЗМ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается одна из глобальных проблем человечества – терроризм. Особое внимание уделяется вопросам зарождения, эволюции и трансформации этого социально-политического явления; особенностям и специфике на современном этапе развития.

Ключевые слова: террор, терроризм, политический терроризм, религиозный терроризм, сепаратистский терроризм, террористические организации.

На сегодняшний день общепринято к современным угрозам национальной, региональной и глобальной безопасности относить такое социально-политическое явление как терроризм. Вместе с тем, такая трактовка представляется не совсем корректной, учитывая, что с феноменом террора человечество столкнулось еще в незапамятные времена.

Так, отдельные проявления терроризма имели место и в античном мире, и на Древнем Востоке.

Примерами использования политики террора наполнена вся история Древнего Рима. Зачастую террористические методы применялись правящей властью по отношению к своим оппонентам. Наиболее известным в этом смысле стало правление диктатора Суллы (I в. до н. э.), при котором проводились массовые уничтожения политических противников.

В дальнейшем террор как метод физического уничтожения потенциальной оппозиции стал применяться и другими римскими диктаторами – Помпеем, Крассом, Цезарем (в итоге также ставшим жертвой террора) и др.

Упоминание о некой террористической организации – секте сикариев, действующей в Иудее против римлян и их пособников среди еврейской верхушки, относится к I в. н.э. [3].

Этот же период отмечен первыми проявлениями религиозного терроризма, активно используемого римской властью по отношению к первым христианам. Отметим, что впоследствии подобные акции стали практиковаться ранними христианскими общинами уже против язычников, особенно с момента принятия Римской империей христианства в качестве государственной религии в 473 г. н.э.

Такая же практика применялась и в крестовых походах и, в особо изощренной и жес-

токой форме, в период могущества инквизиции, по приговорам которой в Европе за период с XV до нач. XIX столетия, по подсчетам историков, было уничтожено до 10-12 млн еретиков [3].

В средние века действовали по подобной методике и мусульманские секты исмаилитов (ассошафинов, ашашин, ассасинов) в Иране. Совершая набеги на соседнюю Сирию, убивая префектов и калифов по приказу основателя организации Хасана ибн Саббаха, эти воины были готовы умереть, совершая «великомученическое деяние во имя веры». (Отметим, что и сегодня мы встречаемся с подобной практикой подготовки террористов-смертников в некоторых экстремистских организациях).

Тем не менее, «ранний» террор еще не был массовым или постоянным явлением и не имел конкретных заявленных целей; скорее его следует рассматривать как предысторию появления регулярного террора религиозного, оппозиционного, националистического, революционного или сепаратистского толка.

По мнению многих авторитетных исследователей, собственно история терроризма начинается с Великой французской революции, когда массовый террор явил миру «модель управления страхом и запустил механизмы вызревания тактики терроризма в разных странах в XVIII и XIX столетиях» [9]. Тогда же сформировался и один из основных принципов террора – показательное уничтожение невинных с целью устрашения остальных. В дальнейшем, этот принцип стал своего рода манифестом для различных экстремистских группировок, оправдывающих свою деятельность революционными идеалами «свободы, равенства, братства».

Подобным образом, например, утверждалась диктатура пролетариата после революции 1917 г. (хотя терроризм имел место в России и до революционных событий). Однако только после 1917 г. террор стал одной из составляющей государственной политики, направленной на подавление любого инакомыслия. Практически ничем не отличался по масштабам и методам осуществления и «белый» террор. В итоге общее количество жертв как «красного», так и «белого» террора, составило ок. 1,5 млн человек [7].

Сталинские репрессии 1930-1950-х гг.,

ставшие продолжением подобной политики террора, согласно имеющимся архивным данным, унесли еще порядка 1,76 млн человек.

Рассматривая сущность терроризма с точки зрения его эволюции и трансформации, нельзя не остановиться на самых значительных политических конфликтах XX в. – Первой и Второй мировых войнах. И в том, и в другом случае поводом стали террористические акты, ставшие своего рода запалом для развития дальнейших событий глобального масштаба. В мировых войнах терроризм получил свое дальнейшее развитие в частности, видоизменяются методы и одним из важнейших инструментов массового террора становится система концентрационных лагерей. Справедливости ради отметим, что первые подобные лагеря появились еще в период Гражданской войны в США и массово использовались британцами против гражданского населения в англо-бурской войне 1899–1902 гг. [3].

Для послевоенного периода характерна нарастающая эскалация терроризма, причем в относительно стабильные в плане террористической угрозы регионы мира.

Особенно активно в этот период проявил себя терроризм сепаратистского направления с националистической окраской, считающийся одним из самых долговечных. К старейшим организациям подобного рода следует отнести ИРА – Ирландскую республиканскую армию, испанскую ЭТА («Эскауди та Аскатасуна»), Армию освобождения Квебека в Канаде, Фронт национального освобождения Корсики во Франции, Курдскую рабочую партию в Турции, армянские Дашнакцутюн и АСАЛА [1].

В настоящее время особую опасность приобретают экстремистские религиозные организации, являющиеся и самыми многочисленными – по последним данным в мире насчитывается более 150.

К ним относятся: Организация Абу-Нидаля, Группа АБУ-Сайяфа, Вооруженная Исламская группа, «Аль-Каида» Усамы бен Ладена, египетские «Апъ-Джихад» и «Гама'Аль-Исламия», «Харакат Аль Моджахеддин» из Кашмира, ХАМАС и Хезболлах, Исламское движение Узбекистана, Палестинский исламский джихад. Это также многочисленные ответвления от ООП – Фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины и др. [2].

Среди других известных групп экстремистов, использующих террор в качестве основного способа борьбы, следует назвать сле-

дующие: «Палестинский исламский джихад» на оккупированных Израилем территориях; «Гама'я исламия» («Исламская группа») в Египте; «Вооруженная исламская группа» в Алжире; международная группа «Барбар Халса» в Индии; «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке [4].

Отметим, что, в отличие от религиозного, сепаратистского и националистического терроризма, революционный и оппозиционный виды на сегодняшний день практически исчезли из политической жизни или не имеют сколько-нибудь значимого влияния вне своего государства.

Таким образом, налицо трансформация терроризма из явления эпизодического, характерного для экстремальных ситуаций в одно из наиболее значимых социально-политических явлений, носящих уже перманентный характер и представляющих одну из самых глобальных проблем современности.

Список использованных источников

1. Абдулмуталинова, Т.А., Неврюев, К.Б. Этнический сепаратизм как потенциальный источник современных политических конфликтов [Текст] / Т.А. Абдулмуталинова, К.Б. Неврюев // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. науч.-практ. конф. «Война в судьбах поколений». – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2016.
2. Абдулмуталинова, Т.А., Азин, В.С., Григорьев, Я.В. Политический терроризм и его разновидности [Текст] / Т.А. Абдулмуталинова, В.С. Азин, Я.В. Григорьев // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. XI междунар. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2017. – С. 8-10.
3. Аслаханов, А.А. Эволюция мирового терроризма [Текст] / А.А. Аслаханов. – М., 2003 – 270 с.
4. Бортный, К. Современный терроризм: история возникновения, классификация, правовые основы применения вооруженных сил в борьбе с терроризмом [Текст] / К. Бортный // Ориентир. – 2010. – № 1.
5. Гушер, А.И. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества [Текст] / А.И. Гушер // Евразийский вестник. – 2000. – № 3.
6. Кожушко, Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений [Текст] / Е.П. Кожушко. – Минск: Харвест, 2000. – 446 с.
7. Литвин, А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. [Электронный ресурс] / А.Л. Литвин // URL: <http://www.ereading.club/bookreader.php/1004379>.
8. Лунев, В.В. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира // Борьба с терроризмом [Текст] / В.В. Лунев; под ред. В.Н. Кудрявцева; Общественно-консультативный совет РАН по проблеме борьбы с международным терроризмом. – М.: Наука, 2004.

– С. 5-80 (в соавт. с В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Петрищевым).

9. Яковенко, И.Г. Терроризм [Текст] / И.Г. Яковенко // Нева. – 2005. – №12.

10. Абдулмуталинова Т.А., Азин В.С., Григорьев Я.В. Политический терроризм и его разновидности [Текст] / Т.А. Абдулмуталинова, В.С. Азин, Я.В. Григорьев // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. XI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2017. – Ч. 3. Актуальные проблемы философии и социально-политических наук (А–К). – С. 8-10.

11. Абдулмуталинова Т.А., Калыков Д.Д. Политический терроризм как угроза коллективной и национальной безопасности [Текст] / Т.А. Абдулмуталинова, Д.Д. Калыков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: спецвыпуск, посв. Всерос. науч. конф. с междунар. участ. «Обеспечение национальной безопасности в контексте евразийской интеграции», 15 марта 2017 г., г. Вольск / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2017. – С. 5-7.

12. Абдулмуталинова Т.А., Рябоконева С.А. Анализ современных этнополитических сепаратистских конфликтов [Текст] / Т.А. Абдулмуталинова, С.А. Рябоконева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. IX междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. канд. техн. наук, проф. ген.-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 10-13.

13. Неврюев К.Б., Абдулмуталинова Т.А. Этнический сепаратизм как потенциальный источник современных политических конфликтов [Текст] / К.Б. Неврюев, Т.А. Абдулмуталинова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск, посвященный III Мальцевским краеведческим чтениям «Война в судьбах поколений». Межвузовская научная конференция, 21 октября 2016 г., г. Балаково / под общ. ред. канд. филос. наук, Л.Р. Миролубовой. – Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – С. 115-119.

14. Неврюев К.Б., Абдулмуталинова Т.А. Этнический сепаратизм и национальная безопасность государства [Текст] / К.Б. Неврюев, Т.А. Абдулму-

талинова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: спецвыпуск, посв. Всерос. науч. конф. с междунар. участ. «Обеспечение национальной безопасности в контексте евразийской интеграции», 15 марта 2017 г., г. Вольск / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2017. – С. 175-177.

15. Постников С.В. Категория «национальная безопасность» на постсоветском пространстве: сравнительный анализ [Текст] / С.В. Постников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск, посвященный IV Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы войны и мира, этика и многообразие культурных миров: Кант, неокантианство и современные вызовы», 25 апреля 2017 г., г. Саратов / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л.И. Тетюева. – М.: Изд-во «Перо», 2017. – С. 80-86.

16. Постников С.В. Ретроспективный взгляд на отношение религии к войне и вооруженному насилию [Текст] / С.В. Постников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. X междунар. науч.-практ. конф. / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 85-90.

17. Шакирова Е.Ю., Гавриш Н.Н. Революционный терроризм в России: исторический опыт [Текст] / Е.Ю. Шакирова, Н.Н. Гавриш // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – № S11. – С. 102-105.

© *Abdulmutalinova T.A., 2018*

TERRORISM: GENESIS AND EVOLUTION IN POLITICAL PRACTICE

The article deals with one of the global problems of mankind – terrorism. Particular attention is paid to the issues of the origin, evolution and transformation of this socio-political phenomenon; features and specifics at the present stage of development.

Keywords: *terror, terrorism, political terrorism, religious terrorism, separatist terrorism, terrorist organizations.*

ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ В СИСТЕМЕ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации возложены ответственные задачи по защите государства от различных угроз. Как преемники внутренних войск они продолжают стоять на страже безопасности страны и ее граждан. Данная статья раскрывает основные характерные черты военнослужащего Росгвардии, выявляет те особенности, которые присущи только им, в отличие от военнослужащих других силовых структур. Обращается внимание на высокую степень ответственности, которая лежит на нацгвардейцах при выполнении служебно-боевых задач.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, военнослужащие, военная служба, безопасность, служебно-боевая деятельность.

5 апреля 2016 г. созданы войска национальной гвардии Российской Федерации (далее войска национальной гвардии) [1, ст. 2072]. Возникновение войск национальной гвардии на базе внутренних войск МВД России является дальнейшим этапом становления и развития войск правопорядка. Новый облик войск предполагает более решительное и эффективное противодействие текущим и перспективным вызовам и угрозам, качественное обеспечение безопасности населения и объектов инфраструктуры нашей страны от внешней и внутренней опасности.

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал армии В. Золотов отмечает, что в настоящее время ситуация в стране отличается большим уровнем террористической опасности, из-за сложного экономического положения, миграционной обстановки в стране, росту уровня преступных покушений на собственность, проблемам в сфере легального оборота оружия.

Так, в первом полугодии 2017 г. задержано более 16 тыс. нарушителей порядка доступа на различные охраняемые объекты. Силами вневедомственной охраны остановлено более 56 тыс. правонарушений в части защиты собственности. За различные противоправные действия задержаны ок. 1 млн человек. За нарушение порядка оборота оружия лицензий и разрешений лишились около 40 тысяч человек,

изъято почти 120 тыс. единиц служебного и гражданского оружия. В ходе антитеррористических и противоэкстремистских мероприятий в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации обезврежено 36 бандитов, – разрушено 55 объектов боевиков, – обнаружено и обезврежено ок. 800 разного рода взрывоопасных предметов.

Важно отметить, что в настоящее время идет процесс становления войск национальной гвардии, т.е. формирование новой организационно-штатной структуры войск, разработка различных руководящих документов. Несмотря на временные сложности, вызванные этим процессом, например налаживание межведомственного взаимодействия территориальных органов войск национальной гвардии с органами исполнительной власти, государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления по различным вопросам [2], и принимая во внимание приведенные цифры о результатах деятельности войск, можно сказать что войска национальной гвардии обеспечивают гарантированное выполнение возложенных на них задач.

Войска национальной гвардии это государственная военная организация, обеспечивающая государственную и общественную безопасность, защиту прав и свобод граждан [3, ст. 2]. В войсках национальной гвардии граждане наряду со службой и государственной гражданской службой проходят и военную службу, они являются военнослужащими [4, ст. 3].

Военнослужащие обладают особым статусом, т.е. определенными правами и обязанностями. Статус военнослужащих установлен и строго регламентирован законодательством Российской Федерации и заключается в следующем:

- военнослужащие имеют свои права, свободы и обязанности, но с определенными ограничениями;
- военнослужащие готовят и обеспечивают вооруженную защиту государства;
- поставленные задачи военнослужащие выполняют в любых условиях обстановки, и с риском для жизни;
- военнослужащим предоставлены социальные гарантии и компенсации;

- военнослужащие вправе хранить, носить и применять оружие [5, ст. 3].

Учитывая вышесказанное, можно охарактеризовать данную категорию граждан следующим образом:

- прохождение военной службы строго регламентировано, поэтому имеются определенные ограничения их прав и свобод;

- т.к. военнослужащие обеспечивают вооруженную защиту государства, то соответственно они имеют право, в процессе несения службы, использовать оружие;

- военнослужащие выполняют поставленные задачи с риском для жизни и что немало важно в любых условиях обстановки.

Рассмотрим, что представляет собой такое понятие как «военная служба».

В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» военная служба определяется как вид федеральной государственной службы, которую осуществляют граждане в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее Вооруженные силы), в войсках национальной гвардии Российской Федерации (другие войска), в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти (далее – воинские формирования), Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации (далее – органы), воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях [4, ст. 2].

Также из Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» следует, что военная служба осуществляется гражданами на воинских должностях в целях обороны и обеспечения безопасности государства. Военнослужащим, в соответствии с их воинскими должностями, присваиваются соответствующие воинские звания [6, ст. 6].

Следовательно, военная служба наряду с государственной гражданской службой и государственной службой иных видов является видом федеральной государственной службы [6, ст. 2], она исполняется также в Вооруженных Силах, воинских формированиях, органах, и других воинских подразделениях. Военнослужащие обеспечивают оборону и безопасность государства, выполняя обязанности на определенных воинских должностях, имея со-

ответствующие воинские звания. Денежное довольствие военнослужащим начисляется из средств федерального бюджета.

Военнослужащие войск национальной гвардии совместно с военнослужащими Вооруженных Сил, органов и воинских формирований решают задачи по защите государства от внутренних и внешних угроз [7, р. 3; 8, р. 1, 4-6; 3, гл. 1]. Для защиты от внешних угроз предусмотрено: оборона Российской Федерации, защита ее граждан за пределами страны, стратегическое сдерживание, предупреждение военных конфликтов, оказание помощи другим странам при проведении операций по сохранению мира и безопасности. Для защиты от внутренних угроз предусматривается: охрана и оборона важных объектов и специальных грузов, обеспечение безопасной деятельности в экономической сфере, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, поддержание режима чрезвычайного положения, осуществление интересов Российской Федерации в Арктике [7, р. 3; 8, р. 1, 4-6; 3, гл. 1].

Отдельные задачи войска национальной гвардии решают самостоятельно. К ним относятся: охрана прав и свобод граждан, защита от экстремистской деятельности, поддержание правового режима контртеррористической операции, проверка соблюдения порядка оборота оружия и т.п. [7, р. 3, гл. 1, ст. 1, 2].

Для того чтобы военнослужащие войск национальной гвардии успешно реализовывали, порученные задачи, им предоставлен ряд полномочий, которые фактически представляют собой определенные меры принуждения. Напомню, меры принуждения направлены на немедленное пресечение противоправной деятельности злоумышленника путем вмешательства в его действия.

К полномочиям относятся:

- общие полномочия (контрольно-предупредительные меры, меры административного пресечения);

- специальные полномочия (меры принуждения, меры процессуального обеспечения);

- полномочия по обеспечению чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;

- прочие полномочия [3, ст. 3].

Также военнослужащие войск национальной гвардии наделены правами:

- задерживать граждан, допустивших нарушения режима комендантского часа;

- применять физическую силу, в т.ч. боевые приемы борьбы;

- применять специальные средства;
- применять оружие;
- применять боевую и специальную технику [9, с. 66].

Наделение военнослужащих широким кругом полномочий и прав, возлагает на них высокую ответственность по соблюдению прав и свобод граждан, в то же время механизм применения мер принуждения есть единственно возможный способ наведения правового порядка и законности [10, с. 64-68].

В настоящее время войска национальной гвардии представляют собой два силовых блока. Первый блок представляют оперативные соединения и воинские части, подразделения специального назначения и разведки, отряды мобильные особого назначения (ОМОН), специальные отряды быстрого реагирования (СОБР) и специальные авиационные подразделения, переданные из МВД России.

Второй силовой блок сформирован соединениями и воинскими частями по охране важных государственных объектов и специальных грузов, а также подразделениями вневедомственной охраны и лицензионно-разрешительной работы.

При рассмотрении служебно-боевой деятельности военнослужащих Росгвардии обращает на себя внимание ряд особенностей, отличающих данных военнослужащих от военнослужащих Вооруженных Сил, органов и других формирований.

Объектом служебно-боевой деятельности военнослужащих войск национальной гвардии является народ, населяющий страну: от допускающих незначительных правонарушений отдельных граждан, до организованных преступных групп или вооруженных экстремистских формирований [11, с. 7]. Постоянное взаимодействие с населением, умение найти общий язык с ним, соблюдая законность, нормы права представляет собой особенность военнослужащих войск национальной гвардии.

На результат выполнения служебно-боевых задач огромное значение оказывает профессионализм и компетентность командиров. Так, выполнение боевой задачи может быть обеспечено большим количеством способов, но от профессионализма командира зависит выбор наиболее правильного из всех предложенных. Для этого необходимо произвести анализ условий выполнения служебно-боевой задачи, оценить множество факторов, влияющих на ее выполнение, среди которых оценка объекта, местности, своих сил и средств. Допустим, пресечение незаконного митинга может производиться как с использованием тех-

ники так и без нее, с применением специальных средств или без них, с экипировкой личного состава средствами индивидуальной бронезащиты или без экипировки. Налицо усложнение процесса принятия решения из-за множества факторов. Следовательно, особенностью служебно-боевых действий подразделений является значительное количество возможных вариантов применения сил и средств и в связи с этим необходима высокая компетентность командира, от которого зависит успех выполнения боевой задачи [11, с. 7].

Особенность служебно-боевых действий военнослужащих войск национальной гвардии проявляется в используемых средствах, которые обусловлены специфичностью объекта применения средств. На вооружении войск национальной гвардии состоит большое количество средств деятельности – оружие, спецсредства, боевая техника, средства активной обороны и т.д. Применение данных средств производится в строгом соответствии с Федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и другими нормативными документами. Неотделимость средств деятельности от норм права, регулирующих порядок и правила их использования, – специфическая особенность служебно-боевых действий подразделений войск национальной гвардии [11, с. 5].

Следующей особенностью является постоянная готовность военнослужащих к немедленным действиям, возможность в любую минуту при получении сигнала убыть для выполнения служебно-боевых задач. Подразделения Росгвардии постоянно входят в состав различных мобильных резервов, дежурных подразделений, которые находятся в постоянной готовности по первой команде приступить к выполнению поставленных задач.

Для подразделений войск национальной гвардии характерен комплексный характер служебно-боевых задач, отличительной чертой которого является изменение условий несения службы военнослужащими. К примеру, сегодня подразделение выполняет задачи по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а завтра принимает участие в контртеррористической операции в другом регионе страны, когда выполнение правоохранительных задач меняются на фактически военные условия [11, с. 7, 8].

Обобщая изложенное, отметим, что военнослужащие войск национальной гвардии совместно с Вооруженными Силами, органами, воинскими формированиями защищают общество и государство от всевозможных угроз. Кро-

ме того, военнослужащие войск национальной гвардии выполняют свои специфические задачи, при этом объектом воздействия военнослужащих является население страны. Военнослужащие войск национальной гвардии имеют ряд особенностей по сравнению с военнослужащими других силовых структур, которые определяются разнообразным характером выполняемых ими служебно-боевых задач. Наделение военнослужащих войск национальной гвардии полномочиями, т.е. правами, предоставленными военнослужащим органами власти, позволяет на высоком уровне справляться с возложенными на них задачами, как в обычных условиях жизнедеятельности, так и во время введения чрезвычайных правовых режимов.

Список использованных источников

1. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. №157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [Текст] // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2016. №15.
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 8 ноября 2017 г. №416-СФ «О состоянии и перспективах строительства войск национальной гвардии Российской Федерации на среднесрочную перспективу» [Текст].
3. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [Текст].
4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О воинской обязанности и военной службе», (с изм. и доп. Вступ. В силу с 09.01.2018) [Текст].
5. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О статусе военнослужащих» [Текст].
6. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [Текст].
7. Военная доктрина Российской Федерации, 25 декабря 2014 № Пр-2976 [Текст].
8. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «Об обороне» [Текст].
9. Асеев, А.Г., Буряков, В.Н., Казаков, М.Н., Ляхов, А.В., Полунин, С.В., Шевченко, И.В. Административно-правовой статус военнослужащих войск национальной гвардии России. Учебное пособие [Текст] / [и др.]. – Новосибирск, 2017.
10. Буткевич, С.А. Принципы деятельности войск национальной гвардии России: оценка проблемных моментов [Текст] / С.А. Буткевич // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36).
11. Салтрукович, Н.Е. Психологическая характеристика личного состава воинских частей оперативного назначения внутренних войск МВД России в процессе их служебно-боевой деятельности. ПВИ ВВ МВД России. Учебное пособие [Текст] / Н.Е. Салтрукович. – Пермь, 2005.

© Alekseenko V.E., 2018

SERVICEMAN IN THE SYSTEM OF TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Serviceman in the system of troops of the National Guard of the Russian Federation are assigned the responsible tasks to protect the state from various threats. As successors to the internal troops, they continue to stand guard over the security of the country and its citizens. This article reveals the main features of the serviceman of Rosgvardia. Reveals those features. That are unique to them, differing from the military personnel of other law enforcement agencies. Draws attention to the high degree of responsibility that lies with the National Guard when performing combat missions.

Keywords: National Guard, serviceman's, military service, security, service combat activity.

АНАЛИЗ ОСВЕЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Адекватное и максимально полное освещение деятельности органов государственной власти в средствах массовой информации способствует налаживанию в обществе гармоничных отношений, снижению уровня социальной напряженности в государстве. В статье представлен анализ репрезентации функционирования органов государственной власти в СМИ.

Ключевые слова: органы государственной власти, средства массовой информации, освещение, социологическое исследование, интервью.

Современные средства массовой информации являются главным звеном в системе воплощения государственной информационной политики, которая позволяет координировать процессы информационного воздействия в сферах взаимодействия общества и государства. Именно поэтому необходимо постоянно совершенствовать навыки и компетенции госслужащих [1], ответственных за прозрачность, транспарентность деятельности.

Взаимодействие государственной власти и СМИ в современном политическом процессе включает в себя две формы [2; 3]: конфликт и сотрудничество. Похожие отношения можно проследить на федеральном, а также на региональном уровне.

Существует несколько вариантов развития конфликта между властью и СМИ [4]:

- * «власть-власть» (конфликт между разными уровнями власти, в этом случае в конфликт втянуты государственные СМИ);

- * «СМИ-СМИ» (конфликт между СМИ, представляющими разные уровни власти);

- * «власть-СМИ» (давление государства на СМИ с целью соблюдения законности и выражения собственных интересов, и, наоборот, давление СМИ на власть для максимальной объективности информации или исполнение политического заказа по снижению рейтингов той или иной властной структуры).

Определено четыре направления информационного взаимодействия:

1. ответы на обращения граждан (в ежедневном режиме);

2. консультации физических и юридических лиц на предмет соблюдения законода-

тельства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (при обращении таковых);

3. работа ежедневно обновляемого сайта (ресурс содержит всю необходимую документацию по направлениям деятельности управления);

4. участие в межведомственных комиссиях, рабочих группах, заседаниях избирательных комиссий области и города.

В современной политике СМИ характеризуется как великий судья, четвертая ветвь власти – наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Современную политику нельзя представить без прессы, радио и телевидения [5].

Телефонное интервью с представителями девяти территориальных Управлений по вопросу активности взаимодействия субъекта со средствами массовой информации, показало следующее:

Во-первых, они все осознают важность взаимодействия с общественностью и СМИ.

Во-вторых, ни в одном из управлений нет специально организованных пресс-служб.

В-третьих, взаимодействие с прессой в большинстве территориальных управлений (5/9) осуществляется. Но респонденты отмечают, что, в основном, этим вопросом занимаются 1-2 человека.

В-четвертых, мероприятия по взаимодействию со СМИ проводятся при необходимости.

Одним из форматов взаимодействия большинства управлений является консультативный совет, который постоянно действует, совещается. Для распространения информации об обсуждаемых вопросах на заседания такого совета всегда приглашаются СМИ.

Список использованных источников

1. Желнина, Е.В. Система непрерывного обучения персонала в государственной службе [Текст] / Е.В. Желнина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2006. – № 8. – С. 5.

2. Зимин, А.Е. Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 [Текст] / А.Е. Зимин. – Ставрополь, 2005. – 193 с.

3. Цветкова, И.В., Желнина, Е.В. Социология коммуникации. Электронное учебно-методическое пособие [Текст] / И.В. Цветкова, Е.В. Желнина. – Тольятти: Издательство Тольяттинского государственного университета, 2016 – 92 с.

4. Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации на федеральном уровне [Электронный ресурс] Режим доступа: http://studbooks.net/733107/zhurnalistika/sovershenstviyevanie_vzaimodeystviya_organov_gosudarstvennoy_vlasti_sredstv_massovoy_informatsii_federalnom. (Дата обращения: 18.01.2018 г.).

5. Zhelnina, E.V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. - electronic data- Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. – 2016. – С. 109–115.

© Arifullina O.F., 2017

ANALYSIS OF THE COVERAGE OF THE ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES IN THE MEDIA

Adequate and as complete as possible coverage of the activities of state authorities in the media contributes to establishing a society of harmonious relations, reduction of social tension in the state. The article presents the analysis of the representation of the functioning of the organs of state power in the media.

Keywords: public authorities, media, lighting, case study, interview.

**«АРХЕОЛОГИЯ ВРАЧЕБНОГО ВЗГЛЯДА» М. ФУКО
КАК КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА**

В статье предпринят анализ феномена «рождения клиники». Автор показывает, что особое познание больного индивидуума структурируется на протяжении того или иного времени. Выявляется не просто изменение в медицинской практике, но также изменение в мышлении врача: теперь лечатся отдельные органы больного, а не человек в целом. Последнее анализируется на основе произведений Мишеля Фуко.

Ключевые слова: болезнь, симптом, рождение клиники, смерть, патология, взгляд, индивид, клинический опыт, знак, нозография, дискурс, медицина.

«Я думаю, что такие науки, как медицина, начиная с XIX в. скорее характеризуются стилем, нежели объектами, – стилем как неизменным характером актов высказывания»

М. Фуко «Археология знания»

В философии с сер. XIX в. в центре внимания оказывается жизнь. С. Кьеркегор и В. Дильтей выделили мир существования человека как особый мир бытия, для которого характерна конкретность и временность. Сформировалась школа философии жизни (В. Дильтей, Ф. Ницше, А. Бергсон), которая знаменовала начало антропологического поворота в философии. Начала формироваться философская парадигма *«existenz»*, в которой проблема человеческого существования и конкретности исторических событий становится центральной: «Парадигма *existenz* повернула философскую мысль к человеку. А неуловимость для рационального мышления неповторимого и единственного бытия человека как личности заставила философию искать этому индивидуальному бытию замещающий объект, который был бы объективным бытием человека, репрезентировал бы его и одновременно был бы доступен рациональному размышлению. Таким бытием выступает культура. Она объективирует в себе человека как возможность становления его бытия и его судьбы – его индивидуальности. Культура является необходимым условием и пространством существования, жизни и деятельности человека» [1, с. 7]. Переход к философствованию в русле пара-

дигмы *existenz* привел к формированию в XX в. неклассической философской мысли, вовлекшей в аналитику бытия социо-культурный контекст. Акцент внимания на телесности, специфичный для медицинского опыта, является фундаментальным принципом неклассической философии. Философ стремился эксплицировать основы формирования медицины как области естествознания, представшей в виде целостности «ценностей» и «знаний», и «по полному праву заняла место философии человека»: «бытие человека, его жизнь, его экзистенция, которая есть и которая в то же время (NB сразу появляется рядом с бытием время!) имеет свои основания. Так появляется философия, “разбирающая” бытие, философская критика бытия» [2, с. 11].

Фуко работал в русле кантовской критической традиции. После Канта философия озабочена правами разума на постижение реальности и теми условиями, в которых разум может высказываться о реальности. По Канту, мир опыта может возникнуть только на основании априорных форм, которые задают всякий возможный опыт. Французский философ отрицает наличие априорных форм, единых для всех исторических эпох и форм культуры. Он полагает, что они сами сложились исторически, т.е. имеют свою генеалогию. Однако мысль о том, что всякий человеческий опыт осуществляется в определённых формах, которые этот опыт и определяют, у Фуко сохраняется и становится центральной. «После Канта роль философии состоит в том, чтобы воспрепятствовать разуму выйти за пределы того, что дано в опыте», – говорил поздний Фуко [3, с. 163]. Конечно, ему чужды кантовские представления об априорных условиях опыта, но сам он находит «исторические а priori», структурно близкие кантовским. Философский критический анализ должен прояснять трансцендентальные основания опыта. Однако «могут ли существовать априорные основания реального свершающегося опыта, такого опыта, который не воспроизводит уже существующую матрицу, а организуется как уникальный, творческий опыт? <...> Но современная культура все чаще и чаще ставит человека в неповторимые ситуации (хотя в современном мире достаточно и стандартов!), которые требуют от него нетриви-

ального действия. А это ставит перед философией задачу выяснения оснований нестандартного действия, условий реально свершающегося опыта. Эти основания, которые *реально, сейчас* организуют опыт, не вытекают из него. Они *входят* в опыт, и потому они априорны по отношению к нему» [4, с. 370]. Опыт понимается Фуко как граница, посредством которой возможно вычленил субъекта у него самого. В своих ранних трудах он стремился очертить границы феноменологии и психоанализа в качестве форм структурирования мысли и опыта, а вместо этого создать методологию целостного восстановления акта выражения, который имел целью «объективироваться в сущностных структурах обозначения». Философ предложил новую «антропологию выражения», базирующуюся на онтологическом мышлении, ключевой темой которого стало присутствие в бытии. Эта антропология по-новому определяла «отношение между смыслом и символом, образом и выражением». Введение новых систем топологий может отменить выдвинутое Декартом классическое противопоставление субъекта-объекта. Таким образом, формируется поле мышления и действий, где и присутствуют дискурсивные практики, диспозитивы, эпистемы, но не мыслимое в универсальной форме субъекта. Фуко изучал такие «места, которые... подготовлены для возможных субъектов» и эсплицировать, кто и каким образом в каждую эпоху «может выполнять эти различные функции субъекта» [5, с. 41].

Археология взгляда основывается не на трансцендентальной рефлексии над логико-формальными условиями медицинского знания, но на экспликации условий становления современного (в кантовском смысле) медицинского дискурса. Сам термин «археология» говорит о том, что здесь и речи нет о прогрессе и континуальности истории. Присутствуют лишь дискретно утверждающиеся и уходящие в небытие эпистемы. Выявление истории и оснований (возможности) определенного дискурса Фуко осуществляет посредством двух взаимодополняющих аналитик: «Критика анализирует процессы прореживания, но также перегруппировки и унификации дискурсов; генеалогия изучает их образование (как дискретных практик – В.А.) – одновременно рассеянное, прерывное и регулярное» [6, с. 87].

Философ осуществляет реконструкцию исторических форм структурирования и трансляции знаний. Этот «археологический» или «генеалогический» анализ, связанный с бес-субъектным пространством, является образом истории, который показывает процесс форми-

рования дискурсов без апелляции к субъекту. «Специфичность метода Фуко, утверждает “Флоранс”, «заключается во внимании к практикам как области исследования, в подходе к изучению того, „что было сделано”. Он сначала изучает практики – способы делать дела... через которые можно схватить контуры того, что принималось за реальное теми, кто пытался концептуализировать его и управлять им, а также схватить очертания способа, которым эти же самые люди конституировали себя как субъекты, способные знать, анализировать и, в конце концов, изменить это реальное. Именно эти „практики”, понимаемые одновременно как способы действия и мышления, дают нам ключ к пониманию согласованного конституирования субъекта и объекта» [Цит. по: 7, с. 62]. Все высказанное, произнесенное и произведенное формирует определенный дискурс.

Философское значение понятие «дискурс» получило в трудах Фуко: «...нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, *эпистему*, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их нарастающего совершенствования, а, скорее, историей *условий их возможности* (курсив мой. – В.А.); то, что должно выявиться в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания. Речь идет не столько об истории в традиционном смысле слова, сколько о какой-то разновидности “археологии”» [8, с. 34-35.]. Эти духовные конфигурации и являются дискурсом. Культура типизируется на базе ее эпистемической структуры, которую историограф выделяет при помощи дискурсивных практик. Эти практики образуются благодаря определенному набору знаков, способу, каким вырезана некоторая область знания. Идея дискурса есть опыт разработки метода симметричного многообразия действительной жизни потока сознания в культурно-исторической жизни, где взаимодействуют, конфликтуют по разному сконструированные содержания: «это единство не позволяет решить, кто был прав, кто приводил более строгие доводы, кто последовательнее придерживался своих же собственных постулатов – Линней или Бюффон, Кенэ или Тюрго, Бруссэ или Биша. <...> Но оно позволяет выявить то измерение, в соответствии с которым Бюффон и Линней (или Тюрго и Кенэ, Бруссэ и Биша) говорили об “одном и том же”, располагаясь на “одном и том же уровне” или “на

одной и той же дистанции”, разворачивая “одно и то же понятийное поле”, противоборствуя на “одном и том же поле битвы”. <...> Это единство определяет ограниченное пространство коммуникации» [9, с. 242-243]. Дискурсы представляют собой своего рода очки, посредством которых люди определенной исторической эпохи могут видеть все, что могут, действуют и думают так, как могут. Дискурсы определяют мышление и поведение как подданных, так и властвующих: «Вовсе не будучи лживыми идеологиями, дискурсы картографируют то, что люди действительно делают и думают – сами того не зная» [10, с. 38]. Каждый исторический факт есть некое единичное, имеющее оригинальную форму, свои историко-культурные границы, лишённые любой универсальности. Дискурс – это форма данного единичного, он имманентен ему. Дискурс определяет конкретное событие, специфику эпохи, её «местный» характер.

Функция дискурса состоит в том, чтобы не оставлять ничего за рамками слова, вне сознания, не оставлять места невысказанному, т.е. чтобы постигать непостижимое, всегда ускользающее, как само бытие. Именно дискурс определяет мышление, познание и выражение познания конкретной эпохи, задает мышлению темы и способы ее разработки: «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [11, с. 6-7]. Дискурсы образуют кристаллическую решетку дискурсивных формаций, определенным образом привносящих порядок в реальность. С точки зрения Фуко, дискурс и дискурсивные формации формируют и удерживают особый «режим» производства знания, и в то же время создают возможность одних способов размышления о мире и отвергают другие. Дискурс несет в себе общие допущения, которые принимаются как само собой разумеющиеся, и поэтому становятся невидимыми для индивидов или ими присваиваются. В текстах Фуко мир дискурса предстает как прерывистое, воинственное, а также хаотическое и гибельное, великое, бесконечное и неконтролируемое бурление [см.: 6, с. 78]. Тот факт, что различные дискурсы (в частности, медицинское представление о теле как научно обоснованное) подавляют другие, проявляется как результат определенных исторических процессов, которые связаны с оперированием дискурсами. Эти дискурсы и получают статус «истинных», где «истина» понимается как результат функционирования дискурсивных пра-

вил [см.: 12]. Дискурсы, анализируемые Фуко, выступают в качестве механизма, определяющего целостность данной системы знания. Они представляют собой набор «сцепляющих» инструментов, ибо дискурс возникает только там, где присутствует необходимость и где формируются действия, направленные на созидание, укрепление, трансляцию, или на разрушение картины мира, сконструированной из высказываний, представлений, значений. Здесь крайне важны «властные полномочия» дискурса, ибо он может создавать и реформировать культурное поле. «Понятие культуры ... обозначает исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собою и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [13, с. 43].

Так как Фуко много внимания уделил прояснению проблемы «видеть и говорить», то медицинский опыт стал примером локализации этой проблемы. Для него эта проблема важна с той точки зрения, что клиника до превращения в специализированное медицинское знание представляла собой универсальный способ отношения человека к самому себе. В вышедшей в 1963 г. книге «Рождение клиники», или как сам М. Фуко ее определил «Археология врачебного взгляда», была предпринята попытка осмысления медицинской рациональности: «А у «Рождения клиники» вполне мог быть подзаголовок “археология взгляда” в зависимости от того, насколько каждая медицинская историческая формация сама модулировала первичный свет и образовывала пространство видимости болезни, стимулируя мерцание симптомов, то развертывая двухмерную картину болезни, то вновь свертывая симптомы в патологической анатомии и порождая третье измерение, которое придает взгляду глубину, а недугу – объем (болезнь как “аутопсия” живого» [14, с. 84]. М. Фуко одним из первых в неклассической философии заинтересовался движением медицинского дискурса в исторически определенном социокультурном контексте. В качестве объекта исследования Фуко берет процесс трансформации «взгляда врача» в период с сер. XVIII до нач. XIX в., выразившийся в рождении клиники, т.е. была заложена возможность господствующего сегодня типа медицинского опыта. Предмет исследования обозначается в первых двух строках своей книги: «В этой книге речь идет о проблеме пространства, языка и смерти, проблеме взгляда» [15, с. 8]. Формируется

дискурс редукции, начавший высвечивать некогда скрытую сторону человеческого тела в качестве объекта. Само медицинское тело с его тканями и органами, в которых дислоцируется болезнь, предстает как плод нового дискурса. Эти перемены определялись привнесением в традиционную медицинскую историю опыта социальной теории, приведшим к биологизации и «медикализации» (под «медикализацией» понимают два момента: во-первых, введение постоянно увеличивающегося числа людей в пространство медицинского обеспечения; во-вторых, все большая рационализация человеческого поведения в отношении своего собственного тела) современного социокультурного сознания. По Фуко, в культуре неклассического типа «здоровье заместило спасение», разрабатывалась идея конечности человеческого существования. Для исследования функционирования медицинского знания и практики он разработал свой теоретико-методологический подход, исходящий из того, что сфера культуры структурируется языковыми средствами. Этот инструмент воплотился в концепции археологии знания, позволившей, по мнению Фуко, более объективно представить образ знания социокультурного мира, отвлекаясь от его содержательного контекста. Археологию интересуют взаимовлияние субъективного и объективного, в силу чего формируются предметы познания, различные культурные практики и науки. Поэтому различия между эпохами значимее, чем традиционные связи преемственности.

Исходя из заявленного объекта и предмета своего исследования французский мыслитель акцентирует внимание на исторической природе явлений и понятий. В «Археологии медицины» он выявляет зависимость форм врачебной деятельности и зависимость медицинского знания от исторически меняющихся и относительно неизменных «кодов знания», исходя из описаний болезней в конкретный исторический период. Фуко понятийно описывает качественную специфику исторически определенных форм знания и закрытие фиктивных рядов предшественников. Он подчеркивает, что медики могут и не осознавать их наличие и власть, но необходимо следуют этим исторически заданным правилам кодирования медицинского знания. Одним из главных оснований их взаимосвязи выступает язык, т.е. взаимоотношения слова и вещи, в том числе и «уровень пространственного и распределения и врачевания патологии, где рождается и сосредотачивается словоохотливый взгляд, устремленный врачом в ядовитую сердцевину вещей»

[15, с. 11]. Здесь важна связь знания, субъекта познания и его трансформации в познавательном процессе. Фуко исходит из того, что клиническая медицина есть продукт исторически конкретных социо-культурных обстоятельств и рождается в исторически конкретной структуре рациональности: «Весьма возможно, что мы принадлежим к критической эпохе отсутствия основополагающей философии, о котором нам напоминает в каждый момент господство и неизбежность: эпохе разума, которая непоправимо отделила нас от обычного языка... Мы исторически обречены на историю, на терпеливое конструирование дискурса над дискурсом, на задачу слушать то, что уже было сказано» [15, с. 17]. Таким образом, Фуко своей задачей считает проведение исторического и критического анализа конкретных медицинских дискурсов.

Необходимо различать фундаментальные характеристики медицинского опыта, общие тенденции его трансформации и выработанные культурой его конфигурационные изменения. Фундаментом медицинского знания становится клинический опыт, функционирующий под прикрытием «спекулятивных теорий» и находящийся в поле непосредственного наблюдения, задающий медицинскому знанию практическое направление: «Не только названия болезней, не только объединение симптомов не оставались прежними, но менялись также фундаментальные перцептивные коды, налагаемые на тело больного которым адресовалось наблюдение, поверхности и глубины, обозреваемые взглядом врача – вся система ориентировки этого взгляда» [15, с. 93]. В тоже время медицинский дискурс вписанный в контекст культуры, подвергается культурной, научной и философской легитимации, конструируется по правилам определенного культурного синтаксиса. Это поле исследования, отсылает к историко-культурному контексту, к медицинскому опыту, который Фуко и сделал предметом своей интерпретации: «Говорить и видеть, или, точнее, высказывания и видимости являются чистыми элементами, априорными условиями, при которых в определенный момент формулируются идеи и проявляются виды поведения. Этот поиск условий и образует у Фуко нечто вроде характерного для него неокантизма. Однако тут есть и существенное отличие от Канта: условия Фуко представляют собой условия реального, а не любого возможного опыта...; они находятся на стороне “объекта”, на стороне исторической формации, а не стороне некоего универсального субъекта (сама их априорность является исто-

рической); и высказывания, и видимости являются формами внешнего» [14, с. 86-87].

Сравним: «Именно в этом направлении следует искать условия реального (отбор, повторение и так далее), а не возможного опыта» [16, с. 93].

Медицинский дискурс, пропитываясь смыслами культуры, способен также выразить ее специфические черты. Это позволяет медицинской мысли приобрести «философскую плотность» и поставить ее на первые позиции в «архитектуре гуманитарных наук»: «Клиническая медицина появилась в исторически определенных условиях и в определенной структуре рациональности. Поэтому она формирует конкретное *a priori*, которое именно в XX в. можно сделать очевидным, поскольку теперь рождается новый опыт болезни, исторический и критический. Именно в этом Фуко усматривает возможность для обоснования дискурса о рождении клиники» [17; с. 129]. Поэтому, по Фуко, надо говорить только о разуме и рациональности конкретной исторической эпохи. По его мнению, понятия медицинской рациональности предопределяются многими культурными факторами. Эти культурные установки и превращают болезнь в самостоятельное понятие, а медицинское знание фиксирует в своей понятийной системе сложившееся в обществе отношение к ней. Фуко стремился выйти за рамки, выдаваемых за вечные, канонов, и осуществлять свой поиск в глубинах многообразного материала систем и порядков. Фуко «больше интересуется не реалиями медицины, а теми условиями, которые делают их возможными» [18, р. 436-437], т.е. предпринимает критический анализ медицинского дискурса.

В «Археологии взгляда медика» дан анализ образования медицинских понятий и переосмысливается проблема «субъективности» человека. Тем самым создается своя «археология», высвечивающая условия возможности формирования и развития различных явлений культуры, проявляется связь образов действий медиков и обусловленность их знаний «кодами знания». Для археологии Фуко дискурс есть особое установление, определяющее способ существования объектов: проблема «больше не заключается – в рассмотрении дискурсов как совокупностей знаков (означающих элементов, отсылающих к содержаниям или представлениям), а заключается в рассмотрении их как практик, о которых они говорят» [9, с. 111-112]. Медицинские феномены и медицинские тематизации выступают как единицы единого дискурсивного пространства, где Фуко говорит о мышлении, предшествующем любому

мышлению. На основании этого он исходил из необходимости археологического исследования медицинского дискурса: «Предпосылкой для этой работы служит утверждение Фуко о том, что язык в истории культуры всегда вызывал два подозрения: 1) что язык говорит, скрывая основной, глубинный смысл, и 2) что язык не ограничивается вербальной формой. Каждая культура вырабатывает собственные техники интерпретации, которые, по сути, есть способы подозревать язык в том, что он хочет сказать не то, что говорит» [17, с. 124]. «И здесь принципы “структурной истории” связывающие разные регистры – экономику, социологию, политику, идеологию, культуру, проводятся вполне последовательно, раскрывая трансформации, затронувшие комплекс способов видеть и описывать и, глубже, всего того, что поддается видению и описанию, видимого и описываемого» [19, с. 186].

Для Фуко язык становится сферой, где выстраивается бытие человека. Анализируя способы связи языковых знаков («слова») и обозначаемых ими предметов («вещи»), он обосновывает представление об историчности правил употребления и понимания определенного сообщения-дискурса, т.е. происходит изменение в сфере языка. Можно говорить и о перестройке медицинских технологий, и о трансформации представлений о жизни и смерти и самих оснований знания: «Эта структура, где артикулируются пространство, язык и смерть – то, что в совокупности называется клинико-анатомическим методом, – образует историческое условие медицины, которое представляет себя и воспринимается нами как позитивное» [15, с. 293]. Данное положение открывает Фуко поле новых исследований. Взгляд, пространство, язык предстают как аксиологически окрашенный способ различия явлений, выхода за пределы искаженной центрации и историзма. По мнению Фуко, субъект познания не в состоянии изменять пространство, язык, взгляд.

Отметим, что проблема языка проявляется сначала в пространстве феноменологии как вопрос о целостности «зримости» и «словесной выразимости» в качестве особого признака «медицинской рациональности» (понятийного строя медицины XIX в.).

Дискурс, как конструкция смысла, характеризуется упорядоченностью. Медицина рассматривается Фуко как «дискурсивная формация», понимаемая как единство текстов, «связанных семантическим (содержательно-тематическим) отношением и/или объединенных в коммуникативном и функционально-

целевом отношении» [20, с. 55]. Дискурс – целостность языковых практик, участвующих в выработке образа допускаемого ими объекта. Он конституируется совокупностью входящих в него и взаимодействующих специальных дискурсов, объединенных единой областью знания, «которая на протяжении всего периода развития имеет один и тот же объект – больного человека» [21, с. 3-4]. Учение Фуко о дискурсе – это концепция исторической реконструкции условий возможности рациональности вообще. Дискурс выступает в виде оценки конкретного явления в системе определяющих ценностей, воплощенных в структурах языка, в социальной символической скрытых от непосредственного наблюдения: «это не сознание, облекающее свой замысел во внешнюю форму речи; это не язык, и тем более не говорящий на нем субъект. Это практика, которая имеет свои собственные формы сцепления и последовательности» [11, с. 313]. Для Фуко ключевым является вопрос о способе бытия и о самой метафизике дискурса.

Медицинский опыт представляется в виде особого дискурса, строящегося по определенным правилам. Если конкретная культура участвует в формировании конкретного медицинского опыта, то и медицинский дискурс, влияя на культурное сознание определенного исторического периода, формирует феномен «медицилизации культуры». Французский философ считал, что медицина занимает «определяющее место в архитектуре совокупности гуманитарных наук: более чем другие, она близка всех их поддерживающей антропологической диспозиции. Отсюда же и ее авторитет в конкретных формах существования: «здоровье замещает спасение – говорил Гардиан... в этой культуре медицинская мысль по праву заняла статус философии человека» [15, с. 295]. Предмет интереса относительно медицинского дискурса определяется прояснением вопроса о том, каким образом познание больного строится в течение определенного периода. Отвечая на этот вопрос, Фуко, исходит из того, что «клинический опыт возможен в виде познавательной формы», а это ведет к реформированию комплекса больничного дела, к новой трактовке места больного в социуме. Данные «глубинные структуры», связывающие в целое язык, пространство и смерть, объединяются в форме клинко-анатомических методов и формируют историческое условие прогресса медицины как сферы «позитивного» действия и знания. Характер таких структур до конца не осознается и воспроизводится в стереотипах познания конкретных эпох европейской куль-

туры: «Развитие европейской научной медицины открывается в историческом измерении; при том, это не дискурс истории науки – накопления позитивных идей и смены научных школ. В центре внимания – медицина как элемент культурного текста» [22, с. 53]. Поэтому медицинский дискурс, становясь универсальным органом формирования жизни сознания с четкими «властными полномочиями», сможет конструировать особую культурную ситуацию. В этой логике Фуко изучает феномен «рождения клиники».

Медицинский язык XVIII в. не имел поддержки со стороны перцепции. Однако медицинский дискурс с XIX в. уже опирается на новую перцептивную практику. Классификационное (типологическое) медицинское мышление XVIII в. сформировало поле конфигурации болезни (оно не есть предмет, но выступает в качестве схемы классификации и схемы распределения (Верлен)). Начальная конфигурация болезни предстает как однородная совокупность элементов, в которой отсутствовала ясная детерминирующая логика, где нет развития, нет временности, ибо время было встроено в конфигурацию болезни в качестве нозологического инварианта [см.: 15, с. 36]. Следовательно, здесь имелось лишь «плоское пространство постоянной одновременности» [15, с. 28]. Медицинское мышление двигалось в русле следования естественнонаучного знания концепции Проекта Универсальной Таблицы. Такое мышление внесло в медицину логику типологической и родо-видовой таблицы, где любая ее клеточка выражала особую чистую нозологическую сущность, т.е. болезнь-в-себе. Натуральная и идеальная конфигурация симптомов, проявляющаяся лишь посредством тела, не были соотношены с взаимосвязью его объемов и масс: «Пространство тела и пространство болезни обладают свободой скольжения относительно друг друга» [15, с. 33]. Тело становится пространством совмещения, последовательности, пересечений, комбинированных форм. Болезнь связывается с больным телом лишь через изменяющиеся и измеряемые акциденции (возбужденность, рыхлость, сухость, жар, вес, вялость, слабость) требующие скрупулезного наблюдения для постановки диагноза и лечения. В результате формируется представление о новом пространственном распределении болезни, приведшее новому отношению к больному. Больной предстает не только как место, где болезнь в виде чистой нозологической сущности погружается во тьму и искажается, она выступает как «болезнь, приобретающая особенные черты» [15, с.

41]. Поэтому больной превращается в один из вариантов болезни.

Медицина классификационного типа вдохновлялась учениями Декарта и Мальбранша, где «видеть» означало «воспринимать» мир в естественном свете разума в виде иерархии абстрактных элементов. Мышление врача оформляется классификацией болезней, посредством которой, как через жесткую схему, врач смотрит на больного. Болезнь сводится к своей познаваемой стороне. Медик может познать сущность болезни, присутствующую лишь в объеме ее известности. Существовать значит быть воспринимаемым: «... “знание болезни есть компас врача: успех лечения зависит от точного знания болезни”; взгляд врача направлен вначале ... на то видимое множество, позитивное изобилие, стоящее перед ним; не на больного, но разрывы природы, лакуны и промежутки, где проявляются как в негативе “знаки, дифференцирующие одну болезнь от другой...”». Решетка, которая скрывает реального больного и сдерживает любую терапевтическую неловкость» [15, с. 31]. Болезнь предстает в виде различных синдромов в стабильной патологической картине. Это - «“типологическая патология”» [15, с. 44]. Фуко интересуется исходное распределение «видимого» и «невидимого», связанного или разделенного с выражающим себя и молчащим о себе. Это распределение, в котором «артикуляция медицинского языка и его объекта появляется как цельная фигура» [15, с. 11]. Поэтому тело становится определенным сводом символов. Дискурсивное описание должно совпадать с визуальным образом определенного течения болезни, чтобы в любом другом конкретном случае болезнь могла быть всегда узнанной посредством образа, воссоздаваемого при помощи текста.

Здесь принципы «структурной истории», связывающие экономику, социологию, политику, идеологию, культуру, проводятся последовательно, развертывая изменения, затрагивающие совокупность способов видеть и описывать и, глубже того, что поддается видению и описанию видимого и описываемого.

Предметом медицинского классификационного знания выступала болезнь, которая представала в виде чего-то специфически данного, как растения. В практике XVIII в. медицина давала имя болезни и определяла ее клетку в таблице болезней. «Медицинский взгляд» обязан был уметь выявить среди многих знаков определенные признаки болезни и соотносить их с данными классами: «Классифицирующее мышление обретает для себя сущно-

стное пространство. Болезнь существует лишь в нем, так как оно конституирует ее в качестве природы, и все же она кажется всегда несколько смещенной по отношению к этому пространству, ибо проявляется у реального больного в уже вооруженных глазах врача» [15, с. 32].

Мы видим аналогию с И. Кантом, который определяет рассудок как способность «познания через понятия». Он подводит многообразие чувственных созерцаний под общие понятия, т.е. осуществляет их мыслительный синтез. По Канту, все действия рассудка можно свести к суждениям. Рассудок предстает как «способность составлять суждения» [23, с. 167] посредством понятий являясь их предикатом. Рассудку в качестве материи дано многообразие чувственных представлений, которое «необходимо просмотреть, воспринять и связать» [23; С. 173]. Категории – изначальные понятия осуществляемого рассудком синтеза, содержащиеся а priori в рассудке, ибо «только через них (рассудок – В.А.) может что-то понимать в многообразном [содержании] созерцания, т.е. мыслить объект созерцания» [23, с. 175].

До погружения в тело, болезнь попадает в иерархически организованную структуру семьи, рода и типа. Тем самым разрабатывается таблица, формирующая образ болезни в «историческом» опыте, противоположного «философскому» знанию. Нозография стала методом построения медицинских теорий. В течении XVII в. клиника функционировала при классификационной медицине в качестве «нозологического театра», как формирование знания [15, с. 101], реализуя педагогическую функцию. Эта идея привела к необходимости абстракции болезни от определенного больного человека: «то, что классификационная медицина называет “частными историями”, суть результаты умножения, вызванного качественными вариациями (вследствие темперамента) сущностных качеств, характеризующих болезни. Больной индивид оказывается в месте, где появляется результат этого умножения. Отсюда его парадоксальная позиция» [15, с. 39]. С позиций классификационной медицины предполагалось, что истина болезни и особенности ее течения определяются в условиях максимальной изоляции болезни от социального окружения: «кто хочет знать болезнь, о которой идет речь, должен удалить индивида в его неповторимых качествах. “Творец, – говорит Циммерман, – определил течение большинства болезней непреложными законами, которые скорее открываются, если течение

болезни не прерывается или не затемняется самим больным»» [15, с.39].

Движение от идеи «болезни-растения» к новому воззрению на тело человека и есть та трансформация (называемую Фуко «рождением клиники»), которая принципиально изменила и врачебные практики, и, главное, само место и роль медицины в обществе. Клинический опыт приобретает статус науки на рубеже XVIII–XIX вв. Становление клинического мышления научного типа, по Фуко, определялось сцеплением событий, произошедших одновременно в разных сферах культуры (появление патологической анатомии, новое отношение к смерти (на смену мифу о бессмертии приходит понимание болезни и жизни в увязке со смертью), формирование определенных научных концептов (напр., теория тканей Биша, в которой утверждалось, что все ткани имеют разную модификацию), становление клиники как медицинского учреждения). Фуко считал процесс становления клиники крупнейшим событием в культуре и науке, ибо этим была оформлена принципиальная перестройка культурного сознания, формирование нового способа организации самих слов и вещей и самой медицинской рациональности. Классификационная медицина (медицина родов и видов, иерархий аналогий и признаков) освобождает пространство анатомио-клинической медицине, базирующейся на патологической анатомии и систематической практике вскрытия и исследования мертвых тел. Описательные конструкции, пронизанные метафизическим светом, уступают место всматриванию (и определенному опыту высказываний) в само тело человека, т.е. произошло смещение внимания с состояния больного на локализацию болезни в организме. Видеть для клинико-анатомической медицины означает изучать в опыте живое, хотя и мертвое, тело человека. Этот новый опыт смертности бытия человека, по Фуко, делает человека потенциальным объектом позитивного процесса познания, а медицина становится методологическим или даже онтологическим основанием научных знаний о человеке: «Уже в “Рождении клиники”, был открыт “абсолютный взгляд”, то что можно назвать “виртуальной видимостью” или “видимостью за пределами взгляда”, то что преобладает над всеми остальными формами перцептивного опыта и не апеллирует к зрению, не апеллируя одновременно к другим сенсорным полям, таким как слух и осязание. Видимости не определяются при помощи зрения, а представляют собой комплексы действий и пристрастий, действий и противодействий, мультисенсор-

ные комплексы, выходящие на свет» [14, с. 85].

«... Когда Корвизар слышит, как плохо работает сердце, а Лаэннек – как дрожит пронзительный голос, они видят гипертрофию, видят некое излияние, причем тем взглядом, который неотступно преследует их слух и подстегивает его за пределами слуха» [14, с. 85].

Принципиальный эмпиризм позитивного медицинского мышления основывается на реорганизации пространства, в котором сходятся тайное и явное. Это предполагает необходимость научиться видеть и высказывать, наблюдать и выслушивать, фиксировать и описывать повторяемости (констатировать единичности и серии событий, возможность мыслить время, интерпретировать симптомы как знаки и прочее). Теперь надо говорить не о больных. В центре внимания оказывается сама болезнь, поражающая как объективное состояние индивидуальное тело. Слова и вещи отныне связываются новой связью, заставляющей видеть и говорить. Сформировавшийся в пространстве клиники взгляд ведет к антропологизму, ибо это взгляд, полностью вписывающийся в поле дискурса метафизики. С точки зрения врача-типолога болезнь выступала как обычный природный вид, имевшая свои автономные по отношению к определенному больному особенности. Поэтому для раскрытия ее «истинной природы» требовалась очистка ее от всего случайного, постороннего, единичного: «”Нужно, чтобы тот, кто описывает болезнь, позаботился о различении свойственных ей симптомов, являющихся ее обязательным сопровождением, от случайных и необязательных, зависящих от темперамента и возраста больного”. Парадоксальным образом больной связан с тем, от чего он страдает, лишь внешним образом; медицинское исследование должно принимать его во внимание, лишь вынося за скобки» [15, с. 30]. Болезнь, которая скрывается в теле, «выдают» ее симптомы: «Формы медицинской рациональности углубляются в великолепную плотность восприятия, предлагая в качестве первого проявления истины крупницы вещей, их цвет, их пятна, их жесткость, их связь. Пространство опыта стало идентифицироваться с областью внимательного взгляда, с эмпирической бдительностью, открытой с очевидностью лишь для видимого содержания» [15, с. 13]. Французский философ считает, что фундаментом медицинского знания выступает клинический опыт, функционирующий под сенью «спекулятивных теорий». Такой опыт не выходит за рамки непосредственного наблюдения, которое задает опреде-

ленные корректирующие воздействия. Медицина, таким образом, есть пространство, где взгляд отождествлялся с актом означивания, тело предстает как место, где образ отождествлялся со словом, где о наблюдаемом можно говорить. Человеческое же тело выступает лишь как инструмент для говорения, создающего предпосылки для рассуждения, выступая основанием его возможности вообще: «Глаз стал хранителем и источником ясности, располагая властью заставить выйти на свет истину, которую он принимал лишь в той мере, в какой она была освящена; открываясь сам, он открывает истину первого открытия: перелом которым отмечен, начиная с мира классической ясности, переход от Просвещения к XIX веку» [15, с. 13-14].

В связи с этим Фуко проясняет возникновение в культуре нового способа выстраивания взаимоотношений слов и вещей и самого дискурса рациональности, ибо на место дескриптивных конструкций, освещаемых светом метафизики, приходит всматривание в саму реальность тела: «Рождается представление о том, что болезнь не метафизична, не выражение сущности человека, но феномен, соответствующий определенной сфере реальности, природному аспекту жизни. Происходит формирование особого научного понятийного аппарата, т.е. «дисциплинарное рождение» медицины (В. Степин), т.е. “рождение клиники”» [22, с. 54]. По сути, так трансформируется представление о природе болезни, которая мыслится не метафизически, выступая в качестве проявления человеческой сущности, а как явление, природному проявлению жизни, имеющему исключительно биологический смысл. «Медицинский взгляд должен открыть для себя новый вертикальный путь, идущий от поверхности симптомов к тканевой поверхности, преодолевая их плоскостную двухмерность и соединяя их с помощью третьего измерения. Формируется новая машина смысла, производящая свои эффекты посредством коммуникации серии видимого поверхностным взглядом и непосредственно описываемого и серии телесного, глубинного, скрывающегося во внутренних складках очаги локализации болезни. Время патологии и осязаемый обзор органических масс сосуществуют благодаря установлению фиксированных точек локализации болезни» [см.: 24]. Взгляд врача наделяется способностью различать патологию и норму, здоровье и отклонение.

В нач. XIX в. складывается ситуация, когда любое выражение медицинской дескрипции направляет взгляд врача на мир, когда воз-

можность наблюдения становится постоянной. Скрытая сторона тела человека, формировавшаяся долгое время в неконтролируемых глазом выдумках, была вдруг оспорена в ее объективности посредством медицинского дискурса редукционистского типа. С этого момента она превратилась в объект для его позитивного взгляда. Таким образом, клиническое медицинское знание образуется, опираясь на метод прямого наблюдения за течением болезни. На основании концепций Кондильяка и Кабаниса развивается уверенность в том, что чувственное восприятие превосходит интеллектуальное созерцание. Из перцептивного восприятия скоро появилось само клиническое наблюдение. Восприятие посредством чувств связано только с единичными феноменами, а не с нозографическими сущностями. Поэтому оно применяется не к болезни, а к больному, т.е. к телу, в котором затаилась болезнь: «Болезнь теперь – лишь некоторое сложное движение тканей в реакции на раздражающую причину: именно в этом – сущность патологии, так как не существует более ни летучих болезней, ни сущностей болезни» [15, с. 285].

Именно в это время формируется медицина больных органов и надолго из поля внимания врачей исчезает страдающий и болеющий человек: «Отныне медицинский взгляд будет направлен только на пространство, заполненное формами сочетания органов. Пространство болезни, без остатка и смещения, есть то же самое, что пространство организма. Воспринимать болезнь – есть некоторый способ воспринимать тело» [15, с. 288]. Традиционная система симптомов болезней начинает утрачивать свой смысл, ибо знаки становятся ценными не сами по себе, а лишь в свете вопросов, которые должны быть правильно поставлены медиком. Клиническое наблюдение, по сути, – осязательно. Поэтому наблюдение необходимо связывается не со слушающим ухом, а с прощупывающим пальцем. Это новое чувство приписывает клиническому наблюдению свои нормативы и эпистемологическую структуру: «Позиция субъекта определяется в равной степени и тем положением, которое он может занимать по отношению к разным областям или группам объектов; он является субъектом, задающим вопросы в соответствии с определенной сеткой эксплицитных или имплицитных вопросов, и выслушивающим ответы в соответствии с определенной программой информации; он является субъектом, наблюдающим в соответствии с таблицей характерных признаков и делающим отметки в соответствии с определенным типом описания; он находится

на оптимальной перцептивной дистанции, границы которой определяют мельчайшую существенную информацию; он прибегает к посредничеству инструментов, которые видоизменяют масштаб информации, перемещают субъекта относительно усредненного или непосредственного перцептивного уровня, обеспечивают его переход от поверхностного к глубинному уровню, заставляют его перемещаться во внутреннем пространстве тела – от явных симптомов к органам, от органов к тканям и в конце концов от тканей к клеткам» [9, с. 116]. Болезнь уже не высказывается языком знаков, а превращается в факт «нащупывающего взгляда».

В нач. XIX в. врачи сумели описать то, что в течение длительного времени находилось за гранью того, что является видимым и высказанным. Однако это стало возможным не по той причине, что медики научились нечто воспринимать в результате длительных рассуждений, или прислушиваться к более сильным аргументам, чем образы воображения. Это стало возможным в силу того, что «связь видимого и невидимого, необходимая для любого конкретного знания, изменила структуру и заставила проявиться во взгляде то, что было и по ту, и по другую ее сторону» [15, с. 12]. На этом фундаменте патология пространственно определяется и «оречевляется». Медицина становится пространством, где взгляд стал тождественным акту означивания. Тело предстает как место, где образ становится тождественным слову, где доступное взгляду может высказываться. В этих условиях тело становится лишь инструментом для говорения, делает это говорение возможным вообще. Оно становится определенным алфавитом, тем, на что возможно «наклеить» определенные знаки: «Взгляд – ... то, что создает индивида в его неустранимом качестве и делает возможным создание вокруг него рационального языка. <...> на индивида можно, наконец, распространить структуру научного рассуждения» [15, с. 15]. Подчеркнем, рационального, позитивного языка. Таким образом, Фуко стремился выявить те условия, благодаря которым научное знание (знание всеобщего) о человеческом индивиде в принципе возможно. Этим условием становится, по его мнению, то, что он определил как клинику. В медицинской практике объектом наблюдения является индивид в его единичной конечности: «Клинический опыт – это первое в западной истории открытие конкретного индивида на языке рациональности, это грандиозное событие в отношении человека к самому себе, а языка к вещам» [15, с. 15]. Тем самым

клиника превратилась в органон встраивания человеческого тела в поле определенной истины, за пределами которого оно просто не может жить. Суть вопроса заключается только в разработке определенной технологии достижения истины. Эта технология сводится к разработке правил, которым обязан следовать взгляд: «От клинициста требуется не просто смотреть на тело, а производить осмотр, не читать и интерпретировать распространенные по телесной поверхности знаки, а исследовать места возможной концентрации симптомов, индивидуальность тела как плоти оказалась вытесненной типологией тела как места сосредоточения признаков-симптомов» [25, с. 37].

Здесь наблюдения Фуко перекликаются с историческим исследованием социальных функций религии, проведенные его последователем М. де Серто, прояснивший, как в XVII–XVIII вв., основанное на интеллектуальном опыте Просвещения, социальное начало проявилось в отношениях человека с его телом. Он показывает значение медицинского опыта для концептов «современный европейский человек» и «знания современного европейского человека о человеке вообще»: «В различных и разноименных вариантах – этнологии, истории, психиатрии, педагогике и т.д. – здесь разворачивается единая проблематика, выражающая умение высказать то, о чем другой молчит, и гарантирующая истолковательский труд науки («гуманитарной науки») с помощью границы, которая отделяет исследователя от области, ждущей его, дабы стать, наконец, узнанной. Ключевой в этом смысле образец дает современная медицина с того момента, когда тело становится для нее картиной, доступной прочтению, а значит и переводу в то, что можно вписать в пространство языка... Тело есть шифр в ожидании дешифровки» [цит. по: 26]. «Хозяйстве письма» он показывает, что в такой биополитической рамке первым объектом социологического анализа является тело человека: «Индивидуалистическое и медицинское определение человека обрисовывает собственно «телесное» пространство, в рамках которого отныне и должны рассматриваться сочетания отдельных элементов и законы их обмена» [27, с. 37].

Являясь наукой о теле медицина всегда предстает как определенная интерпретация, о которой Фуко имеет определенное мнение: «комментировать – значит признавать, по определению, избыток означаемых над означающими, неизбежно неформулируемый остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, составляющий саму суть, выталки-

вающую наружу свой секрет» [15, с. 18]. Медицина есть интерпретация потому, что болезнь никогда не выступает в качестве ощущения, она может быть только умозаключением. Поэтому болезнь, в сущности, не является данной. Она – определена: «Симптом – отсюда его господствующее положение – есть форма, в которой проявляет себя болезнь: из всего, что видимо, он наиболее близок сущности. Он – первая транскрипция недоступной природы болезни. <...> Симптомы позволяют *сделать прозрачным* неизменный, немного отстраненный, видимый и невидимый лик болезни» [15, с. 142]. И далее: «Формирование клинического взгляда связано с появлением взгляда врача в поле знаков и симптомов. ...впредь означающее (знак и симптом) будет полностью прозрачно для означаемого, которое проявляется без затемнения и остатка в самой своей реальности, и что существо означаемого – сердцевина болезни – полностью исчерпывается во вразумительном синтаксисе означаемого» [15, с. 143]. Рациональное наблюдение основывалось на опознании болезни врачом по знакам и симптомам, посредством которых она заявляет о себе. В медицинской практике различали три вида знаков: диагностические, прогностические и анамнестические. Всегда выступая как темнота, болезнь следует за знаком. Достижение целостного знания о болезни зависело от выработки комбинированного навыка сознания в оперировании знаками, ибо чувственное зрение врача не предполагает различения болезни и ее знаков.

Фуко утверждает, что в качестве истины аномального тела, т.е. «существом означаемого», выступает сердцевина болезни. Произошло смещение внимания с состояния больного на локализацию болезни в организме. В данном случае участие самого больного в процессе собственного оздоровления превращается в молчаливое согласие с терапевтическими процедурами, закодированными обозначениями недоступными для пациента: «Врач и больной втягиваются в бесконечно увеличивающуюся близость и связываются: врач взглядом, который насторожен и всегда направлен к постижению больного; больной – совокупностью незаменимых и немых качеств, которые его выдают, иначе говоря, демонстрируют и варьируют точные упорядоченные формы болезни» [15, с. 41]. Таким образом, пациенту отводится место в научном протоколе, где основное значение имеют врачебные представления о норме, патологии, здоровье и болезни.

Наличие болезни в теле позволило медикам рассматривать его как совокупность

определенных знаков, а не как одно из их проявлений. Тело предстает как носитель симптомов-означающих, являясь пространством локализации означаемого-болезни. Такая знаковая интерпретация симптома и болезни, патологии и тела позволяет сформулировать проблему «истины тела». Фуко подчеркивает, что практика клинического исследования транслировала понятие истины на пространство телесности. Философ говорит о наличии смутной цели клинической медицины: каждый симптом должен иметь значение, т.е. каждое изменение в теле должно стать значимым. Таким образом, само доступное взгляду тело должно рассматриваться как единство многих симптомов-знаков, локализованных на всей его поверхности. Любое реальное тело всегда отличается от изображения, присутствующего в анатомическом атласе. Оно предстает в как аномальное тело, которое прячет свою истину. Если оно и не требует сиюминутного лечения, то, по крайней мере, подробного изучения. Принципиальным для практики клинической медицины является проблема: где возможно провести границу между симптомом и индивидуальными характеристиками тела? Что позволяет объединить образ тела и болезнь? В каком случае аномалия может перерасти в патологию? Для ответа на этот вопрос необходимо создать идеальный язык о теле – клиническое описание, ибо хаотическое говорение тела о себе не может быть прервано. Следовательно, тело всегда может сказать нечто тому, кто желает его услышать. Проблема же состоит в возможности расслышать то, что выступит как истина тела.

Исходя из вышесказанного, философ дает дефиницию: «Клиника – это одновременно и новый срез вещей, и принцип их артикуляции в языке, где у нас есть обычай принимать язык за позитивную науку» [15, с. 20]. Знание клинической медицины выступает в виде единства наблюдения, исследования, расшифровки, регистрации и решений, необходимых для реализации субъектом познания на практике медицинского дискурса. Таким образом, клиника выступает в качестве способа исследования вещей и способа о них говорить. Другими словами, клиника в узком смысле слова выступает как способ проникновения больного (патологического) тела в дискурс науки, а в широком же смысле слова – способ распространения дискурса. Таким образом, медицинский клинический дискурс позволяет сделать органы человеческого тела узнаваемыми. Этим клиника формирует определенные критерии пра-

тельности использования медицинских понятий в условиях зрительного осмотра и описания изучаемого тела: «Взгляд восстанавливал в своей высшей практике структуры видимого, которые он сам внес в свое поле восприятия» [15, с. 181].

А.В. Смирнов приводит следующий пример: «анатомический атлас, где каждый орган имеет точное название и канонический ракурс изображения при определенной плоскости сечения. И в то же время мы знаем, что атлас не изображает чьи-либо органы: он изображает органы как таковые, то есть в некотором смысле «идеи» органов. Именно благодаря атласу органы становятся узнаваемыми, хотя ни одного реального органа мы там не найдем, причем не только органа, но даже его изображения. ...Клинический взгляд фактически делает то же самое: он предлагает увидеть тело не как тело единое, но как расчлененный определенными плоскостями сечения объект анатомического исследования – тело больное». [25, с. 35].

В своей книге Фуко демонстрирует, как формировалась сама возможность «знания об индивидууме»: «Без сомнения, для нашей культуры решающим остается то, что первый научный дискурс, осуществленный ею по поводу индивида, должен был обратиться, благодаря этому моменту, к смерти. ...от выделения места для смерти в медицинском мышлении родилась медицина, которая представляет собой науку об индивидуе» [15, с. 293]. «Раскрытию», экспликации болезни служит, таким образом, и вскрытие медиками больного тела. Оказалось, что болезнь возможно с одинаковым успехом исследовать как на мертвом, так и на живом теле. Живое и мертвое тела могут выступать в качестве замены и дополнения друг друга. Фуко утверждает, что становление и развитие патологической анатомии оказалось важнейшим фактором формирования медицинского знания клинического типа. Практика вскрытия мертвых тел, особенно если эта операция осуществляется сразу после смерти, дала возможность врачам Парижской школы сформировать новый взгляд на болезнь, которая, как и сам метод патологоанатомического исследования, были всюду взяты на вооружение клинической медициной. Включение данных патологоанатомической наблюдения в целостность медицинских знаний позволило пересмотреть традиционные представления о теле и болезни. Врачи стали усматривать в теле начали не только разнообразные органы, но также и разные виды тканей. Поэтому болезнь теперь имела локализацию в тканях организма.

Она уже не истолковывается в качестве автономного натурального явления, а превращается в обычное отклонение от нормы – в патологию.

Необходимость практики патологоанатомического исследования для медицины исследований сформировала новый взгляд на смерть. До этого смерть рассматривалась как итог болезни, предел, намечавший сферу обращения к медицинским знаниям, она представляла как тьма. Теперь смерть превращается в технический элемент познания, в то условие, которое позволила подвергнуть анализу определенные органические взаимосвязи и патологические цепочки. С этого момента смерть уже не выступает в качестве разложения бывшего живым тела. Она превращается в поле анализа, дающего возможность познавать жизнь. Мортализм превращается в фундамент витализма. Однако главным результатом этого процесса стала концептуализация смерти и жизни, а так же пространственная локализация патологии, позволившая выработать в медицинском знании научные представления об индивидуе. Ушло в прошлое выдвинутое еще Аристотелем недопустимость рассуждения об особенном. Смерть выступила «лирическим ядром человека». Клиническая медицина создала для западной науки новый объект – человеческого индивида. Она ввела конечность человеческого бытия в сферу своего наблюдения и своих методов. Поэтому в западно-европейском дискурсе опыт человеческой индивидуальности непосредственно сопряжен с опытом смерти.

По Фуко, смерть прямо связана с индивидуалистическим опытом в современной культуре. Она позволяет человеку быть услышанным: «Возможность для индивида быть одновременно и субъектом и объектом своего собственного знания содержит в себе то, что игра в конечность может быть инвертирована в знание» [15, с. 294]. Революция в медицине произошла в то время, когда было осознана необходимость вскрытия и изучения мертвых тел. Отсюда перестройка и медицинских технологий, и изменение взглядов на жизнь и смерть, самого фундамента знания. Фуко подчеркивает, что «Медицина предлагает новому человеку настойчивый и утешительный лик конечности; в ней смерть подтверждается, но, в тоже самое время, предотвращается; если она без конца объявляет человеку предел, заключенный в нем самом, то она говорит и о том техническом мире, что является вооруженной позитивной и заполненной формой его конечности» [15, с. 295]. Медицина поэтому становится в форму мышления «начал» человека и

«границ» его экзистенции, превратившись из прикладной науки в основание всех наук о человеке. В связи с этим оказалась необходимой целостная реорганизация структуры научного знания XVII–XVIII вв.: «Значение Биша, Джексона, Фрейда для европейской культуры доказывает... что в этой культуре медицинская мысль по полному праву заняла статус философии человека» [15, с. 295]. Опыт о человеке становится медицинской антропологией. Это историко-культурный образ как врачебных теорий и практик, в пространстве которых выстраивается человеческая жизнь, так и их философских оснований.

Таким образом, «В начале XIX века были по-новому определены различные положения, которые может занимать субъект медицинского дискурса, что определялось организацией совершенно иного перцептивного поля (расположенного в глубине, выделяемого через посредство инструментов, развернутого при помощи хирургических методик или методов аутопсии, сосредоточенного вокруг очагов патологии), введением новых систем регистрации, нотации, описания, классификации, сведения в числовые ряды и статистики, а также введением новых форм обучения, распространения информации, новых форм связей с другими теоретическими областями (с науками или с философией) и появлением других социальных институтов (будь они административного, политического или экономического порядка)» [9, с. 117].

Список использованных источников

1. Конев, В.А. Философия культуры и парадигмы философского мышления [Текст] / В.А. Конев. Онтология культуры (Избр. работы). – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. – С. 3-17.
2. Конев, В.А. Критика способности быть (Семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера) [Текст] / В.А. Конев. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 174 с.
3. Фуко, М. Субъект и власть [Текст] / М. Фуко. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 161-190.
4. Конев, В.А. Философия XX века в поисках новой парадигмы [Текст] / В.А. Конев // Философия, общество, культура: сборник научных статей, посвященных 70-летию профессора В.А. Конева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 364-386.
5. Фуко, М. Что такое автор? [Текст] / М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 7-46.

6. Фуко, М. Порядок дискурса [Текст] / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. – С. 47-96.
7. Хархордин, О. Фуко и исследование фоновых практик [Текст] / О. Хархордин // Мишель Фуко и Россия: Сборник статей. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – С. 46-81.
8. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1994. – 406 с.
9. Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – 416 с.
10. Вен, П. Фуко. Его мысль и личность [Текст] / П. Вен. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с.
11. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice. Victoria, Australia: Deakin University Press, 1985.
12. Фуко, М. Дискурс и истина [Текст] / М. Фуко. – Минск: Пропилеи, 2006. – 152 с.
13. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
14. Делёз, Ж. Фуко [Текст] / Ж. Делёз. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
15. Фуко, М. Рождение клиники [Текст] / М. Фуко. – М.: Изд-во «Смысл», 1998. – 310 с.
16. Делёз, Ж. Различие и повторение [Текст] / Ж. Делёз. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
17. Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время [Текст] / А.В. Дьяков. – СПб.: Алетейя, 2010. – 672 с.
18. Dagognet F. Archeologie ou histoire de la medicine // Critique. – 1965. – № 216 (mai).
19. Эрибон, Д. Мишель Фуко [Текст] / Д. Эрибон. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 378 с.
20. Чернявская, Е.В. Дискурс: Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Е.В. Чернявская. – М.: Наука, 2003. – 696 с.
21. Мишланова, С.Л. Метафора в медицинском дискурсе [Текст] / С.Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. – 161 с.
22. Кириленко, Е.И. Тема медицины в гуманитарном дискурсе [Текст] / Е.И. Кириленко // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 316. – С. 52-59.
23. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. Сочинения: В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
24. Ганжа, Р. Машины смысла и избыточность комментария [Электронный ресурс] / Р. Ганжа // <http://www.lib.rin.ru/doc/i/90179p4.html>. – Дата доступа: 10.04.2011
25. Смирнов, А.В. Рождение клиники, или Тело через болезнь [Текст] / А.В. Смирнов // Studia culturae. Вып. 1. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. –

СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 32-38.

26. Дубин, Б. О Мишеле де Серто [Текст] / Б. Дубин // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 5-10.

27. Серто, М. де. Хозяйство письма [Текст] / М. де Серто // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 29-46.

© Afanasevsky V.L., 2018

**«AN ARCHAEOLOGY OF MEDICAL
PERCEPTION» BY M.FOUCAULT
AS CRITICISM OF THE MODERN
MEDICAL DISCOURSE**

The analysis of the phenomenon of 'the birth of the clinic' is attempted in this article. It deals not only with the change in the medical practice but in physician's thinking. Now separate organs of the human body are cured, not a human being on the whole. The author shows that a special perception of a patient is structured during one or the other period of time. The latter is analyzed on the basis of the works by Michel Foucault.

Keywords: *illness, symptom, the birth of the clinic, death, pathology, medical gaze, individual, clinical practice, sign, nosography, discourse, medicine.*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

На основе уточнения ряда междисциплинарных категорий (теоретического обоснования проблемы) авторы раскрывают современное содержание экономического действия, обосновывают его связь и зависимость с социальным действием, экономическим потенциалом, а также процессом реализации экономических интересов акторов.

Ключевые слова: *экономический актор, общественное хозяйство, экономические интересы, экономическое действие, социальное действие, экономический потенциал, экономические интересы.*

Для раскрытия содержания экономического действия необходимо уточнение ряда междисциплинарных категорий, таких как: экономический актор, общественное хозяйство, экономические интересы. Остановимся подробнее на их характеристике, что создаст теоретические предпосылки раскрытия современного содержания категории «экономическое действие». Актор (actor) нами будет рассматриваться как человек, занимающийся социальной деятельностью. П. Штомка в этой связи отмечает, что акторы – это разновидность трудовых субъектов, реализующих коллективное действие, представляющих систему «деятельных субъектов, выполняющих социально обусловленные функции» [13, с. 23].

Таким образом, актор – это деятельный человек, рассматриваемый в контексте социальных связей и взаимозависимостей по поводу реализации социального действия. «Термин используется главным образом без какого бы то ни было предположения, будто социальные акторы всегда сознательно "осуществляют руководство" своими деяниями. Однако, как указывает понятие роль, социальная деятельность часто предполагает акторов, играющих «роль», хотя обычно не без возможности интерпретации и переделки ее акторами» [1, с. 254].

В тоже время необходимо отметить, что субъект «становится экономическим актором только по отношению к какому-либо действию (деятельности), актор же может рассматриваться как субъект лишь при наличии соответствующих характеристик сознания» [7, с. 277-278]. Экономический актор представляет собой участника коллективного экономического действия, выполняет социально обусловленные экономические функции, направленные на

реализацию процесса производства, распределения, обмена или потребления. Он характеризуется той социально-экономической ролью, которую выполняет в обществе, в целом, или в его отдельной социальной подсистеме.

Общественное хозяйство – это интегрированная система хозяйственных организаций общества. Общественное хозяйство отражает исторически определенную совокупность социально-экономических отношений, стилей экономического взаимодействия и поведения населения, которые характеризуют способ социального производства, форму распределения, обмена, а также потребления материальных и духовных благ и услуг. Можно констатировать, что общественное хозяйство характеризуется совокупностью социально-экономических отношений, которые складываются в общественных системах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных ценностей, необходимых для воспроизводства жизнедеятельности населения.

Известны две формы ведения общественного хозяйства: натуральная и товарная.

Натуральная форма хозяйствования – это форма хозяйствования, где создание материальных и духовных благ и услуг осуществляется для собственного потребления хозяйствующего субъекта. Результат хозяйствования здесь потребляется внутри отдельными хозяйственными единицами. Основу натурального хозяйства, как правило, составляют земледелие в сочетании с домашней производственной деятельностью.

Основными чертами натурального хозяйства являются: отсутствие единого национального хозяйства; отсутствие общего национального рынка; подавляющее большинство необходимых продуктов производится в собственном хозяйстве; неустойчивая, нерегулярная, случайная связь между отдельными хозяйствами; самообеспечение хозяйств всем необходимым (от простого хлеба до средств производства, за исключением предметов роскоши); значительная часть создаваемого прибавочного продукта идет на непосредственное потребление; преобладание в общественном хозяйстве сельскохозяйственной подсистемы; низкий уровень эффективности труда; неразвитость технической вооруженности труда.

Натуральное хозяйство имеет ограниченный потенциал развития. Последнее привело к его разрушению и формированию товарной формы хозяйствования (в качестве ведущего общественного уклада).

Товарная форма хозяйствования – это общественная форма хозяйствования и организации экономики, основанная на товарном производстве. Создание материальных и духовных благ и услуг здесь осуществляется для реализации на общественном рынке. Товарная форма хозяйствования обеспечивает адаптивное взаимодействие между общественным производством и потреблением посредством рынка. Результаты хозяйствования здесь ориентированы на спрос и предложение, объективно складывающиеся на рынке.

Условия возникновения товарной формы общественного хозяйствования:

1. Разделение общественного труда, развитие человеческого и материального фактора общественного производства, впоследствии развитие специализации, рост социальных практик обмена;

2. Возникновение хозяйственно обособленного субъекта экономического действия, развитие частной собственности, создание излишек создаваемой продукции, рост товарного обмена.

Общественное разделение труда – это форма, механизм, способ сотрудничества людей, когда один человек, группа людей (различные племена, государства) сосредотачиваются на создании какого-нибудь одного продукта, иными словами, происходит специализация. Общественное (социальное) разделение труда – это процесс естественного и технического разделения труда, рассматриваемый во взаимодействии и в единстве с социально-экономическими факторами, в результате реализации которых осуществляется обособление, а также дифференциация различных видов и форм трудовой деятельности.

Естественное разделение труда представляет собой процесс обособления различных видов трудового действия человека по половозрастному признаку.

Техническое разделение труда представляет собой процесс дифференциации трудовых действий человека, которые предопределяются природой используемых механизмов, средств производства, техники и технологий.

Современная товарная форма хозяйствования в своем развитии прошла два этапа: простое товарное производство и развитое товарное производство.

Простое (или неразвитое) товарное хозяйство – это общественная дифференциация и

разделение труда; частная собственность, в том числе и на средства производства, результаты и продукты трудовой деятельности; индивидуальный личный труд как собственника средств производства, так и собственника рабочей силы; удовлетворение социальных потребностей в результате купли, а также продажи.

Развитое товарное хозяйство: товарами становятся факторы хозяйственного воспроизводства (человеческий и материальный); всеобщность рыночных отношений; господство крупного машинного производства; наличие рыночной инфраструктуры.

В целом развитое товарное хозяйство отличается следующими чертами и особенностями организации общественного труда: существует развитая система общественного разделения труда (каждый экономический агент специализируется на создании какого-либо одного продукта); продукты производятся с целью их продажи; товарно-денежные отношения носят всеобщий характер; формируются единые национальные рынки, возникает понятие общественного труда; связь между создающими и потребляющими продукты осуществляется через систему рыночных отношений; развитая система свободной конкуренции.

Выше представленное теоретическое обоснование категориального аппарата позволяет нам перейти к исследованию экономического действия. Рассмотрение экономического действия как формы социального действия осуществим на основе анализа теорий классиков социологии Т. Парсонса и М. Вебера. Т. Парсонс выделил три компонента социального действия: 1) непосредственный актор социального поведения и действия, то есть действующий субъект; 2) цель социального действия, то есть возможный результат действия в представлении субъекта (то к чему стремится «эго»); 3) ситуация действия, условия в которых действие совершается, а также средства, которые могут быть использованы для достижения цели [9]. Необходимо отметить, что характеристики социального действия, а также его побудительные силы (потребности и интересы) представляют собой важнейшие элементы объекта исследования экономической социологии.

М. Вебер, анализируя экономическое действие, пришел к выводу, что данное действие является «хозяйственно ориентированным» действием. Последнее он рассматривал как действие, «по своему предполагаемому смыслу ориентированное на обеспечение желаемой полезности» (при этом М. Вебер хозяйственно ориентированное мирное исполнение распорядительной власти называет хозяй-

ствованием) [4, с. 47]. Доказывается, что экономический актор, реализуя различные формы экономических действий, субъективно, осознанно и сознательно осуществляет ориентацию на достижение собственной выгоды. Характерными чертами экономического действия как социального процесса являются: 1) ограниченность имеющихся ресурсов; 2) независимость, свобода оценки и выбора способа реализации ограниченных социально-экономических ресурсов; 3) осознанное стремление акторов к получению выгоды (реализации эгоистического интереса); 4) легальность реализации средств для достижения поставленных целей, которые имеют качественную и количественную характеристику [5, с. 47].

«Экономическое действие не обязательно сводится к *эгоистическому интересу* человека или удовлетворению чьих-то личных интересов... Оно включает интересы выживания и благосостояния его ближних, вплоть до откровенно альтруистических элементов» [10, с. 21]. В. Радаев в этой связи отмечает, что в качестве одного из признаков экономического действия можно рассматривать его «нацеленность на обеспечение жизнедеятельности людей», что предполагает включение в этот тип действий социального компонента, игнорирование которого приводит к «нарушению процесса нормального биологического и социального воспроизводства, возникновению угрозы самому существованию отдельного человека, группы или сообщества» [10, с. 21]. При этом важно отметить, что жизнеобеспечение выступает основным элементом системы целеполагания любого экономического актора. Поэтому можно констатировать, что всякое экономическое действие актора направлено в конечном итоге на создание условий, обеспечивающих расширенное воспроизводство социума в системе его жизнедеятельности. Достижение личного благосостояния представляет собой промежуточное звено в данном процессе.

М. Вебер в этой связи отмечает, что социальное действие проявляется тогда, когда оно, с одной стороны, является видом осознанной деятельности, с другой – отражает проявление внутренней мотивации человека. При этом субъект социального действия ожидает от иных субъектов (людей) определенных ответных реакций и действий. Последняя может выражаться в: прогнозируемом поведении человека или группы лиц; предполагаемых ценностных приоритетах различных людей; мысленных предпочтениях окружающих индивидов; предполагаемом отказе от всякого действия людей в той или иной ситуации [3, с. 625-

626]. Только часть социальных действий внешне проявляет себя как экономическое действие. Человек, реализующий экономическое действие, проявляет себя как экономический актор. «Субъект становится экономическим актором только по отношению к какому-либо действию (деятельности), актор же может рассматриваться как субъект лишь при наличии соответствующих характеристик сознания» [7, с. 277-258]. В качестве экономических акторов должны рассматриваться индивиды, социальные организации, общности, объединения. Экономические акторы – это все те люди, реализующие экономические действия и оказывающие влияние на процессы производства, обмена, распределения или потребления. Каждый человек, обладающий сознанием, вступающий в социально-экономические отношения, действующий для решения экономических задач или достижения экономических целей, является экономическим актором. Люди все более становятся экономическими акторами, то есть решают экономические задачи, реализуют экономические цели, «живут и действуют на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности, автономности» [2, с. 287].

Экономический актор не должен рассматриваться как отдельно взятый индивид, ведь в реальной жизни экономический актор находится в различных социально-экономических сетях, а его деятельность обусловлена историческими и институциональными особенностями социокультурной среды. Социальное проявление экономического действия предполагает, что мотивы социального поведения человека выходят за пределы чисто экономических целей и задач. Человек преимущественно мотивирован социальными, а также социально-культурными целями. Мотивы социального поведения человека формируются в системе социального и социально-экономического взаимодействия. Они являются продуктом функционирования социальных систем. При этом экономические предпочтения изолированного индивида являются вторичными [14, с. 6].

Таким образом, экономическое действие – это действие экономического актора, которое является «хозяйственно ориентированным» действием, направленным на достижение желаемой (необходимой) полезности. Экономическое действие – это не однократный акт, одномоментное событие (социальное действие), а система взаимосвязанных взаимозависимых действий как характеристика особого рода экономического поведения (действия) экономических акторов.

Интерес представляет собой форма проявления потребностей личности, групп, коллективов, объединений людей. Интересы объективны по своему характеру и содержанию. Они возникают у разных социальных групп и социальных слоев в процессе реализации экономического действия и характеризуют направленность субъектов на социально значимые для его потребления материальные или духовные объекты. Гегель убедительно доказал, что экономические действия человека вытекают из его потребностей, страстей, а также интересов «и лишь они играют главную роль» [6, с. 20].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что экономические интересы представляют собой основную причину формирования стимулов экономического действия, а также экономического поведения социума. Экономические интересы создают условия согласованности хозяйственного взаимодействия различных социальных групп и объединений в ходе непрерывной адаптации к изменениям внешней социальной среды. Экономический интерес необходимо рассматривать как основную категорию, обозначающую реальные причины, а также коренные, наиболее глубокие мотивы человеческого экономического действия и социально-экономического поведения акторов. Экономический интерес отражает непосредственные побуждения субъектов – мотивы, помыслы, идеи. По сути, экономический интерес определяет согласованность во взаимодействии социально-экономических групп общества в ходе реализации приспособления последних к социально-экономическим изменениям, трансформирующим данное взаимодействие. Необходимо согласиться с тем, что экономические интересы являются формой отражения социально-экономических отношений между различными акторами социально-экономического действия. Данные отношения характеризуют производство, обмен и потребление «ограниченных материальных ресурсов» [12, с. 206].

Процесс формирования экономического интереса в абстрактной форме можно выразить в виде следующей модели:

- 1) рост потребностей, социальных нужд человека;
- 2) рост значимости для его жизнедеятельности определенного набора благ;
- 3) проявление набора благ в форме внешних стимулов экономического действия;
- 4) формирование внешних объектов стремления, актуализация новых социальных потребностей и реализация определенной формы экономического действия актора.

В современных условиях можно уточнить основные социальные характеристики экономического интереса.

1. Экономические интересы относятся к определенным носителям экономического действия. Их можно выявить и исследовать относительно определенных социальных групп, слоев населения, коллективов, общностей. Социологическое исследование экономических интересов должно осуществляться в рамках определенной исторически сложившейся системы хозяйственных отношений, необходимо уточнение взаимосвязи и взаимозависимости экономических интересов различных субъектов хозяйственной деятельности.

2. Экономические интересы объективно отражают статус и роль различных акторов экономического действия в общественной системе хозяйствования, исторически сложившиеся формы разделения труда, определенный тип общественного производства, обмена, распределения и потребления.

3. Экономические интересы обусловлены институциональной и социокультурной средой общественной жизнедеятельности и реализуются в системе социально-экономического взаимодействия субъектов хозяйствования. «Социально-экономические интересы определяют объективную направленность и необходимость реализации хозяйственной деятельности в целях удовлетворения социальных потребностей субъектов экономического действия. Являясь частью более широкой социальной системы, субъекты экономического действия не могут в своем поведении руководствоваться лишь эгоистическими интересами – им приходится, учитывая законные интересы других субъектов, выбирать компромиссный стиль социально-экономического поведения, согласованный с социальными нормами и социокультурными ценностями, отклонение от которого ведет к социальному конфликту интересов» [8, с. 352].

4. Условно экономические интересы можно разделить на общие, особенные и частные. Экономические интересы объективно определяют и формируют всякую систему экономического действия. Поэтому каждой исторически сложившейся хозяйственной общественной системе присуща своя особая структура общих, особенных и частных экономических интересов, свой особенный механизм их взаимодействия. «Общий экономический интерес обобщает частные интересы целого и выражает доминирующую тенденцию развития этого целого. Однако неравномерность развития различных компонентов целого способна по-

рождать противоречия между общими и частными экономическими интересами, в результате чего возможны две крайности – отрыв общего экономического интереса от своей собственной почвы и его превращение в абстрактный лозунг и, напротив, игнорирование и недооценка общих экономических интересов, выдвижение на первый план частных интересов. Обе крайности ведут к замедлению темпов общественного развития и затруднению реализации как общих, так и частных экономических интересов» [12, с. 206-207].

5. Экономический интерес является базовым, но не единственным источником побуждения человека к реализации экономического действия. Система побуждения человека к реализации экономического действия имеет компоненты: экономические интересы, социальные нормы (образцы, стандарты деятельности, правила поведения, выполнение которых ожидается от актора), принуждения (внутренние побуждения безальтернативного подчинения человека внешним по отношению к нему условиям). Систему хозяйственных мотивов и стимулов не возможно сводить к получению экономического вознаграждения. Необходимо рассматривать стремление к улучшению внешних и внутриорганизационных условий труда (безопасность, комфортность), а также обогащение содержания трудового процесса (рост разнообразия операций, творческое насыщение процессов трудовой деятельности), достижение профессионального роста, относительной независимости и автономности трудового процесса. Несложно заметить, что данная система стимулов выходит далеко за пределы непосредственных экономических ценностей и благ. Актор стремится не только к общению, но и соревновательности, построению собственной карьеры, получению доступа к власти и социально-экономическому престижу, возможности подчинения других и себя определенным нравственным, профессионально-культурным, религиозным, а также идейным, патриотическим принципам и канонам. «И весь этот сложный мотивационный комплекс привносится им в сферу хозяйственных отношений» [11, с. 67].

Таким образом, экономический интерес представляет собой потребительную перво-причину экономической деятельности социальных субъектов. Он определяет потребительское побуждение субъекта к экономическим действиям, направленным на удовлетворение определенной материальной или духовной нужды. Экономический интерес определяется не только системой непосредственных

потребительских побуждений, но и внутренними мотивами, ценностными убеждениями, идеями субъекта экономического действия.

С определенной долей абстракции можно сформулировать социальную закономерность взаимосвязи развития экономических интересов и качества экономических действий акторов. Экономические действия представляют собой проявление реализации экономических интересов. Поэтому можно констатировать, что развитие экономических интересов определяет процесс одновременного развития качественных характеристик экономических действий акторов. По сути, экономические интересы в современных условиях проявляются как движущие силы системы общественных экономических действий. Они определяют уровень и характер общественного развития, стимулирующий комплекс, побудительные мотивы экономических действий людей.

Список использованных источников

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2 [Текст]. – М.: Вече, АСТ, 1999.
2. Брушлинский, А. Российские реформы и духовность (о психологии индивидуального и группового субъекта в изменяющемся обществе) [Текст] / А. Брушлинский // Общество и экономика. – 1999. – № 10 – 11. – С. 287-289.
3. Вебер, М. Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
4. Вебер, М. Хозяйство и общество. Глава II. Основные социологические категории хозяйствования [Текст] / М. Вебер // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 1. – С. 46-69.
5. Верховин, В., Зубков, В. Экономическая социология [Текст] / В. Верховин, В. Зубков. – М.: Изд-во РУДН, 2005.
6. Гегель, Ф. Философия истории [Текст] / Г.Ф.В. Гегель. Соч. – Т. 8. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935.
7. Заславская, Т. Современное российское общество: социальный механизм трансформации [Текст] / Т. Заславская. – М.: Дело, 2004.
8. Логинова, Л.В. Социальный механизм институционализации интересов субъектов экономического действия России: теория, методология и практики функционирования [Текст] / Л.В. Логинова. – Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2009.
9. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000.
10. Радаев, В. Что такое «экономическое действие»? [Текст] / В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 18-25.
11. Радаев, В. Экономическая социология [Текст] / В. Радаев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

12. Соколова, Г.Н. Экономическая социология [Текст] / Г.Н. Соколов. – Минск: Вышэйшая школа, 2013.

13. Ядов, В. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В. Ядов. – М.: Омега-Л, 2007.

14. Granovetter, M., Swedberg, R. (eds.) The Sociology of Economic Life. Boulder, Westview Press, 1992.

© *Balandina T.M., Bychenko U.G., 2018*

ECONOMIC ACTION AS A FORM OF SOCIAL ACTION

On the basis of specification of a number of interdisciplinary categories (theoretical substantiation of the problem) the authors reveal the modern content of economic action, substantiate its connection and dependence with social action, economic potential, as well as the process of realization of economic interests of actors.

Keywords: *economic organization in public sector, economic interests, economic effect, social effect, economic potential, economic interests.*

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ФИЛОСОФИИ: ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ

В статье раскрываются причины возникновения, основные положения позитивистской философии. Показывается, что становление позитивизма связано с развитием науки, с важнейшими научными открытиями XIX в. в различных областях знания, которые требовали новой методологии, новых принципов, объяснения с позиции рациональности научного знания. Рассматриваются особенности различных исторических этапов позитивизма, анализируется их сущность, преемственность в развитии современного научного знания.

Ключевые слова: позитивизм, метафизика, философия, наука, эмпириокритицизм, неопозитивизм, постпозитивизм.

Позитивизм – это специфическое философское направление, возникшее в первой половине XIX в., сформировавшееся как противоположное, в некотором аспекте враждебное метафизике учение. Его главной задачей было обоснование независимости научного знания от метафизики, философии. Любые метафизические «пережитки», по мнению его основоположника О. Конта, должны быть удалены из науки, поскольку последняя не занимается объяснением явлений, процессов, предметов реальности, а лишь описывает их. «Дух позитивизма» означал прежде всего радикальное изменение иерархии ценностей: если в культуре феодального общества приоритет отдавался «небесному» (Богу как духовному началу мира, душе как божественному в человеке и т. п.), а все «земное» расценивалось как низменное (тело представлялось «темницей души» и пристанищем греха), то теперь во главу угла было поставлено «земное» – телесная природа человека, его практические («материальные») интересы и производственно-преобразующая деятельность в материальном мире» [1]. И это понятно, поскольку XIX в. был веком науки. Начало его было ознаменовано целой серией открытий в сфере электричества, электромагнетизма. В 1803 г. выходит в свет книга русского ученого-физика В. Петрова «Сообщение о гальвановольтовых опытах», сыгравшей неоценимую роль в проведении практических исследований в области электричества. Немецким ученым Г. Гельмгольцем было открыто действие закона сохранения энергии не только на механические и тепловые процессы, но и на электрические,

магнитные и оптические явления; обнаружены и изучены инфракрасные и ультрафиолетовые лучи; установлены несколько газовых законов, заложен фундамент кинетической теории газов и др. Не менее важным явились открытия М. Фарадея – основоположника теории электромагнитного поля, среди которых сущностным явились количественные законы электролиза. В это время английский ученый Дж. Дальтон публикует свои знаменательные работы в области химической атомистики, вводит в науку понятие «атомного веса», выводит закон кратных отношений, открывает явление диффузии газов. Появляется целлюлярная патология Рудольфа Вирхова, которая своеобразно продолжает механицизм в медицине. Уже организм человека представляется не объединением органов, а своеобразным конгломератом клеток. Это был в то же время большой прогресс, поскольку медицина стала изучать болезнь на клеточном уровне, что открыло величайшую возможность в познании болезни. Если продолжить эту линию механицизма в медицине, то можно назвать молекулярную патологию, изучающую болезнь на уровне отдельной молекулы. И хотя всё это и выступало свидетельством научного прогресса XIX и XX вв., но, в то же время, это было шагом назад по сравнению даже с Гиппократом. Дело в том, что болезнь стала сводиться к отдельному органу – клетке, молекуле. Но ведь болезнь – это целостный феномен, затрагивающий все уровни организации человеческого организма, состоящий из различных тканей, клеток, органов и т.д. Как справедливо отмечает Ф. Энгельс, «...организм есть, несомненно, высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию, так что эту троицу нельзя больше разделить [2, с. 29]. И не случайно в XX в. появилось течение неогиппократизма, которое рассматривало болезнь как явление, охватывающее организм в целом.

Даже целлюлярная патология Рудольфа Вирхова (XIX в.), при всей её новизне, прогрессивности оставалась всё же механистической теорией, рассматривавшей организм как господство клеток, сумму клеток. И заболевание одной из этих клеток приводило к заболеванию всего этого организма. Но возникновение диалектики Гегеля – К. Маркса как науки в XIX в. не могло не сказаться позитивно на раз-

витии медицинского мышления. Особенно ярко это проявилось в возникновении принципа нервизма, обосновывающего целостный подход в патологии. Нервная система объявлялась тем интегративным органом, который позволял организму выступать как целое. Это был качественно новый подход, зародившийся в XIX в., и получивший своё дальнейшее развитие в медицине XX в. Это связано, прежде всего, с русской медицинской школой И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева.

В эту эпоху небывалых высот достигает немецкая классическая философия. Одним из крупнейших ее представителей был Гегель. С его именем связана идея исторического прогресса, которая до сих пор является одной из парадигм современной философии. Ряд философов обнаруживают противоречие между диалектическим методом и философской системой у Гегеля. Оно обусловлено тем, что диалектика требует признания бесконечности развития, а система требует завершения в познании. Это противоречие Гегель разрешает в пользу системы, в чём сказалось особенность социально-духовной обстановки Германии тех лет. Философская система Гегеля – одна из наиболее сложных, трудных для чтения и понимания. Но значимость её трудно переоценить. Она до сих пор выступает недостижимым образцом и идеалом в трактовке и понимании проблем мира и человека. Наука об идее «есть существенно система, потому что истинное в самом себе и сохраняющее себя единство, т.е. тотальность, и лишь посредством различия и определения различий может существовать их необходимость и свобода целого... Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного; помимо того, что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное уmonoстроение, оно еще и случайно по своему содержанию», – писал Гегель [3, с. 100].

В 30-х гг. XIX в. появляется позитивизм – новая положительная философия. Её создателями явились О. Конт (французский философ), Г. Спенсер и Д.С. Милль (английские философы). Эта философия заявила, что сегодня наступил третий позитивистский этап в развитии философии, главным назначением которого является наблюдение за феноменами, формулировка законов (первый этап – теологический, второй – метафизический). С появлением позитивизма, утверждает эта философия, возникла необходимость пересмотра всей проблематики науки, что мировоззренческие проблемы, связанные с человеком и миром, себя изжили. Об этом О. Конт ведет речь в законе

трех стадий – теологическом, метафизическом и позитивистском. «Ныне каждый понимающий дух времени наблюдатель не может не признать постоянного стремления человеческого разума к положительным наукам и бесповоротного отрицания тех бессмысленных доктрин и предварительных методов, которые были годны только для первых его проявлений», – писал О. Конт [4, с. 10]. Как считают позитивисты, в науке главное факты – их сбор, систематизация.

О. Конт вводит понятие социологии, которую понимает как социальную физику. Он даёт классификацию наук, в которой не упомяната философия. Задачу философии О. Конт сводит к точному определению духа каждой науки, открытию их связей и отношений, суммированию принципов в соответствии с позитивным методом. Следовательно, философия занимается только методологией наук. Она, по словам О. Конта, «истинно рациональное средство, делающее очевидными логические законы человеческого духа».

В таком же плане Г. Спенсер ставит задачи перед философией. В «Основных началах» он определяет философию как «познание на ступени максимального обобщения». Наука, по его мнению, выступает частично унифицированным познанием, философия же – полностью унифицированное познание. Как видим, О. Конт и Г. Спенсер настолько подчинили философию науке, что выбросили за борт истинно философские проблемы – мировоззрение, человека, мир. Могла ли такая философия быть хорошей мировоззренческой базой для науки?! Наш ответ положительный. Да, могла. Какое время, какая наука, такое и мировоззрение.

Вторым этапом позитивизма выступает эмпириокритицизм (критика опыта). Это направление возникает в 70-х гг. XIX в. и получает широкое распространение. Его создателями были австрийские философы и учёные Р. Авенариус (1843–1896) и Э. Мах (1873–1928). Последователями этой философии в России были А. Богданов, В. Базаров и др. Так же как и позитивизм, данная философия считает, что её предметом является наука, изучение связей между ощущениями, которые исследуются научным знанием, что вполне оправдано, поскольку наиболее развитыми в это время науками были физиология и психология органов чувств. Ощущения изучались с помощью точных количественных методов. На основании этого Р. Авенариус утверждал, что хотя природа существует объективно, науку интересуют те ощущения, которые вызываются путём воздействия на органы чувств человека объек-

тов природного мира. Он против интроспекции, т.е. своеобразного удвоения мира (тело и ощущение этого тела), надо оставить только ощущения, представления об этом мире, отбросив объективную реальность. Р. Авенариус пытался освободиться от односторонности материализма и идеализма и утверждал, что всякое явление есть единство материального и духовного, физического и психического, что очень созвучно современности. Его критика опыта означает именно отказ от односторонности материализма и идеализма. В отношении роли и места философии в системе научного знания, он утверждал, что она должна заниматься упорядочиванием явлений. Опыт – данность мира познающему субъекту. Оно зафиксировано в его сознании с помощью утверждения, высказывании. Опыт не позволяет отделить от всего видимого, слышимого первооснову мира. Нужна новая философия, которая должна очистить наш опыт от бесплодных фантазий, точек зрения. Он разрабатывает новые принципы опыта:

1) принцип наименьшей траты сил – направлен на непрерывный рост знаний, исключает скачки;

2) принцип экономии мышления – в центре должно стать описание. Ядро описания – ощущения.

Р. Авенариус проблему соотношения субъекта и объекта решал в плане их единства, что вызвало критику как «справа», так и «слева», его критиковали В. Вундт, Э. Гуссерль и В.И. Ленин.

В работе «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» Э. Мах писал: «Мир не заключается в таинственных сущностях, которые... действуя одна на другую, порождают доступные нам ощущения. Цвета, звуки, пространство, время и т.п. связаны между собой, как по-разному связаны чувства и волевая предрасположенность. Из столь пёстрой ткани выделяется то, что относительно стабильнее и продолжительнее, вследствие чего отпечатано в памяти и выражено в словах» [5]. Материальный мир, тела, по Э. Маху, представляют собой физические ощущения (или элементы), которые менее устойчивы, изменчивы. Психические ощущения устойчивы, они непосредственно связаны с физическими. Можно сказать так: нет физического без психического и наоборот. Все тела суть комплексы ощущений или элементов. Их ещё Э. Мах называет знаками.

Отсюда следует, что философия и наука согласно эмпириокритицизму занимаются не проблемами объективного научного знания, а

проблемами психологии, ощущений, связей между ними. Э. Мах и Р. Авенариус делают акцент на биологической функции науки. Эта сторона научного знания была мало исследована и никогда не представляла предмет научного познания. Но свести научную методологию только к этому аспекту означает односторонность и необходимость снятия такой односторонности, что и произошло в 20-х гг. XX в., когда появился третий этап позитивизма, получивший название неопозитивизма (новой положительной философии). Он возник из венского кружка (Австрия, Венский университет), объединившего молодых преподавателей философии, математики, логики, физики. Его возникновение связано с возрастанием роли науки, особенно математики и физики. Позитивизм обратил внимание на язык науки, его содержательную роль, что нашло своё дальнейшее выражение в таких течениях, как структурализм и герменевтика. И, вообще, язык как предмет философии становится важным социокультурным феноменом во 2-й пол. XX в., заменяя собой объективную реальность.

Создателями неопозитивизма нач. XX в. были Р. Карнап (1891–1970), М. Шлик (1882–1936), Л. Витгенштейн (1889–1951), английский философ и логик Б. Рассел (1872–1970) и др. Выделяют три направления в неопозитивизме – логический позитивизм (Р. Карнап и другие), лингвистический позитивизм (Л. Витгенштейн и др.), общая семантика (А. Кожибский, С. Чейз, С. Хайакава).

Общим для всех трёх направлений выступает негативное отношение к метафизике (проблемам онтологии, мировоззрения, проблемам человека и мира). Главное внимание они уделяют проблемам науки, подлинной научной философии, которая строится по образцам строго математического знания. Их критическое отношение к старой метафизике (мировоззренческим проблемам) вполне оправдано. В условиях научно-технической революции, превращения науки в производительную силу, необходимость ориентации философии на жизненную практику поставила перед философией задачу выработки чёткого понятийно-категориального аппарата, отказа от расплывчатых понятий и концепций старой метафизики. Неопозитивисты считали, что необходимо решительно отказаться, «выбросить за борт» устаревшую философию. В этом плане во многом можно с ними согласиться. Но какими способами и средствами они этого достигают?

Логический позитивизм выдвинул положение о проверяемости философии, её пред-

ложений. Следовательно, главным предметом философии становится логический (т.е. проверяемость на истину) анализ науки. Принципом такой проверки они выдвигают принцип верификации знания (от лат. веритас – истина, Р. Карнап), суть которого состоит в получении конечного числа высказываний, фиксирующих данные наблюдения, из которых логически следует данное высказывание.

Согласно данному принципу, предложения философии и науки будут истинными, если пройдут опытную, эмпирическую проверку. Но не все предложения можно проверить эмпирическим путём. Например, они считают, что проверить через опыт предложение «Я переживу свою смерть» невозможно. Такие предложения Л. Витгенштейн предлагает называть бессмысленными. «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны», – пишет он [6]. Согласно принципу верификации выделяются и протокольные предложения, истинность которых носит аксиоматический характер. Они являются критерием истинности для новых предложений.

Можно отметить сильные и слабые стороны принципа верификации. Сильная сторона состоит в том, что подобная проверка дисциплинировала язык философии, усиливала в философии критические и аналитические моменты. Слабая сторона заключается в эмпирическом тупике этого позитивизма. Дело в том, что не все в философии и науке проверяется опытным путём. В XX в. как раз возрастает роль и значение теоретического знания, показывающего, что в знании содержатся такие творческие, конструктивные моменты, которые не имеют непосредственного коррелята, эквивалента в данных опыта.

Такая ситуация приводит к появлению другого принципа проверки – принципа подтверждаемости, т.е. косвенной проверки истинности предложений науки и философии. В дальнейшем этот принцип был преобразован К. Поппером в принцип фальсификации, суть которого в опровержении общих положений науки. Если общие положения науки, гипотезы отсутствуют, то эта гипотеза может считаться если не истинной, то хотя бы оправданной. Но К. Попперу не удалось спасти логический позитивизм. Отказ от мировоззренческих проблем, от «естественного» языка, от реального человека приводят к замене данного позитивизма на лингвистический, который обратил внимание на смысл слов и предложений и выступил своеобразным синтезом логического, математического и лингвистического подхо-

дов. Этот позитивизм занимался проблемами новой неклассической логики, представляющей собой соединение логики и математики.

Семантический позитивизм обращает внимание на три вида отношений: прагматика (отношение языка к субъекту действия), семантика (отношение между языком и тем, что им обозначается), синтаксис (отношения между языковыми выражениями). Здесь ещё глубже философия погружается в смысл и значение слов и предложений. Поистине мир таков, каким я его называю.

Итак, неопозитивизм, вопреки его первичному замыслу, пришёл к трактовке языка как социокультурного феномена, что нашло своё глубокое выражение на четвёртом этапе позитивизма – постпозитивизме (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд и др.). Главным предметом философии, по мнению неопозитивистов, становятся проблемы науки, которая изучает законы природы и общества. Их знание необходимо для предвидения, а прогноз помогает воздействию человека на природу. Именно наука даёт человеку господство над природой.

Новый всплеск интереса к этой проблеме приходится на XIX в., когда такие крупные физиологи и психологи, как Г.Т. Фехнер, В. Вундт, Штринф, У. Джемс и др. поставили проблему соотношения сознания, психического и физиологического, материального. Их концепции получили название психофизического взаимодействия и психофизического параллелизма. Они рассматривали эти два феномена как две параллели, которые нигде не пересекаются, но вступают во взаимодействие друг с другом. Они способны активировать друг друга. Это очень интересная концепция, но она отрывает сознание от материи. И в этом смысле эта концепция близка к идеалистической точке зрения, т.е. к утверждению первичности сознания и вторичности материи, хотя по форме выступает дуализмом.

В XIX в. широкое развитие находят общественные науки – психология, философия науки, этика, эстетика и др. Зарождается в середине века социология. Одним из основоположников его по праву является Огюст Конт. С 1830 по 1842 г. он издает многотомный «Курс позитивной философии», где вводит термин «социология», обозначив им новую дисциплину, цель которой научное изучение закономерностей функционирования и развития общества как социальной системы, ее структур, сферы социальных отношений, социального поведения людей. Другим осново-

положником считается английский ученый Г. Спенсер.

Параллельно с социологией формируется марксистское учение, основоположниками которого были К. Маркс и Ф. Энгельс. Они выделили социально-экономическую детерминанту как важнейший фактор человеческой истории. Они показали, что не конституция создаёт государство, людей, а люди, государство создают конституцию. Экономический фактор, по К. Марксу, определяет политику, политические идеи, право, правовые идеи, мораль, моральные идеи, религию, религиозные идеи и другие духовные факторы. Материалистическое понимание истории, так называемую материалистическую социологию К. Маркс дает в предисловии «К критике политической экономии». «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил, – пишет он. – Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [7, с. 6–7].

Кон. XIX в. прошел под знаком целой серии революционных открытий. Начало ее было положено созданием периодической системы химических элементов русским ученым Д.И. Менделеевым. В 1895 г. немецкий физик В. Рентген открывает X-лучи – излучение, названное потом его именем – рентгеновские лучи. В 1896 г. французский физик А. Беккерель открывает явление радиоактивности. После своего открытия на заседании Парижской Академии наук он говорил: «Фотографическую пластинку Люмьера обертывают двумя листами очень плотной черной бумаги... На верхний лист бумаги кладут какое-либо люминесцирующее вещество (бисульфат урана и калия), а затем все это выставляется на несколько часов на солнце. При появлении фотопластинки на черном фоне появляется силуэт люминесцирующего вещества». Чуть позже А. Беккерель пришел к выводу, что фотопластинку можно и не выставлять на солнце, процесс проявления уранового соединения может

проходить и в темноте. Дальнейшие исследования рентгеновских лучей и явления радиоактивности продолжили супруги Мария и Пьер Кюри. Они обнаружили, что урановая смолка (руда) испускает беккерелевы лучи с гораздо большей силой по сравнению с чистым ураном. В ходе их исследований были открыты еще два новых радиоактивных вещества, названные ими полоний и радий. Эти вещества, излучающие лучи Беккереля, получили название радиоактивных, т.е. способных испускать лучи. Ими были открыты три типа лучей, в зависимости от отклонения магнитным полем и от характера положительно или отрицательно заряженных частиц, получивших название альфа, бета, гамма. Эти лучи были открыты и другими учеными, в частности и М. Резерфордом, что говорит о том, что идеи радиоактивности не просто витали в воздухе, а завладели умами ученых. Эти открытия имели непреходящее значение для человечества, положив начало атомистике, поставив проблему высвобождения ядерной энергии атома.

Как видим, с XIX в. связываются радикальные изменения в научном знании, в частности в естествознании. «Их можно расценить как вторую глобальную научную революцию, определившую переход к новому состоянию естествознания – дисциплинарно организованной науке. В это время механическая картина мира утрачивает статус общенаучной. В биологии, химии и других областях знания формируются специфические картины реальности, нередуцируемые к механической. Одновременно происходит дифференциация дисциплинарных идеалов и норм исследования. Например, в биологии и геологии возникают идеалы эволюционного объяснения, в то время как физика продолжает строить свои знания, абстрагируясь от идеи развития. Но и в ней, с разработкой теории поля, начинают постепенно размываться ранее доминировавшие нормы механического объяснения. Все эти изменения затрагивали главным образом слой организации идеалов и норм исследования, выражающий специфику изучаемых объектов. Что же касается общих познавательных установок классической науки, то они еще сохраняются в данный исторический период» [8, с. 622]. Как видим, позитивистская традиция сохраняется и в современной науке и философии. Она сыграла неопределимую роль в становлении методологии науки, в рамках ее поднимаются и решаются актуальные проблемы научного и философского знания.

Список использованных источников

1. Новая философская энциклопедия [Текст] / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов и др. – Т. 1-4. – М.: Мысль, 2000. – 2659 с. – Т. 3, ст. «Позитивизм».
2. Бегалинова, К.К., Альжанова, У.К. Философия. Ч. 3. История и философия науки. Философия медицины [Текст] / К.К. Бегалинова, У.К. Альжанова. – Семей, 2008. – 126 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1974.
4. Конт, О. Курс положительной философии [Текст] / О. Конт. – СПб., 1899.
5. Джованни Реале и Дарио Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Т. 3 [Текст]. – СПб., 1997. – С. 251.
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн. – М., 1958. – С. 44.
7. Маркс, К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 13.
8. Степин, В.С. Теоретическое знание [Текст] / В.С. Степин. – М., 2000.

© Begalinova K.K., Ashilova M.S., 2018

**POSITIVE TRADITION IN PHILOSOPHY:
ORIGINS, ESSENCE**

The article reveals the reasons for the emergence, the main provisions of positivist philosophy. It is shown that the formation of positivism is associated with the development of science, with the most important scientific discoveries of the nineteenth century in various fields of knowledge that required a new methodology, new principles, explanations from the standpoint of the rationality of scientific knowledge. Features of various historical stages of positivism are considered, their essence, succession in development of modern scientific knowledge is analyzed.

Keywords: *positivism, metaphysics, philosophy, science, empiriocriticism, neopositivism, postpositivism.*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье анализируются смена трендов образовательных стратегий современного общества. Важными принципами этих стратегий являются децентрализация и либерализация образования на всех уровнях, становление нелинейного мышления педагогов, повышение эффективности образовательной системы и качества образования с учётом цивилизационных процессов. Отмечается, что одной из ведущих образовательных стратегий в контексте современных цивилизационных процессов является создание условий для саморазвития личности, поддержка свободы выбора индивидом формата обучения и образовательной технологии.

Ключевые слова: образовательные стратегии, децентрализация и делиберализация образования, образовательные технологии, прагматизация знаний, нелинейность мышления.

Текущее и изменчивое современное мироустройство требуют парадигмальных изменений как на теоретическом, так и на праксеологическом уровне разработки и внедрения образовательных стратегий. Эти парадигмальные сдвиги должны происходить в направлении перехода от линейной парадигмы к нелинейной.

Концепция образования как феномен эпохи нелинейного мышления предполагает уход образования от традиционной линейной монологичности и определённости в измерениях времени и пространства к нелинейной диалогичности и полилогичности [2]. «Синергетическая методология в процессе реформирования современного образования ориентирована на нелинейность. Именно благодаря нелинейности приобретает действенную силу принцип усиления флуктуаций. Нелинейность может усиливать флуктуации, вызывать большие последствия от действия незначительной причины, вызвать развитие системы в режиме обострения. Нелинейность порождает дискретность путей эволюции системы, поскольку каждый из них определяется спектром устойчивых состояний. Нелинейность также означает возможность малопредсказуемых изменений направлений протекания процессов, а потому обнаруживается ненадежность прогнозов, построенных только на основе экстраполяции и не учитывающих возможности перехода системы в иное состояние.

Основными шагами на пути перехода к нелинейной парадигме является децентрализация и либерализация образования на всех уровнях. Необходимым является внедрение государст-

венно-общественного управления как инструмента демократизации, децентрализации и деконцентрации среднего образования. Основными направлениями внедрения государственно-общественного управления образованием является модернизация системы управления образованием, обеспечение её открытости и прозрачности; уменьшение уровня централизации управления образованием; поощрение общественных инициатив в области образования; использование договорных отношений в системе образования; создание негосударственных структур, расширяющих возможности государственных образовательных учреждений по выбору путей своего ресурсного обеспечения (центры образовательных технологий, фонды и другие структуры для поддержки образовательных инициатив и т.д.) [3].

Совершенствование системы управления образованием в контексте современных цивилизационных процессов требует:

- на законодательном уровне чётко формулировать полномочия управляющих образованием государственных и общественных органов;
- дополнить совещательные функции общественных органов управленческими;
- сформировать механизмы привлечения общественности к управлению образованием;
- обеспечить нормативно-правовое обеспечение текущей деятельности общественных органов управления образованием;
- распространить деятельность общественных органов управления на процессы определения перспектив развития учебных заведений, контроль над деятельностью их руководителей и педагогических работников;
- обеспечить подбор квалифицированных кадров;
- сформировать систему показателей и критериев эффективности функционирования образовательных учреждений.

Среди основных направлений развития управления системой образования следует сосредоточить внимание на: активизации общественной инициативы; обеспечении научных основ в организации и развитии государственно-общественного управления общим средним образованием, совершенствовании законодательной и нормативно-правовой базы; разграничении прав и обязанностей государственной и общественной составляющих управления средним образованием; поиске и разработке механизмов привлечения общественности к финансированию учебных заведений; прове-

дении широкой разъяснительной работы в средствах массовой информации; подготовке руководителей и членов общественных органов управления образованием всех уровней; повышении квалификации и переподготовке руководителей учебных заведений и работников государственных органов управления образованием по вопросам организации и развития государственно-общественного управления образованием; модернизации учебных программ педагогических ВУЗов; формировании положительной мотивации к осуществлению государственно-общественного управления образованием у руководителей образовательных учреждений, работников органов государственного управления образованием, участников образовательного процесса.

Если же рассматривать децентрализацию и либерализацию высших учебных заведений, то обычно имплементационными формами данных процессов выступают следующие: деконцентрация; делегирование власти академическим представительным органам; непосредственная передача полномочий высшим учебным заведениям.

Третья модель управления учебным заведением представляет собой систему отношений, когда административная оперативная автономия делегируется на уровень ВУЗа. Тем самым государство стимулирует образовательные учреждения изучать рынок труда и образовательных услуг путём установления и поддержания тесных контактов с местными и национальными работодателями, требует разрабатывать новые учебные курсы и программы подготовки, осуществлять мониторинг трудоустройства выпускников. Только стандарты навыков и умений, а также требования к профессиональным квалификациям и экзаменационные требования определяются на уровне центральных органов власти – для обеспечения качества обучения и подготовки (так обстоит дело, например, в США и Канаде). По этой модели ВУЗ выступает самостоятельным игроком, субъектом на рынке образовательных услуг, а качество образования становится сферой ответственности в большей степени отдельного ВУЗа, чем государства. Профильное Министерство устанавливает лишь нижнюю (минимальную) планку компетентности и квалификации. В рамках данной модели проведения децентрализации также происходят изменения в финансировании: используется практика глобальных бюджетов, когда ВУЗов по своей заявке получает средства от Министерства без постатейного разделения затрат, получает право аккумулировать заработанные средства и самостоятельно распределять их по необходимым направлениям.

Децентрализация, деконцентрация, демо-

кратизация и либерализация предусматривает подбор субъектов образовательной политики. Современные образовательные стратегии постепенно переориентируются с моносубъектности на полисубъектность, опираясь не только на государственные, но и на общественные механизмы регулирования деятельности, создавать альтернативные возможности для получения образования.

Одним из инструментов внедрения реальной автономии и децентрализации управления, на который эксперты и академические круги возлагали большие надежды, стала практика предоставления министерством ведущим отечественным вузам статуса самоуправляющегося (автономного) исследовательского ВУЗа и Положение об исследовательском университете, расширение прав и получение дополнительных финансовых полномочий для обеспечения научно-исследовательской деятельности. В то же время дальнейшая реализация этой политико-образовательной инициативы в условиях экономического кризиса показала, что хотя сам по себе статус исследовательского университета является хорошим институциональным стимулятором улучшения образовательной и научно-исследовательской деятельности ВУЗа, его присвоение пока не даёт последнему существенных преимуществ.

На сегодняшний день государство не готово отойти от централизованной модели управления высшим образованием. Этому процессу мешает доминирование бюрократии в системе образования, так как в условиях недостаточной эффективности инструментов общественного контроля попытки реформировать систему управления часто приводят в первую очередь к разрастанию бюрократического аппарата, всеми силами пытающегося доказывать свою необходимость. Таким образом, можно сделать вывод, что администрирование высшего образования на низших уровнях – на уровне местных органов власти или ВУЗа – позволяет производить более согласованные решения, которые соответствуют местным реалиям социально-экономического развития, рынкам труда, требованиям равных возможностей. Местные органы исполнительной власти и вузов, как правило, оказываются более гибкими, способными отчитываться перед местными общинами, наконец, более способными обеспечивать лучшую эффективность использования децентрализованных ассигнований.

Другим важным аспектом развития системы образования является становление нелинейного мышления будущих педагогов, использование в образовании нелинейных методов обучения как инновационных, среди которых: метод самообразования, пробуждающего обучения, обучение как адаптивная модифика-

ция, обучение как фазовый переход, метод гештальт-образования, метод создания игровых моделей. Использование указанных методов подготовки будущего педагога позволит реализовать новый тип взаимодействия субъектов образовательного процесса, предусматривающий взаимодействие, диалог, общение по поводу знания, находящегося в процессе становления.

Ещё одним важным направлением реформирования образовательной системы должно стать повышение эффективности образовательной системы.

Следующим направлением трансформации образовательной стратегии должно стать повышение качества образования как одного из приоритетов становления гражданского общества. Это мероприятие приобретает особую актуальность, учитывая современные глобализационные тенденции.

Качество образования представляется в форме совокупности взаимосвязанных свойств объекта, то есть свойств, характеристик и показателей состояния того объекта, который подлежит анализу и оценке. Область управления качеством высшего и среднего профессионального образования может быть определена как сбалансированное соответствие образования (как результата, как процесса, как образовательной системы) установленным потребностям, целям, требованиям, нормам (стандартам). Качество образования раскрывается в таких понятиях, как уровень преподавания; научно-педагогические кадры; образовательные программы; материально-техническая база, информационно-образовательная среда; подготовленность студентов, учащихся, абитуриентов; управление образованием; масштабы и результаты научных исследований. Также нужно заметить, что при разработке программ повышения качества образования необходимо учитывать следующие атрибутивные характеристики качества образования:

- во-первых, качество образования – комплексный, противоречивый и амбивалентный феномен, который находится в постоянном движении, а потому не имеет перманентного определения;

- во-вторых, качество образования – это социальная категория, определяющая состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям различных социальных групп общества в развитии основных групп компетентностей личности;

- в-третьих, качество образования необходимо рассматривать через его диалектическое взаимодействие с качеством жизни.

Основными элементами модернизации образовательных стратегий в контексте современ-

ных цивилизационных процессов являются:

1. Самоидентичность. Для эффективной работы любой системы образования требуется наличие двух основных составляющих: 1) ориентира воспитательного воздействия – абстрактного идеального образа, на достижение которого используется весь потенциал системы образования; 2) знание и использование современных методов достижения поставленной цели. Другими словами, необходимо понимать, кого и как будут воспитывать в подрастающих поколениях.

2. Объективность оценивания результатов деятельности учебных заведений всех уровней аккредитации через оценивание в первую очередь уровня знаний и навыков выпускников.

3. Система ценностей. Менталитет гражданина основывается на определённом культурном пласте – культурном капитале в понимании наиболее влиятельного социолога 2-й пол. XX в. П. Бурдьё, который рассматривает культурный капитал в трёх состояниях: инкорпорированном состоянии, т.е. в форме длительных диспозиций разума и тела; в объективированном состоянии – в форме артефактов культуры в широком смысле этого слова (картин, книг, инструментов, машин и т.д.), являющих собой воплощение образов, идей и способов разрешения проблем; институционализированном состоянии, то есть в форме объективации. Представление П. Бурдьё культурного капитала как основанного на системе ценностей, сформировавшейся в определённом социуме в процессе его развития, является характерным для цивилизованного общества [1].

4. Культура учителя. На наш взгляд, образовательная политика утрачивает (или уже утратила) возможности эффективного управления кадрами, непосредственно осуществляющими образовательный процесс. В. Сухомлинский разработал критерии «хорошего учителя», и в его понимании «хороший учитель это, прежде всего, человек, который любит детей, находит радость в общении с ними, верит в то, что каждый ребенок может стать хорошим человеком, умеет дружить с детьми, принимает близко к сердцу детские радости и горести, знает душу ребенка, никогда не забывает, что когда-то он и сам был ребенком». Во-вторых, хороший учитель по Сухомлинскому – это, человек, который хорошо знает науку, на основе которой излагается предмет, влюблённый в свой предмет, знает его горизонты: новые открытия, исследования, достижения [4]. Гордостью школы становится учитель, который, в дополнение к сказанному, сам равнодушен к проблемам, которыми занимается его наука, имеет способность к самостоятельному исследованию и внедрению научных знаний в повседневную жизнь. Хороший учитель знает

намного больше, чем предусматривает программа средней школы. Глубокие знания, хороший кругозор, интерес к проблемам науки – всё это необходимо учителю для того, чтобы раскрыть перед учениками притягательную силу знаний, предмета, науки, процесса обучения. Ученик должен видеть в учителе умного, знающего, думающего, влюбленного в знания человека. Чем глубже знания, чем шире кругозор, всесторонняя научная образованность учителя, тем в большей мере он не только преподаватель, но и воспитатель. В-третьих, как отмечает Сухомлинский: «хороший учитель – это человек, знающий психологию и педагогику, понимающий и чувствующий, что без знания науки о воспитании работать с детьми невозможно. В-четвертых, хороший учитель – это человек, в совершенстве владеющий умениями в той или иной отрасли деятельности, мастер своего дела.

Таким образом, главной особенностью процесса модернизации образовательных стратегий в контексте современных цивилизационных процессов является высокий уровень прагматизации знаний. Важным критерием качества и эффективности знаний, приобретаемых в образовании, выступает возможность эти знания применить в практической деятельности. Рост зависимости образования от широкого спектра социально политических и экономических институтов может быть охарактеризован как доминирование рынка труда над университетом. Данное доминирование создаёт объективные предпосылки для вмешательства политиков и бизнесменов в науку и образование.

Одним из главных признаков, определяющих современный цивилизационный процесс, является информационная революция, которая приводит к значительному росту взаимозависимости и уязвимости людей друг от друга. Вследствие распространения информационно-образовательных технологий трансформируется характер всех без исключения сфер жизни, меняется практически всё – от геополитики до повседневного существования. Мир стал беспрецедентно неустойчивым, динамичным и непредсказуемым, и в пространстве существования человека открываются новые территории риска и неопределённости. Большинство исследователей и футурологов утверждают, что человек вскоре может стать заложником того, что ним создано. Этот кризис стабильности существования углубляется кризисом научной картины мира, отказом многих людей от рационалистического мировоззрения, ростом уровня

доверия к иррациональным формам освоения мира, что ставит под угрозу современную человеческую цивилизацию как таковую.

Человеческая цивилизация входит в эпоху «новой политики» в сфере образования, обусловленной влиянием глобализации и виртуализации на образовательные системы всех стран. Одной из важных характеристик современных образовательных стратегий является коммерциализация всех аспектов обучения и воспитания, что существенно противоречит принципу равного доступа к качественному образованию, в свою очередь дополнительно актуализируя поиск адекватных ответов на проблемы мирового и национального образовательных пространств государством, коммерческими структурами и гражданским обществом.

Список использованных источников

1. Бурдые, П. Формы капитала [Текст] / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2005. – Май. – Т. 6. – № 3. – С. 60-74.
2. Запесоцкий, А.С. Образование: философия, культурология, политика [Текст] / А.С. Запесоцкий. – М.: Наука, 2002.
3. Култаева, М.Д. Философско-педагогические тенденции в современном идеализме [Текст] / М.Д. Култаева. – Харьков: Изд-во «Вища школа», 1988.
4. Сухомлинский, В.А. О воспитании [Текст] / сост. и авт. вступит. очерков С. Соловейчик. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1985.

© Beilin M.V., 2018

EDUCATIONAL STRATEGIES IN CONTEXT OF THE MODERN CIVILIZATION PROCESSES

The article analyzes the changing trends in the educational strategies of modern society. Important principles of these strategies are the decentralization and liberalization of education at all levels, the development of non-linear teacher thinking, the enhancement of the educational system effectiveness and the quality of education, taking into account the civilizational processes. It is noted that one of the leading educational strategies in the context of modern civilizational processes is the creation of conditions for the personality self-development, support for the freedom of the format control of education and educational technology by the personality.

Keywords: *educational strategies, decentralization and deliberalization of education, educational technologies, pragmatization of knowledge, nonlinearity of thinking.*

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА САМООЦЕНКУ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ К БРАКУ

В статье описаны современные социальные тенденции и их влияние на институт брака и семьи. Обоснованна целесообразность изучения психологической готовности молодых людей к браку и, в частности, их самооценки готовности к браку и семье. Описан авторский полуструктурированный самоотчет «Самооценка готовности к браку». Приведены результаты эмпирического исследования по выявлению самооценки готовности к браку и семье у мужчин и женщин возраста ранней взрослости. Сделаны выводы и намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: психологическая готовность к браку, самооценка готовности к браку.

Семейные отношения являются той средой, которая формирует личность и детерминирует ее психическое развитие (А.А. Бодалев, И.С. Кон, М.С. Мацковский, М. Мид, В.С. Мухина, В.С. Собкин, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, А.Г. Харчев, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий и др.). Современные мировые тенденции, проявляющиеся в нестабильности общества, обостряющихся социокультурных противоречиях между традиционными и современными установками и стереотипами поведения, усилении гендерных и межпоколенных конфликтов, «размывании» социальных норм и ценностных ориентаций привели к кризису семьи как социального института [3].

В современном социальном контексте брак становится менее значимым и желанным для молодых людей, которые все чаще ориентируются на внесемейные ценности (Т.И. Дымова, Е.И. Зритнева, В.Т. Лисовский, Е.М. Черняк, Л.Б. Шнейдер). В свою очередь, изменение ценностных ориентаций приводит к трансформации брачно-семейных установок и репродуктивного поведения личности. На фоне актуальных динамических процессов современного общества, все большую значимость приобретает проблема формирования психологической готовности молодых людей к браку и семейной жизни.

Проведенный теоретический анализ конструкта «психологическая готовность к браку» позволяет говорить, с одной стороны, о научном интересе к данной проблеме, что подтверждается большим количеством проведен-

ных разносторонних научных исследований (Б.М. Борлакова, И.В. Гребенников, С.В. Жолудева, Е.И. Зритнева, Н.О. Ильчишин, Л.В. Карцева, В.Т. Лисовский, Н.В. Малярова, А.Н. Обозов, Л.М. Панкова, С.М. Питилин, П.А. Решетов, А.Н. Сизанов, Е.С. Смирнова, В.С. Торохтий, Б.Ю. Шапиро, Л.Б. Шнейдер, Л.М. Яворская и др.), а с другой стороны, об отсутствии общепринятого подхода к определению понятия «психологическая готовность к браку» и входящих в ее структуру компонентов. В ряде исследований психологическая готовность к браку трактуется и как качество, определяющее установки на брачно-семейные отношения, и как предпосылки к созданию семьи и регуляции семейных отношений, и как активное состояние личности, актуализирующее деятельность по организации брачно-семейных отношений, и как результат семейного воспитания, психологической подготовки и психологической мобилизации.

В ситуации разрозненности и неопределенности научной трактовки понятия «психологическая готовность к браку», наиболее продуктивным видится понимание данного конструкта как «целостного состояния личности, своеобразной внутренней настроенности на определенное брачное поведение, мобилизованности всех сил на активные и целесообразные действия, конечной целью которых является вступление в брак» [4, с. 63]. Анализ различных исследований, посвященных проблеме психологической готовности к браку, дает возможность отметить, что изучаемый конструкт является сложным поликомпонентным образованием, которое может рассматриваться как многофакторное личностное образование, опосредуемое особенностями его структурных компонентов.

В результате проведенного частотного анализа выделяемых различными авторами компонентов психологической готовности к браку [1, с. 180–181], можно выделить в качестве наиболее значимых структурных ее компонентов мотивы вступления в брак, ценности, потребности, брачно-семейные установки. Кроме того, в качестве существенного структурного компонента можно также рассматривать самооценку готовности людей к браку, которая характеризует субъективную оценку

человеком своей готовности к выполнению функций супруга / супруги. Самооценка готовности к браку, в терминах Э. Дисси и Р. Райана [7], может характеризовать уровень уверенности человека в своей компетентности в области брака, т.е. она является составляющей одной из трех базовых потребностей людей. Правомочность выделения данного конструкта в качестве значимого компонента психологической готовности к браку обусловлена осознанностью вступления человека в брачный союз. Данный факт требует учета не только «объективной реальности» выделенных личностных компонентов, но и акцента на субъективном восприятии молодыми людьми их уровня подготовки к браку.

Основной задачей исследования являлось выявление уровня самооценки готовности к браку и семье у мужчин и женщин возрастной ранней зрелости. В исследовании приняли участие 110 не состоящих в браке мужчин и женщин в возрасте от 20 до 30 лет. Диагностика осуществлялась при помощи специально разработанного полуструктурированного самоотчета «Самооценка готовности к браку».

Разработанная авторская методика позволяет определить уровень субъективной готовности респондентов к браку [1, с. 189–190]. Вслед за А.А. Бодальевым и В.В. Столиным данный полуструктурированный самоотчет можно отнести к шкальным техникам стандартизованных самоотчетов, которые предполагают оценку тех или иных объектов (словесных утверждений) по выраженности в них качества, заданного шкалой [2]. Уровень субъективной готовности респондентов к браку определялся на основе самооценки готовности респондентов к реализации основных функций семьи. В основу данного самоотчета положена классификация функций семьи М.С. Мацковского [6, с. 35–44; 5, с. 101–103]. Методологическим основанием при конструировании данного самоотчета послужили идеи Э. Дисси о базовой потребности в компетентности [7]. Самооценка готовности к браку характеризует суждения людей относительно своих компетенций в области брака, возможности (способности) выполнять роль супруги/супруга. Для определения внутренней согласованности методики использовалась процедура Reliability, в статистическом пакете Statistica вычислялся коэффициент α Кронбаха. Анализ полученных результатов показал высокую надежность созданной методики.

Разработанный самоотчет «Самооценка готовности к браку» содержит 12 шкал: «Готовность к семейной жизни», «Готовность к реги-

страции отношений в ЗАГСе», «Готовность к рождению детей», «Готовность к воспитанию детей», «Материальная готовность к семейной жизни», «Готовность к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей», «Готовность к совместному досугу», «Готовность заботиться о семье и близких», «Оценка степени коммуникативных навыков», «Готовность к удовлетворению сексуальных потребностей супруга», «Наличие желания вступить в брак», «Мнение, что каждый должен вступать в брак». Ответы фиксировались по методу фиксированных оценок по пятибалльной шкале (от 1, как «совершенно не готов/ совершенно не согласен», до 5, как «полностью готов/ полностью согласен»). Среднее значение вышеуказанных 12 шкал составило интегральную «Общую субъективную оценку готовности к браку» (α Кронбаха = 0,87).

Полученные в результате исследования данные были обработаны и подвергнуты статистической обработке. Анализ статистических различий в уровне самооценки готовности к браку у мужчин и женщин с помощью критерия U-Манна-Уитни показал наличие значимых различий в представлениях респондентов по таким параметрам, как «Готовность к семейной жизни» ($U=1004,5$, при $p \leq 0,05$), «Готовность к юридической регистрации отношений» ($U=842,0$, при $p \leq 0,05$), «Готовность к рождению детей» ($U=1060,0$, при $p \leq 0,05$), «Готовность к воспитанию детей» ($U=1035,5$, при $p \leq 0,05$), «Материальная готовность к семейной жизни» ($U=1067,0$, при $p \leq 0,05$), «Готовность к совместному досугу» ($U=1047,5$, при $p \leq 0,05$), «Субъективное желание вступить в брак» ($U=1153,0$, при $p \leq 0,05$). Факт наличия большого количества параметров, имеющих значимые статистические различия, позволяет утверждать, что субъективная готовность к браку в возрасте ранней зрелости значительно отличается у мужчин и женщин. Полученные данные позволяют построить график распределения самооценки готовности к браку у мужчин и женщин (см. рис. 1).

Анализ полученных результатов позволяет сделать выводы, что женщины в большей степени субъективно готовы к браку, по сравнению с мужчинами. Практически по всем исследуемым показателям самооценки готовности к браку отмечаются более высокие баллы по сравнению с мужчинами (см. табл. 1).

Анализируя общие тенденции самооценки готовности к браку респондентов, необходимо отметить их низкие баллы при оценке своей материальной готовности, а также довольно низкую оценку своей готовности к рождению детей.

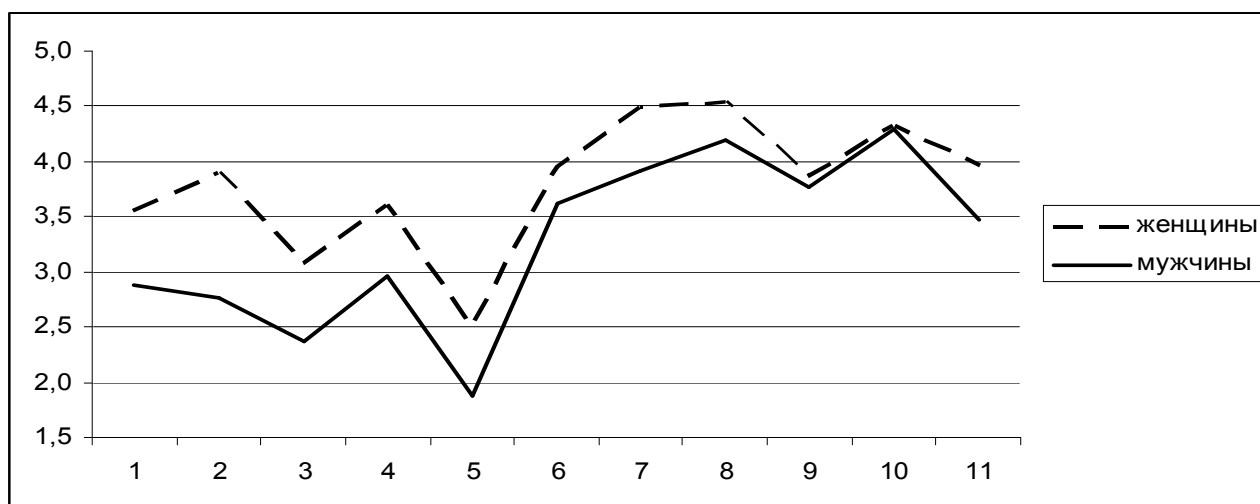

Рисунок 1. – Самооценка готовности к браку мужчин и женщин (средние значения)

По оси ординат – ранги по параметрам самооценки готовности к браку; по оси абсцисс – параметры самооценки готовности к браку 1 – самооценка готовности к семейной жизни; 2 – самооценка готовности к регистрации отношений в органе ЗАГСе; 3 – самооценка готовности к рождению детей; 4 – самооценка готовности к воспитанию детей; 5 – самооценка материальной готовности к семейной жизни; 6 – самооценка готовности к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей; 7 – самооценка готовности к проведению совместного досуга; 8 – самооценка готовности к заботе о семье и близких; 9 – самооценка своих коммуникативных навыков; 10 – самооценка готовности удовлетворять сексуальные потребности супруга; 11 – оценка своего желания вступить в брак.

Таблица 1. – Параметры самооценки готовности к браку у мужчин и женщин (средние значения)

Параметры самооценки готовности к браку	Вся выборка	Женщины	Мужчины
Готовы ли вы к семейной жизни?	3,2	3,6	2,9
Готовы ли вы к регистрации отношений в ЗАГСе?	3,4	3,9	2,8
Готовы ли вы к рождению детей?	2,8	3,1	2,4
Готовы ли вы к воспитанию детей?	3,3	3,6	3,0
Готовы ли вы материально к семейной жизни?	2,2	2,5	1,9
Готовы ли вы к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей?	3,8	3,9	3,6
Готовы ли вы к совместному досугу?	4,2	4,5	3,9
Готовы ли вы заботиться о семье и близких?	4,4	4,5	4,2
Оцените степень ваших коммуникативных навыков?	3,8	3,9	3,8
Готовы ли вы удовлетворять сексуальные потребности супруга?	4,3	4,3	4,3
Есть ли у вас желание вступить в брак?	3,7	4,0	3,5
Считаете ли вы, что каждый должен вступать в брак?	2,4	2,6	2,3
Общая оценка уровня самооценки готовности к браку	3,5	3,7	3,2

Интересным представляется соотношение достаточно высокого субъективного желания респондентов вступать в брак и низкой оценки представления о том, что каждый человек должен вступать в брак. Каждый отдельный человек является частью общества, и представление о том, что допустимо для любого члена общества, определяет рамки допустимого для отдельного человека (категорический императив Канта) и носит проективный характер. Последний параметр свидетельствует о наличии в сознании людей мнения, что брак сегодня не обязателен.

С целью уточнения полученных данных, дальнейший анализ предполагал выделение низкой и высокой самооценки готовности по каждому из параметров. С этой целью, выявленные показатели по каждому анализируемому параметру, были перешифрованы с учетом их разделения по медиане на две группы – со значениями признака меньше медианы и со значениями признака больше медианы. Данные группы можно обозначить как «высокая самооценка готовности к браку» и «низкая самооценка готовности к браку». С помощью такого деления, показатели респондентов по

каждому параметру уточнялись и приобретали большую надежность.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. По параметру «Готовность к семейной жизни» высокая самооценка выявлена у 43,6% респондентов (женщины – 55,9%, мужчины – 29,4%), а низкая – у 56,4% (женщины – 44,1%, мужчины – 70,6%). По параметру «Готовность к юридической регистрации отношений» у 52,7% респондентов выявлена высокая самооценка (женщины – 69,5%, мужчины – 33,3%), низкая самооценка отмечалась у 44,7% (женщины – 30,5%, мужчины – 66,7%). Высокая самооценка по параметру «Готовность к рождению детей» выявлена у 57,3% испытуемых (женщины – 71,2%, мужчины – 41,2%), в свою очередь, низкая самооценка выявлена у 42,7% респондентов (женщины – 28,8%, мужчины – 58,8%). Выявлено, что самооценка по параметру «Готовность к воспитанию детей» имеет равное (50%) распределение высоких и низких показателей высокие показатели. При этом у женщин высокая самооценка по параметру отмечается у 61,0%, а у мужчин – у 37,3%, низкая самооценка, соответственно, выявлена у 39,0% женщин и у 62,5% мужчин. По параметру «Материальная готовность к семейной жизни» были выявлены в большей степени низкие показатели самооценки. Высокая самооценка по параметру выявлена у 37,3% респондентов (женщины – 49,2%, мужчины – 23,5%), низкие показатели выявлены у 62,7% (женщины – 50,8%, мужчины – 76,5%). Самооценка параметра «Готовность к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей» имеет высокие показатели у 63,6% испытуемых (женщины – 67,8%, мужчины – 58,8%). Низкая самооценка по данному показателю выявлена у 36,4% респондентов (женщины – 32,2%, мужчины – 41,2%). Выявлено, что самооценка по параметру «Готовность к совместному досугу» имеет высокие показатели у 50,9% респондентов (женщины – 62,7%, мужчины – 37,3%), низкая самооценка выявлена у 49,1% опрошенных (женщины – 37,3%, мужчины – 62,7%). По самооценке параметра «Готовность заботиться о семье и близких» получены высокие показатели у 61,8% респондентов (женщины – 67,8%, мужчины – 54,9%). Низкая самооценка по данному параметру выявлена у 38,2% испытуемых (женщины – 32,2%, мужчины – 54,9%). Следующим анализируемым компонентом самооценки готовности к браку являлась «Самооценка коммуникативных навыков». Высокую самооценку по данному компоненту проявляют 71,8% респондентов (женщины – 72,9%,

мужчины – 70,6%). Низкая самооценка выявлена у 28,2% испытуемых (женщины – 27,1%, мужчины – 29,4%). Высокая самооценка по параметру «Готовность удовлетворять сексуальные потребности супруга» выявлена у 49,1% респондентов (женщины – 49,2%, мужчины – 49,0%). Низкие показатели по параметру выявлены у 50,9% респондентов (женщины – 50,8%, мужчины – 51,0%). Выявлено, что высокая самооценка при оценке своего желания вступить в брак характерна для 68,2% респондентов (женщины – 74,6%, мужчины – 60,8%). Низкие параметры по показателю выявлены у 31,8% респондентов (женщины – 25,4%, мужчины – 39,2%). Также выявлено, что мнение о том, что каждый человек должен вступать в брак положительно оценивают 44,5% респондентов (женщины – 45,8%, мужчины – 43,1%), тогда как, не согласны с данным утверждением 55,5% респондентов (женщины – 54,2%, мужчины – 56,9%).

В рамках исследования каждый из параметров рассматривался как часть общей самооценки готовности к браку, совокупность элементов которой определяет уровень восприятия субъекта себя как готового или не готового к вступлению в брак, к выполнению определенных функций супруга.

Общий уровень самооценки готовности к браку рассчитывался с помощью сопоставления среднего значения, полученного респондентом по всем параметрам методики, и среднего значения показателей, рассчитанных по всей выборочной совокупности. Полученные данные позволили разделить респондентов на «субъективно готовых» (48,2%) и «субъективно не готовых» к браку (51,8%). Анализ данных подтвердил, что женщины, по сравнению с мужчинами, обладают более высокой общей субъективной готовностью к браку (женщины – 69,5%; мужчины – 31,4%). Соответственно мужчины чаще показывают низкую общую самооценку готовности к браку (женщины – 30,5%; мужчины – 68,6%). Полученные данные отражены на рис. 2.

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет утверждать, что на современном этапе для людей в возрасте ранней взрослости характерно неоднозначное восприятие своей готовности к вступлению в брак. Следует отметить высокое количество людей, субъективно не готовых к браку. Преобладание наиболее низкой самооценки готовности к браку было выявлено по таким параметрам, как «Готовность к семейной жизни», «Материальная готовность к браку», мнение, что каждый должен вступать в брак.

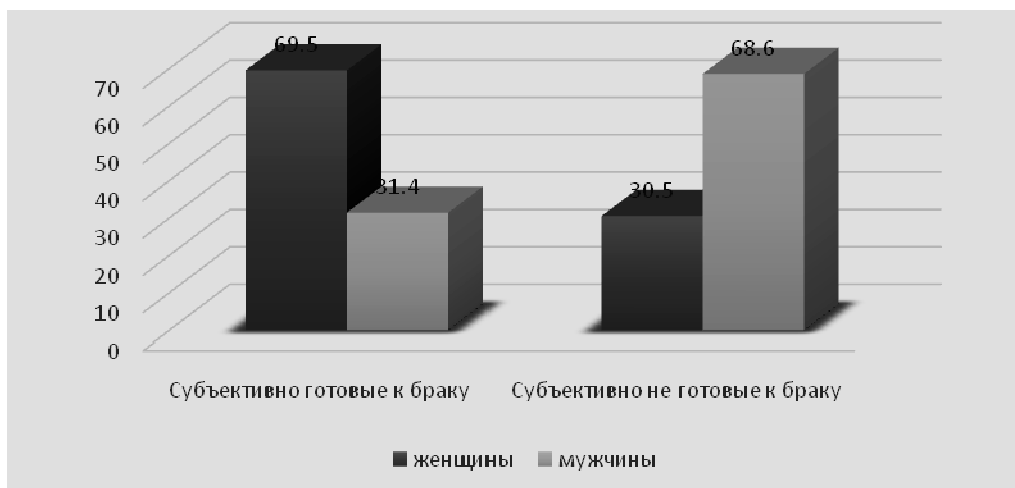

Рисунок 2. – Субъективно готовые и не готовые к браку мужчины и женщины (в %)

Определено, что для мужчин и женщин характерен различный уровень самооценки своей готовности к браку. Показатели по параметрам самооценки готовности к браку у мужчин ниже, чем у женщин. Женщины, по сравнению с мужчинами, имеют значимо более высокие оценки уровня субъективной готовности к браку по параметрам «Готовность к семейной жизни», «Готовность к юридической регистрации отношений», «Готовность к рождению детей», «Готовность к воспитанию детей», «Материальная готовность к семейной жизни», «Готовность к совместному досугу», «Субъективное желание вступать в брак». Анализ общего уровня самооценки готовности к браку показал, что 69,5% женщин оценивают себя как готовых к браку. В свою очередь 68,6% мужчин считают себя не готовыми к брачным отношениям.

Полученные в результате исследования данные актуализируют проблему подготовки мужчин и женщин к браку и семейной жизни. Выявление сложностей в области формирования устойчивой психологической готовности к браку, и, в частности, самооценки готовности к браку, свидетельствует о необходимости планирования и осуществления возможной коррекционно-развивающей работы с молодыми людьми по сохранению и укреплению института брака и семьи, что является в настоящее время приоритетной задачей, стоящей перед обществом.

Список использованных источников

1. Белановская, М.Л. Структурно-динамическая иерархия мотивов вступления в брак у мужчин и женщин: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 [Текст] / М.Л. Белановская. – Минск, 2017. – 305 с.

2. Бодалев, А.А. Общая психодиагностика [Текст] / А.А. Бодалев, В.В. Столин, В.С. Аванесов. – СПб.: Речь, 2006. – 440 с.

3. Дружинин, В.Н. Психология семьи [Текст] / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2014. – 117 с.

4. Жолудева, С.В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 [Текст] / С.В. Жолудева. – Ростов н/Д., 2009. – 192 с.

5. Олифирович, Н.И. Терапия семейных систем [Текст] / Н.И. Олифирович, Т.Ф. Велента, Т.А. Зинкевич-Куземкина. – СПб.: Речь, 2012. – 570 с.

6. Харчев, А.Г. Современная семья и ее проблемы [Текст] / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. – М.: Статистика, 1993. – 224 с.

7. Deci, E.L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior [Text] / E.L. Deci, R.M. Ryan. – N.Y.: Plenum Publishing Co., 1985. – 371 p.

© *Belanovskaya M.L., 2018*

INFLUENCE OF MODERN CIVILIZATIONAL PROCESSES ON SELF-EVALUATION OF READINESS FOR MARRIAGE OF YOUNG PEOPLE

The article describes modern social trends and their influence on the institution of marriage and family. The expediency of studying the psychological preparedness of young people for marriage and, in particular, their self-assessment of readiness for marriage and family is justified. Is described the author's semi-structured self-report «Self-evaluation of readiness for marriage». The results of an empirical study on the identification of self-esteem for marriage and family preparedness in men and women of early adulthood are presented. Conclusions are drawn and prospects for further research are outlined.

Keywords: psychological readiness for marriage, self-evaluation of readiness for marriage.

ТРАДИЦИИ ВОЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКА)

Статья посвящена характеристике праздничной культуры военных в Архангельске второй половины XIX – нач. XX в. Анализируются аспекты использования военной символики праздников, а также их роль в формировании городской культуры и общественной жизни. Традиции армии в контексте культуры провинциального города очень значимы для формирования представления о военной субкультуре этого периода, ее проявлении в праздничной культуре Архангельска.

Ключевые слова: военные символы, праздничная культура, военно-историческая антропология.

В кон. XIX – нач. XX в. в Архангельске сложился комплекс гражданских ритуалов торжественных общественно-политических и патриотических праздников. В это время военные как особая профессиональная группа стали носителями своеобразной праздничной культуры, соединяющей в себе элементы празднований прошлых веков и новых зарождающихся традиций. Большой интерес для исследования проблем диалога «армии – власть», «армии – социум» представляет изучение особенностей использования военной символики в праздничных торжествах.

Дореволюционный Архангельск – русский портовый город, лесопромышленный центр, отправная точка экспедиций, имеющий в составе жителей города иностранных подданных. Как и все приграничные города окраин империи, город имел свой гарнизон, а в период войн в городских предместьях располагались большие воинские формирования. Городские мероприятия Архангельска обладали типичными чертами провинциальных портовых городов России, где существенную роль играла проблема влияния военных на культуру провинциального общества Архангельска [9, с. 5]. В структуре государственных, религиозных и семейных торжеств города можно выделить три обязательных элемента: религиозный, развлекательный и собственно «военный».

Во 2-й пол. XIX в. военные не только участвовали в гражданских торжествах и военных праздниках. Они отмечали праздники, признанные обязательными государственными днями и связанные с официальными именами или фактами истории. Причем, по инициативе администрации города, военные соблюдали

предписанные им правила. Например, издание «Справочная книжка для русских офицеров» за 1881 г. содержит список дат, отмечавшихся в армии как торжественные и праздничные, их «насчитывалось 88 страниц» [3, с. 77]. В течение многих лет в издание вносились обновленные сведения, его полиграфическое исполнение становилось с годами более совершенным.

В сер. XIX в. традиция праздников была связана с традициями, заложенными в петровскую эпоху, а именно – встречей Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, торжествами по случаю военных побед России на суше и на море и их годовщин. В Указе «О праздновании Нового года» 1699 г. Петра I говорилось: «в знак... доброго начинания и нового столетнего века в веселии... чинить стрельбу из ружей, и пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни». С тех пор в основе церемонии, составляющей светского праздника и городских развлечений и ритуалов, важное место занимал военный символ или атрибут военной службы. Использовалась военно-морская техника, звучали артиллерийские залпы салютов и фейерверков, гремели пушечные салюты и проводились парады.

Ежегодно в Архангельске отмечалась очередная годовщина первого прибытия на Мосеев остров организатора праздничной военной традиции, царя Петра I. Так 30 июня 1841 г. в Архангельск 148-ю годовщину отмечали, используя пушечные выстрелы, возвещающие о начале торжества. Грандиозно и пышно отмечался 300-летний юбилей Архангельска в 1884 г., по окончании которого звучал пушечный салют с военной шхуны.

С петровских времен, в течении более двух веков, в Архангельске производились пушечные салюты в честь одержанных побед русской армии и в морских сражениях. Артиллерийским салютом и криком «ура» всегда был ознаменован спуск судна на воду. А с 1861 по 1921 г. в Архангельске по примеру Петропавловской столичной крепости была традиция отмечать наступление полдня холостым пушечным выстрелом. Во время народного гулянья играл военный оркестр. Участие оркестров в торжествах было важно для городской общности и солдат – музыка «регламентировала»

вала повседневную жизнь войсковых частей». [7, с. 26] Во время городских гуляний, празднования памятных городских дат и юбилеев в городе играли оркестры военных музыкантов. Кроме событий государственной важности салютами отмечались церковные и «мирские» праздники.

До Октябрьской революции 1917 г. в Архангельске были широко распространены общественные и государственные праздники. Продолжала поддерживаться армией традиция празднования «царских дней» тезоименитства и рождения детей в семье правителя. Регламентированная Указом Петра I в 1721 г., она восходила еще к допетровской эпохе. В XIX в. это было вполне закономерно, так как отражало идеологию «православие, самодержавие, народность» и традиционный эталон русских военнослужащих, служивших «За Веру, Царя и Отечество».

В Архангельске широко праздновали даты в жизни дома Романовых: рождение и крещение наследников, достижение ими совершеннолетия, вступление в брак и коронование государя императора. Военные принимали участие в юбилее городов, учреждений и т.п. Так, в 1896 г. вся общественность города, включая военных, не осталась в стороне от события Священного коронования императора Николая II Александровича и Александры Федоровны. За это горожане получили благодарность «Всех сердечно благодарим» в виде «всемилостейшей» надписи на докладе Министра Внутренних дел «о выражении верноподданнейших чувств и поздравлений».

Часто во время официальных торжеств проходили военные парады. Особенно велико было их влияние на формирование «верноподданнических» чувств в обществе. Парад актуализировал в участниках и зрителях патриотические чувства. Он олицетворял силу воинства, был символом единения правителей и армии, торжества самодержавия. Воинские парады и церемонии одинаково любили «простой народ» и «высшее общество». В 1885 г. широко отмечался почетный прием Великого князя Владимира Александровича. В программу его пребывания «в селении Сийском и в городах Холмогоры и Архангельск» был включен осмотр местных команд, «смотр батальона, обозрение казармы, батальонного управления и офицерского собрания» [8, с. 1-24]

Традиционным для больших праздников была организация угощений для простого народа. Для солдат городских гарнизонов в эти дни обычно давались бесплатные обеды от городского общества. Например, на празднова-

нии 300-летнего юбилея 6 сентября 1884 г. было организовано бесплатное угощение для всех солдат. Такая традиция стала свидетельством заботы горожан о людях, которые несли «нелегкое бремя воинской службы» [4, с. 10]. Одной из городских традиций было устройство угощений для офицеров и военных нижних чинов. Организация бесплатных обедов с непременной выдачей винной порции была призвана создавать праздничное настроение среди солдат в дни государственных праздников. Например, в журнале Архангельской государственной Думы за 21 июня 1884 г. отмечалось, то, как горожане участвовали в торжествах по случаю совершеннолетия цесаревича Николая Александровича. Военными музыкантами был исполнен народный гимн «Боже, царя храни», сопровождаемый криками «ура!», «после всего войска и музыканты угощены каждый по чарке водки и кружкой пива» [8, с. 24].

В торжественные дни производились салюты и залпы из орудий: в дни праздников в честь членов царского семейства из 15 орудий, а в дни восшествия на всероссийский престол из 31 орудия.

Традицией для Архангельска стало использование форм просвещения для жителей города и военных. В праздничные дни проводились лекции, беседы, литературно-музыкальные вечера, готовились тематические печатные издания. В 1909 г. торжественный праздник 200-летия Полтавской битвы был отмечен не только парадом войск Архангельского гарнизона и корабельным салютом. В городских училищах, Рыбопромышленном музее, в городской чайной проводились лекции, посвященные времени Петра I, его военноморским победам [9, с. 101]. Например, «Архангельские губернские ведомости» опубликовали библиографический указатель литературы о времени Петра I, его реформах и победах в войнах. Были напечатаны очерки об участии царя «в экономическом, военном и культурном развитии Севера», подготовлен сборник «Петр I на Севере» и экспозиция, посвященная эпохе Петра I [9, с. 100]. В Городской Думе звучала речь преподавателя гимназии А.Б. Ерюхина, посвященная Полтавской битве и ее историческому значению [9, с. 101].

Одним из значительных юбилейных событий истории России нач. XX в. стало празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. К таким масштабным событиям можно с уверенностью отнести еще 50-летие реформы 1861 г. и 300-летие династии Романовых. Подготовка и проведение мероприятий, связанных с этой датой на провинциальном уровне вклю-

чала деятельность государственных и церковных учреждений общественности. Изучение материалов местной периодической печати позволило найти сведения о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. В газете «Архангельск» подробно освещались события, связанные с проведением мероприятий в духовных учебных заведениях и церковно – приходских школах, перенесенных на 11 октября (ко дню выхода французов из Москвы). В этот день учащиеся были освобождены от занятий. В духовной семинарии и женском епархиальном училище состоялось «Литературное утро». В программу было включены чтения и выступление хора. Учащимся раздавались брошюры и портреты, посвященные событиям и памяти Отечественной войны 1812 г.

Оркестр военных музыкантов сопровождал летние гуляния в Архангельске, которые проходили в Александровском и Гагаринском садах. На беседках и арках в садах на праздники вывешивались флаги, а звучание оркестра придавало гуляниям особую торжественность.

Зимой среди излюбленных развлечений горожан было катание на коньках. Оно обычно проходило под музыку военного духового оркестра и с освещением. Начало и конец катания были извещены выстрелом из пушки. Масленичные гуляния зимой были в значительной степени связаны с северно-рускими развлечениями, главным из них – катания с гор. Даже подобные безобидные увеселения требовали разрешения полицмейстера. В прошении архангельского мещанина Андрея Михайловича Пляка на устройство ледяной горы и при ней катка была наложена резолюция: «Катание платное, с военной музыкой – 15 коп., без музыки – 5 коп.» [9, с. 47]. Если горка мешала проезду, возле нее ставили полицейского, регулировавшего движение по улице [5, с. 218]. Таким образом, элементы праздничной культуры военных или укладывались в узкие армейские рамки или становились составной частью культурной жизни общества в целом. Праздничная культура являлась полем для культурного диалога армии, властей всех уровней и гражданского общества в России 2-й пол. XIX – нач. XX в.

В 1918–1919 гг. Архангельск был оккупирован английскими, американскими и французскими войсками. С установлением на Севере власти белогвардейцев и интервентов, одним из первых ее шагов стало восстановление воинских наград, существовавших ранее в Российской империи и возобновление военных праздников. В Архангельске это было сделано 9 декабря 1918 г. Наиболее торжественным у

военных был праздник в честь Ордена Святого Георгия (26 ноября). Интересно сравнить то, как проходил данный праздник до революции и в годы гражданской войны. Сохранились свидетельства о его праздновании в Архангельске в 1916 г. В Архангельске и его окрестностях о празднике были оповещены все георгиевские кавалеры, а также состоялась панихида по павшим героям второй отечественной войны. В церквях 26 ноября после торжественного молебна в Кафедральном соборе на Соборной площади состоялся парад местных воинских частей – роты Архангельской дружины и Архангельского флотского полуэкипажа. Георгиевских кавалеров жители Архангельска приветствовали, размахивая национальными и георгиевскими флажками. В городской думе состоялся торжественный прием. В кинематографе один из местных педагогов прочел им лекцию о значении Георгиевского праздника, об учреждении ордена Святого Георгия. Своеобразным элементом праздника стал кружечный сбор на образование фонда для воспитания и обучения детей павших георгиевских кавалеров. Чуть менее торжественно прошел праздник в 1919 г. Из воспоминаний генерал-губернатора Северной области В.В. Марушевского: «По программе праздника предполагалось устроить молебен, парад и общий обед Георгиевских кавалеров в казармах мобилизованного полка» [2, с. 3]. По воспоминаниям очевидцев, в день праздника состоялся обед Георгиевских Кавалеров – офицеров и солдат. Им прислуживали дамы женского патриотического союза. Обед состоял из трех блюд: борща с пирогом, котлет с картофелем и какао, а также был предложен горячий глинтвейн. Под звуки оркестра обед прошел в дружной и оживленной атмосфере при образцовом порядке.

Советская власть, окончательно закрепившаяся на Севере России в 1920 г., повлияла на комплексы праздничной культуры, изменила их политическую направленность. По-особенному использовалась и военная символика. В новых ритуалах сочетались революционные новации и традиции дореволюционных официальных церемоний, военных в том числе. В 1920-е гг. советские праздники делились на две части: на проведение демонстраций, которым обычно предшествовал военный парад и вечерние народные гуляния в день демонстрации и на следующий день. Дальнейшие события XX в. создавали обстоятельства для формирования новых праздничных ритуалов, однако в проведении торжеств по-прежнему использовались элементы традици-

онной для России военной праздничной культуры: парады, салюты, выступление военных оркестров.

Список использованных источников

1. Архангельск. – 1916. – № 273 (09 дек.). С. 4.
2. Брызгалов, В. Высшая награда русской армии считается «спящим» орденом / В. Брызгалов, Е. Колтовой // Ведомости Поморья. – 2005. – №47. – 7 дек. / [Электронный ресурс]. Георгиевская старина; <http://george-orden.narod.ru/Stat/stat04.html> (Дата обращения: 8.02.2018).
3. Гефнер, О.В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX-начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3. – С. 77–87. Ciberleninka / [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnichnaya-kultura-voennyh-russkoy-armii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-vv> (Дата обращения: 13.02.2018).
4. Гончаров, Ю.М. Городские праздники в западной Сибири в середине XIX начале XX века / Ю.М. Гончаров // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4. – С. 9-16 / [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-prazdniki-v-zapadnoy-sibiri-v-seredine-xix-nachale-xx-veka> (19.10.2016).
5. Давыдов, А. Праздники старого города [Текст] / А. Давыдов // Следопыт Севера: Ист.-краевед. сб. – Архангельск: Сев.-Запад. Кн. Изд-во, 1986. – 251 с.
6. Журнал Архангельской Городской Думы 21 июня 1881года – С. 24. Дело о чествовании 6 мая совершеннолетия цесаревича Николая (Ф. 50. Оп. 1. Д. 553. Л. 1-33).
7. Колоницкий, Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года [Текст] / Б.И. Колоницкий. – СПб.: Лики России, 2012. – 336 с.

8. Программа пребывания Его императорского высочества князя Владимира Александровича в селении Сийском и в городах Холмогорах и Архангельск. Дело о посещении г. Архангельска Великим князем Владимиром Александровичем 1899 года (Ф. 50. Оп. 1. Д. 938. Л. 1-24).

9. Фельдт, И.Н. Культурная жизнь провинциального города: Архангельск конца XIX – начала XX века: Учебное пособие [Текст] / И.Н. Фельдт. – Архангельск, КИРА, 2010. – 126 с.

10. Фролова, А.В. Праздничная культура русских в XX в.: (по материалам Архангельской обл.) [Текст] / А.В. Фролова // Мировоззрение и культура северно-русского населения. – М., 2006. – С. 341-363.

© *Bogdanova N.A., 2018*

MILITARY TRADITIONS OF THE FESTIVE CULTURE IN THE PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF ARKHANGELSK)

The article is devoted to the characteristics of the festive culture of the military in Arkhangelsk in the second half of the XIX – early XX centuries. The aspects of the use of military symbols of holidays, as well as their role in the formation of urban culture and social life are analyzed. The traditions of the army in the context of the culture of the provincial city are very important for the formation of an idea of the military subculture of this period, its manifestation in the festive culture of Arkhangelsk.

Keywords: *military symbols, festive culture, the military-historical anthropology.*

НЕОКОРПОРАТИВИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследуются объективные основания современного неокорпоративизма для устойчивого развития и демократических трендов российского политического режима. Избирательные кампании и связанные с ними политические турбулентности в настоящее время практически во всех государствах преодолеваются с применением элементов неокорпоративных инструментариев политической практики. Показано, что в условиях глобальной конкуренции проект либерально-экономического пути развития России можно считать завершенным без заметных политических успехов. Модель политического неокорпоративизма подтвердила свою социально-экономическую состоятельность в конкурентном противоборстве с однополярным мироустройством. Одним из вариантов политического проектирования может быть разработка проекта социально-демократического корпоративного политического режима для России.

Ключевые слова: неокорпоративизм, политический режим, глобальная демократия, политическая стабильность.

Экономическая и политическая межгосударственная конкуренция за распределение ресурсов в планетарном масштабе заняла место идеологического противоборства времен двухполярного мира и «холодной» войны. Строительство комфортного и конкурентоспособного государства объективно означает конкуренцию государств за материальные ресурсы, за ориентацию и идентификацию граждан, за реальный суверенитет, фактически – за достойное место в формирующемся глобальном мироустройстве.

Применительно к государству как основному институту политической системы в политической науке используется категория «политический режим». Политический режим (от лат. *regimen* – управление) – это совокупность методов и способов реализации политической власти, конкретно-исторические формы, нормы и правила функционирования власти определяют существенные характеристики политических режимов, степень возможности демократических прав и свобод индивидуума и сообществ индивидуумов, структуру взаимоотношений государства и гражданского общества. Определяют меру соответствия данных норм и правил принятым в социуме традициям, цен-

ностям и культуре общественного поведения. Исследователи политических процессов и государственного управления в разные исторические периоды в зависимости от субъективных политических приоритетов классифицируют разнообразие политических режимов: тоталитарный, авторитарный, демократия, полиархия, посттоталитарный, постколониальный, военный, восточноазиатский, корпоративно-бюрократический и т.д.

В субъективных условиях политической практики возникает несколько направлений анализа политического режима, но главным в настоящее время, как оказалось, является то, что нет единого для всех современных государств типового политического режима. В политической науке существует один базисный фактор, который агрегирует признаки устойчивости политического режима или демократии (полиархии как устойчивой демократии), когда социальные конфликты не выходят за рамки легитимности политического режима, и не происходит кризиса и смены режима (переворот, революция, скоротечная и не учитывающая интересов многих социальных страт модернизация). Этот фактор – система организации периодических избирательных кампаний в данном государстве в данный политико-исторический период. Устойчивость политического режима в наше время связана с электоральной системой, поскольку в демократических политических системах именно выборы определяют как формы и тренды эволюции политических режимов, так и положение политических партий и движений в иерархии государственного управления.

В современной России идет постоянная трансформация социально-политических методов и инструментов исполнения институтами государственной власти функций управления государством и гражданским обществом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и положительной динамики политической стабильности. Стала константой проблема устойчивости (гомеостазиса) российского политического режима в условиях его модернизации. В данной статье целесообразно остановиться на определении российского политолога проф. Ю.В. Ирхина: «политический режим – совокупность характерных для

определенного типа государства политических отношений, применяемых властями средств и методов, сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, состояния политической культуры и сознания; категория политологии, характеризующая реальное распределение политической власти и влияния в государстве и обществе ... Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социального порядка, способствующих формированию политической власти в данной стране на определенный период» [1, с. 325]. Таким образом, преобладающая в той или иной социальной группе, но в первую очередь среди представителей институтов власти (высших государственных служащих), формирующаяся в процессе демократических дискуссий идея, замысел, парадигма политического режима является составным элементом инструментария практического государственного управления.

Американский политолог, признанный корифей в области авторитарных и демократических режимов, направлений их флуктуаций и исследований корпоративизма, Ф.К. Шмиттер, писал о политическом режиме постсоветской России: «Можно полагать, что в России наблюдаются тенденции к корпоративному политическому режиму, ренессанс политического корпоративизма в новых условиях российской национальной демократии» [2, с. 16]. В настоящее время, накануне в отличие от государств Запада прямых и вне партийного контента, выборов президента России, уместно напомнить, что президент в России по конституционному статусу фигура надпартийная, государственный служащий, обязанный работать в интересах всех российских граждан, вне зависимости от их партийных предпочтений. Внепартийные, прямые выборы президента – признак консолидированной демократии, признак развития тех тенденций, которые описал Ф. Шмиттер.

Необходимо отметить, что неокорпоративные тенденции проявляются в российской политической тенденции по объективным причинам. Достаточно сослаться на британского политолога Э. Хейвуда, по мнению которого в политической науке после отказа от концепции «трех миров» не случилось «серьезных попыток классификации политических систем...Сегодня понятно, что настроения триумфа, охватившие Запад, были на самом деле не более чем самолюбованием и «похмельным расслаблением» после «холодной войны». Многие не перестают говорить о превосходстве

«мира либеральных демократий» и специфически западной модели развития, не вполне понимая, что в действительности за этой моделью стоит, собственно говоря, лишь американский опыт, и не стоит настаивать на универсальной применимости таких ценностей, как индивидуализм, права человека и право выбора» [3, с. 36]. Э. Хейвуд пришел к этому выводу задолго до начала турбулентных геополитических конфликтов в результате открытых и упорных попыток установить однополярный миропорядок. Когда последовательная цепочка «экспортов демократии», пришедшая на смену «экспорту революции», в чем обвиняли Советский Союз и его сторонников в XX в., не была еще такой очевидной за границами значительной части экспертного политологического сообщества.

Представляется все более очевидным дрейф российского политического режима в сторону социально-демократического неокорпоративизма.

Взвешенная аналитическая оценка неокорпоративизма и его тенденций сделана проф. Ю.В. Ирхиным. Между конкурентной экономикой и государством корпоративизм устанавливает сеть коллективных институтов, представляющих различные социальные группы политической системы. Участие корпоративных структур в консультациях, в принятии политических и государственных решений, в контроле исполнения консолидирует подавляющую часть общества. Сеть ассоциаций интересов проявляет себя на разных уровнях государственного управления, как на мезо-, так и на макроуровне в силу расширения транснациональной мобильности капитала. Ю.В. Ирхин сделал прогноз мегатрендов глобального общественного развития и что имеется «всемирная тенденция к формальным демократическим структурам, управляемая демократия в большинстве стран, повышение роли государства; замедляющаяся демократизация и усиление власти корпоративных структур в различных их управленческих и технологических формах» [4, с. 42].

Правая либеральная оппозиция остро реагирует на корпоративные тенденции в России в течение всего срока президентства В.В. Путина, системно выдвигает идеологически сомнительные, но технологически выверенные в современном транспарентном информационном пространстве доводы против надпартийного статуса президента России: «Строительство корпоративистского государства по образцу муссолиниевской Италии, заменившее строительство коммунизма, продолжается» [5].

При сбалансированной оценке политических процессов в истории государств Европы в XX в. без конъюнктурных и ангажированных политических пристрастий, то, кроме абсолютно отрицательных и трагичных последствий практики корпоративных политических режимов в Италии и Испании, можно увидеть, что в исторические периоды политических бифуркаций и турбулентности не политические партии, а организованные, корпоративно объединенные и патриотически ориентированные социальные слои граждан способствовали сплочению гражданского общества для успешного преодоления социально-экономических проблем для сохранения стабильных оснований демократических режимов. Как в Швеции, как в послевоенных Австрии и Германии. Шведские социал-демократы построили социальное государство, стабильный демократический политический режим. Была применена модель социального партнерства и политического корпоративизма. Успешно реализована концепция «народного дома», когда в политике взаимодействуют ассоциации и объединения граждан подобно корпорациям в экономике, когда государственные институты работают на принципах социал-демократии, создаются межпартийные и социальные коалиции, на мобилизуются все национальные социально-экономические и политические ресурсы в сложных условиях противоречивых трансформаций сер. XX в. После II мировой войны в ФРГ социал-демократы совместно с христианскими демократами эволюционными методами модернизировали политический режим также по корпоративной модели, в немецком варианте названную солидаризмом, поскольку политический корпоративизм по понятным и не подлежащим никаким сомнениям причинам скомпрометирован в западноевропейской истории и как форма организации политического режима, и как форма государственности. Поэтому оппоненты В.В. Путина и говорят о «муссолиниевской» политике, обвинения начались, по совпадению, накануне событий на Украине [6]. На деле опасаются стабилизировать политический режим и эффективного функционирования Общероссийского общественного движения «Народный фронт "За Россию"» (ОНФ), созданного по неокорпоративной парадигме и объединяющего по надпартийному принципу широкие социальные слои как индивидуумов, так и общественные организации (национально ориентированные НКО на территории России). В период демократических перемен приоритетом становится устойчивость государственного управления и

политического режима, а не стабильность демократических и избирательных процедур. Достаточно вспомнить политическую биографию Шарля де Голля и пятую республику во Франции, а в Чехии избранный при поддержке партии президент М. Земан декларировал «надпартийность» сразу после выборов. Проект расширения сфер влияния ОНФ (контроль за исполнительной властью в регионах, участие беспартийных представителей ОНФ в выборах депутатов всех уровней законодательной власти) является политическим проектированием неокорпоративного способа сохранения гомеостазиса российского политического режима и институтов государственного управления в современных условиях экономической и политической глобальной конкуренции. В России В.В. Путин дистанцировался от политической партии «Единая Россия» до выборов, стал лидером ОНФ, который политологи называют надпартийным «зонтиком» для обеспечения максимальной и корпоративной, а не однопартийной поддержки президента в условиях политических бифуркаций [4, с. 210].

В России всегда, независимо от формы правления и политического режима, исторически было определяющим влияние военных и силовых структур в силу политико-географического и геополитического пространственного расположения государства. В военных и силовых социальных группах как нигде силен дух корпоративизма. Уместно поэтому привести пример истории эволюции подготовки военных кадров для России в г. Вольске, в зданиях, где сейчас успешно функционирует Вольский военный институт материального обеспечения, филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. Профессиональная подготовка военных кадров здесь не прерывалась с XIX в., начиная со школы кантонистов. Все военные учебные заведения, меняя названия, структуры и учебные планы, всегда старались готовить высокопрофессиональных защитников Отечества. Неокорпоративная военная культура в подготовке военно-кадрового потенциала проявляется как составляющая часть неокорпоративной общенациональной культуры. Об этом автор уже представил достаточно объемное исследование на X Международной конференции «Актуальные проблемы социально политических наук», состоявшейся в Вольском военном институте материального обеспечения в 2016 г. [7, с. 21].

Современная фаза неокорпоративного развития политических режимов и эволюции соответствующих западноевропейских полито-

логических школ представляет в условиях ужесточения политико-экономической и социальной конкуренции существенный интерес для российской политической мысли. Поскольку, по заключению российского мыслителя А.М. Салмина «Корпоративизм националистичен в двух смыслах. Во-первых, он – коллективистская, а не индивидуалистическая система. Корпоративный коллективизм – это коллективизм нации, а не класса, семьи, религии или этнической группы. Целью является экономическое благосостояние нации, а не личное богатство или продвижение в обществе. Во-вторых, корпоративизм связан с политикой экономического национализма по отношению к окружающему миру» [8, с. 266]. Таким образом, неокорпоративизм антагонистичен однополярной глобальной модели либерально-демократической парадигме политического режима, с завидным упорством и целеустремленностью навязываемой государствам на постсоветском пространстве, в первую очередь для Российской Федерации.

Либеральный проект демократического транзита в России закончен, но не закончен демократический транзит. У неокорпоративной демократии значительный мотивационный и мобилизационный ресурс, который может быть задействован в модернизационных процессах российской государственности. Неокорпоративное государство как демократический проект может в настоящее время быть перспективным. Результаты выборов в Государственную Думу РФ VII созыва отражают тенденцию движения к солидарной, справедливой, объединяющей неокорпоративной демократии на современном историческом этапе, когда большинство партий поддерживают политический курс президента РФ В.В. Путина. В настоящее время такое положение предпочтительнее для устойчивости и динамической стабильности и политического режима, поэтому политическим партиям вне зависимости от идеологии надо ориентироваться на национальные парадигмы национального суверенитета и национальных приоритетов в турбулентном глобальном и конкурентном мире.

Список использованных источников

1. Ирхин, Ю.В. Режим политический [Текст] / Ю.В. Ирхин // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-научн. фонд. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2: Н-Я. – С. 324-327.
2. Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм [Текст] / Ф. Шмиттер // Полис. – 1997. – №2. – С. 14-22.
3. Хейвуд, Э. Политология: учебник для студентов вузов [Текст] / Эндрю Хейвуд; пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова и В.Ю. Бельского – [3-е изд.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – С. 36.
4. Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения [монография] / [Н.А. Борисов, С.И. Бойко, М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин и др.]; под ред. общ. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. – М.: Мир философии, 2016.
5. Колесников, А. Грантояды [Текст] / А. Колесников // Новая газета. – 2013. – 25 ноября. С. 10.
6. Шведская модель: дом на обочине // Коммерсантъ.ru «Guide (Швеция)». Приложение, №104/В (3435), 13.06.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/680326> (дата обращения 07.03.2018).
7. Бойко, С.И. Военный потенциал государства в национальной политической культуре [Текст] / С.И. Бойко // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: X Междунар. науч.-практ. конф. / Поволж. отд-ние Акад. воен. наук, Воен. акад. материально-технического обеспечения (ВА МТО), Вольский воен. ин-т материального обеспечения (филиал) ВА МТО (ВВИМО). – М.: Перо, 2016. – Ч. 2: Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 18-22.
8. Салмин, А.М. Неокорпоративизм в странах Запада [Текст] / А.М. Салмин // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – №3. – С. 257-298.

© Boyko S.I., 2018

NEOCORPORATISM AS A FACTOR OF STABILITY OF POLITICAL REGIME IN CONTEMPORARY RUSSIA

The objective grounds of contemporary neocorporatism for sustainable development and democratic trends of the Russian political regime are investigated. The electoral campaign and related political turbulence currently, almost all States are overcome with the use of elements neocorporatism tools of political practice. It is shown that in the conditions of global competition the project of liberal economic development of Russia can be considered completed without significant political success. The model of the political neocorporatism confirmed its socio-economic viability in a competitive confrontation with the unipolar world order. One of the options for political design can be the development of a project of a socio-democratic corporate political regime for Russia.

Keywords: neocorporatism, political regime, global democracy, political stability.

ВОЕННАЯ БЛОГОСФЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Военная блогосфера является сегодня средой активной коммуникации, в нее вовлечены как непрофессиональные, так профессиональные журналисты. Сетевая военная медиаплощадка является средством оперативной информации, что важно для формирования общественного мнения и социальной практики. Русскоязычная военная блогосфера наиболее качественно проявляет себя в среде традиционных СМИ, ее авторами являются известные военные эксперты и журналисты. Актуальным для науки является информационно-коммуникативные и речевые практики военных блогеров.

Ключевые слова: блогосфера, военный блогер, социальные сети, интернет-блог, коммуникативно-речевая практика.

Процесс конвергенции профессиональных медиа приводит с неизбежностью к возникновению новых практик, получивших общее название «гражданская интернет-журналистика». Развитие технологий спровоцировало появление жанра интернет-блога, оно же влияет на его развитие и эволюцию. С момента появления блогосферы в нач. 2000-х гг. в. он стал объектом пристального внимания коммуникативистов, социологов, культурологов, лингвистов, философов. Наиболее точное и распространенное в науке определение блога – это «часто обновляемые веб-страницы, в которых датированные записи располагаются в обратном хронологическом порядке». Военная блогосфера Рунета как относительно новая медийная среда представляет собой сложный системный объект со всеми присущими ему свойствами и характеристиками. С научной точки зрения военный блоггинг в науке является не изученной сферой, несмотря на то, что функционально он становится все больше похожим на СМИ, выполняя те же задачи, что и профессиональные журналисты. Его структурные характеристики как подгруппы блогжурналистов пока еще мало изучены, хотя статус блогеров как особого, непрофессионального комьюнити начинает признаваться.

Блогосфера представляет собой, в первую очередь, средство межличностной виртуальной коммуникации. Блоги являются новой интерактивной формой обмена оперативной информацией, которая позволяет создавать тек-

сты вместе с читателем. Военная блогосфера создает альтернативную, дополнительную повесть дня. Эволюция блогов от частного коммуникативного пространства к социально-значимому каналу оперативной информации, составленного профессиональными журналистами-блогерами, очевидна. В 2006 г. в России «каждый час в Рунете появлялось около сотни новых блогов» [2]. Появился термин *milblogger*, обозначающий военного блогера [3]. Подавляющее число русскоязычных блогов размещаются на ведущих блогхостингах, самые популярные из которых – Live Journal.com, Blogs.Mail.ru, Ya.ru и LiveInternet.ru, Facebook. Вместе с проблемой авторства сетевого текста в научных сообществах встает и вопрос о социальной роли. Кем журналист становится в интернете – блогером, пользователем, модератором, агитатором или организатором? Ответом на этот вопрос может послужить тезис: сегодня формируется новый тип профессиональной идентификации – «сетевизированный журналист», который, в свою очередь, является субъектом сетевой журналистики. Типология блогов, существующая сегодня в науке, в самых общих чертах передает различие между ними. «Невиданные прежде инструменты публичности и социальной мобилизации» [1], по мнению Е.Л. Вартаковой приводят к новой информационной среде, как средству выражения общественного мнения. Активное участие коммуникантов делают социальные сети популярным развивающимся жанром виртуального дискурса. «Пройдя эволюцию от дневниковых записей до так называемой «гражданской журналистики», блоги выросли в новую форму медиа, заставив говорить о себе как о самых свободных из всех средств информирования, какие знал мир» [3]. Еще 10 лет назад на международной научной конференции в Москве было сказано о необходимости активного сотрудничества медиа и блоггинга.

Военная блогосфера и блогеры привнесли массовую креативность, однако в ней до сих пор нет профессиональных стандартов и классификаций. Первой жанровой формой сетевого текста о войне стали дневники, сетевые журналы. Публичный характер и возможность комментирования делают их популярными и

востребованными для целевой аудитории. А такие объективные показатели, как размещение постов или комментариев свидетельствуют об уровне популярности, известности блогера. Мультимедийность вносит свои характеристики в классификацию блогов любого тематического направления. От простого текстового содержания до мультимедийного контента – таковы потенциальные возможности блогосферы. Российский военный блоггинг – достаточно пестрое, многомерное по составу, профессиональным навыкам группа авторов. Назвать его сегодня сообществом не представляется возможным, хотя в сети можно найти ссылку на «военное сообщество блогеров» (svbr.livejournal.com). Страница не обновляется и самые свежие записи относятся к 2017 г.

За последние годы в военную блогосферу стали вливаться и профессиональные журналисты, ведущие блоги с профессиональной целью. Участие военных журналистов в блогосфере дает возможность оперативно транслировать военно-политическую информацию и получать мгновенный отклик своей аудитории. Осуществляя субъект-объектную коммуникацию, журналист-блогер стремится соответствовать актуальной повестке дня и ожиданиям подписчиков. Одним из таких является блог Игоря Коротченко. В 2013 г. Игорь Коротченко – главный редактор журнала «Национальная оборона», директор Центра анализа мировой торговли оружием обратился со следующей инициативой: *«Коллеги, тут мне пришла в голову идея систематизировать имеющиеся в ЖЖ блоги на военную тематику, а потом их отрейтинговать. Кидайте ваши предложения, кого включаем в рейтинг. Потом выставим на общее голосование»*. В результате был собран список блогеров, включавший более 70 имен, среди которых обнаружился невысокий процент качественных военных журналов и дневников. Интересным и познавательным можно считать блог под номер один в списке рейтинга, посвященный автомату Калашникова и российскому вооружению. Однако с 2013 г. рейтинг не обновляется, а потому его актуальность сегодня ставится под сомнение.

Военно-политический дневник в ЖЖ Игоря Коротченко, является примером качественного, квалифицированного ведения блога. Военный эксперт и аналитик высокого уровня, выполняющий в правительственных ведомствах важные и ответственные должности (член Общественного совета при Министерстве обороны России), публичный человек, не сходящий с экранов, И. Коротченко оперативно насыщает свой блог актуальной информацией,

комментариями, проводит опросы. В ответ на ультимативное заявление премьер-министра Великобритании Т. Мэй, он проводит независимый опрос:

Как надо реагировать на ультиматум, который Великобритания выдвинула России? Согласиться с обвинениями – Игнорировать – Затрудняюсь ответить – Послать.

Последовала немедленная реакция со стороны подписчиков, более 20 эмоциональных комментариев и постов было оставлено в сети в первый же день. Использование блогосферы для мониторинга общественного мнения становится главной задачей военных журналистов. Персонификация личности автора проявляется в военном блоге на уровне использования языковых средств, разговорных стилистических конструкций. Такого рода рефлексией наполнена вся военная блогосфера. В то же время модель речевого жанра военного блога явно строится на таких коммуникативных аспектах, как образ автора и адресата, экстралингвистические факторы. Речевая культура блогера проявляется в языковых средствах и способах их организации. Так, собственная версия отравления экс-сотрудника ГРУ С. Скрипаля носит однозначный, категоричный характер в записях И. Коротченко:

Бориса Березовского, который решил вернуться в Россию и покаяться, ликвидировали изъясно: «самоубийство» в закрытой изнутри ванной. Скрипаль – нарочито грубо, с «русским следом», плюс дочь – для пущего пропагандистского эффекта в процессе информационной раскрутки.

Целевая установка автора блога отражает гражданскую позицию, вместе с тем нацелена на реализацию базовых журналистских функций. Можно привести и другие примеры участия военных специалистов, корреспондентов в создании собственных страниц в сети. Информационное агентство «Оружие России», например, имеет постоянную рубрику «Блоги». Ее постоянными авторами являются В. Литовкин (военный обозреватель РИА Новости), М. Лысцова (фотокорреспондент), А. Перенджиев (политолог), А. Черкашин (полковник в отставке кандидат военных наук), В. Мураховский (главный редактор журнала «Арсенал Отечества»). Сегодня военные блоги скорее воспринимаются как авторские колонки, колумнистика, прежде всего, для обсуждения общественно-политических и профессиональных вопросов.

Таким образом, главной характеристикой военного блога является его содержание. В рамках одной статьи невозможно осветить все

вопросы, связанные с характеристикой военного блоггинга. Военные блогеры, среди которых немало известных имен писателей, политиков, оперативно ведут свои сетевые журналы, давая оригинальный комментарий. Военная тематика блогов, может освещаться достаточно эмоционально, прямая оценка происходящих событий и открыто выраженная позиция автора проявляются в разнообразных коммуникативных формах. Социальные сети становятся сегодня открытой и доступной площадкой для реализации творческих планов, наиболее известные военные блогеры размещают здесь свои страницы. Во всем мире появление военных блогов сыграло значительную роль в становлении блогов как новых медиа и уникального пользовательского контента. Немало проблем требуют своего дальнейшего изучения феномена военной блогосферы и один из них профессионально-этические нормы поведения журналистов-блогеров.

Список использованных источников

1. Вартанова, Е.Л. Информационная грамотность в реалиях информационного общества [Электронный ресурс] / Е.Л. Вартанова; Блоги группы «gruppa_blogdekana» // mediaalma-nah.ru/files/59/2013_6_3_editorial.pdf
2. Интернет и интерактивные электронные медиа: Исследования. Сборник лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий под ред. И.И. Засурского [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 2007.
3. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов [Текст] / под общ. ред. А.Г. Качкаевой. С.А. Шомовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом высшей школы экономики, 2017. – 413 с.
4. Борщева Н.Н., Постникова О.А. Речевая агрессия и нарушение языковой нормы в полемическом тексте телевизионных ток-шоу [Текст] / Н.Н. Борщева, О.А. Постникова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. XI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2017. – Ч. 7. Актуальные проблемы психологии и педагогики (А–Д). – С. 76–79.
5. Борщева Н.Н., Постникова О.А. Современная военная журналистика: тенденции развития и профессиональные стандарты [Текст] / Н.Н. Борщева, О.А. Постникова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. X междунар. науч.-практ. конф. / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 23–25.
6. Герасимов Н.Н., Шакирова Е.Ю. Социально-сетецентрические войны современности: реальность информационной эпохи [Текст] / Н.Н. Герасимов, Е.Ю. Шакирова // Военная мысль. – 2017. – № 10. – С. 79–87.
7. Постников С.В. Философия войны в контексте развития современных культурно-исторических формаций [Текст] / С.В. Постников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск, посвященный III Межд. науч.-практ. конф. «Проблемы войны и мира в свете практической философии: неокантианство и современный мир», 22 апреля 2016 г., г. Саратов / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л.И. Тетюева. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – С. 74–77.
8. Постников С.В., Постникова О.А. Генезис идей патриотизма и верности долгу в русской культуре [Текст] / С.В. Постников, О.А. Постникова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. X междунар. науч.-практ. конф. / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. – С. 119–124.
9. Шакирова Е.Ю. Ценность творчества в эпоху Интернета [Текст] / Е.Ю. Шакирова // Философия времени: онтологические начала и ценностные курсы: сб. науч. трудов Всерос. конф., 2017. – С. 169–173.

© Borscheva N.H., Postnikova O.A., 2018

THE MILITARY BLOGOSPHERE AS AN ALTERNATIVE SOURCE OF OPERATIONAL DATA

Military blogosphere is today an environment of active communication. it involves both non-professional and professional journalists. Network military media platform is a means of operational information, which is important for the formation of public opinion and social practice. Russian military blogosphere manifests itself most efficiently in the environment of traditional media, it avtorami are known to military experts and journalists. Relevant to science is information and communication and speech practices of military bloggers.

Keywords: *blogosphere, military blogger, social networks, Internet blog, communicative speech practice.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РФ В СФЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Идея проведения социальной политики в сфере трудоустройства имеет давнюю историю. Данная идея проявляется в современной социальной политике России и в интеграции инвалидов общественную жизнь. Данная статья о выявлении существенных аспектов социальной политики в сфере трудоустройства инвалидов и обнаружении ключевых моментов совершенствования политики на примере Волгоградской области.

Ключевые слова: социальная политика, инвалид, трудовые отношения, законодательство, центр занятости.

Обращение к теме трудоустройства инвалидов в нашей стране и её социально-политическому аспекту обусловлены актуальностью проблемы социализации в обществе, в частности активного включения в политическую сферу людей с ограниченными возможностями, вниманием политических институтов и институтов гражданского общества к данной теме.

Исследование социальной политики и трудоустройства людей с ограниченными возможностями на основе политического анализа носит теоретический характер в плане раскрытия, обобщения и классификации существующей политики в отношении трудоустройства. Практико-прикладной характер исследования заключается в решении остроактуальной проблемы занятости, в выработке рекомендаций политическим акторам по улучшению и оптимизации в отношении трудоустройства [2, с.8].

В России исследованием проблем социальной политики в целом занимаются Е.Г. Олейникова, В.В. Артемов, М.К. Горшков, И.А. Григорьева, А.В. Кончуглов, В.Ф. Кузнецов, О.Е. Кутафин, В.Б. Крымов, В.А. Петросян, В.Н. Расторгуев, В.Д. Ройк, С.Н. Смирнов, Б.Н. Синицкая, Е.И. Холостова, В.Ц. Худавердян, Н.А. Малышева, А.М. Старостенко.

Интеграция инвалидов в экономическую и социально-политическую жизнь общества неразрывно связана с их последующим трудоустройством. Необходимо отметить вклад в развитие теоретико-практических представлений о трудоустройстве инвалидов, отраженных в работах Андреевой О.С. Береговой Д.А.,

Бондаренко Л.Ф., Боровика В.С., Ильина С.П., Кузнецова Д.Л. Осипова С.А, Осиповой О.А. и др. В работах Анисимова Л.Н., Ефремова А.В., Гусова К.Н., Миндель А.Я., Романова П.В., Степановой О.А., Тарасенко Е.А., Черновой Г.И., Ярской-Смирновой Е.Р. проведен кропотливый анализ нормативно-правовых аспектов трудоустройства и социального обеспечения инвалидов.

Современное российское общество, поставившее задачу построения социального государства, переживает этап развития, на котором проблема формирования научно обоснованной государственной социальной политики приобретает особую актуальность [4, с. 14]. Опыт государств всеобщего благосостояния чрезвычайно важен в нашей стране при выборе стратегических социальных приоритетов и осуществлении конкретных социальных программ [6, с. 364].

В международной общественности признание важности поддержки лиц с ограниченными возможностями задекларировано резолюцией №47/3 1992 г. Генеральной Ассамблеи ООН и провозглашен международным день инвалидов 3 декабря, ежегодно отмечающийся в России, призывающий к более решительным и масштабным действиям по реализации, в частности программ действий по отношению к инвалидам [7]. Также можно привести такие документы как Конвенция о правах инвалидов, принятой Организацией Объединенных Наций в 2006 г. и доклад 2011 г. ВОЗ «Всемирный доклад об инвалидности». В данных международных документах утверждается о большой численности инвалидов, около одного миллиарда человек (это около 15% населения мира на момент 2010 г.), которая имеет тенденцию к увеличению и, что особо важно в фокусе нашего исследования, предубеждения и отсутствия должного внимания к проблемам занятости [1, с. 8-10].

По данным Федеральной службы государственной статистики численность инвалидов медленно уменьшается с 13,209 млн человек в 2011 г. до 12,259 млн человек в 2017 г., что составляет ок. 10% от общей численности населения страны [5]. Они сталкиваются с физическими, социально-экономическими и поведенческими барьерами, исключаящими их из

равноправного участия в жизни общества. У них отсутствует равный доступ к таким необходимым ресурсам, как образование, трудовая занятость, здравоохранение и система социальной и правовой поддержки.

В 2008 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, принятую ООН, где прописывалось то, что людям с ограниченными возможностями будут предоставляться все услуги и ликвидируется дискриминация по инвалидности. Россия законодательно закрепила права людей с ограниченными возможностями, и инвалиды в нашей стране имеющие права практически во всех социальных и общественных сферах [3].

Современное российское законодательство не предусматривает каких-либо ограничений и особых преимуществ в процессе трудоустройства граждан с ограниченными возможностями, но существует закон о квотировании рабочих мест для инвалидов, который обязывает организации иметь работников с ограниченными возможностями от 2 до 4%. Трудовым законодательством предусмотрено облегченные условия труда и большие возможности к отдыху и восстановлению. Единственным возможным основанием для отказа в трудоустройстве инвалида может быть только недостаточный уровень профессиональных знаний.

В Волгоградской области проживает более 200 тыс. инвалидов и им оказывается материальная поддержка в виде льгот, пенсий, пособий. Но инвалиды нуждаются и в действенной психологической, физической и организационной помощи. Для этого надо совершенствовать систему социальной защиты людей с ограниченными возможностями, чтобы повышать качество их жизни.

В настоящее время в Волгоградской области трудоустройством незанятых инвалидов занимаются службы занятости населения. Трудоустройство осуществляется в рамках договоров, заключенных между Государственным казенным учреждением Волгоградской области «Центра занятости населения» и работодателем, предоставляющим рабочие места. Оплата труда граждан, трудоустроенных по направлению ГКУ Центра занятости населения, производится работодателем. Больше число рабочих мест приходится на сферы торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения.

Комитет по труду и занятости населения Волгоградской области уведомил, что в регионе проводятся мероприятия по содействию трудоустройству незанятых инвалидов, чтобы люди с ограниченными возможностями могли

реализовать свой потенциал. По данным комитета в настоящее время на специально оборудованных местах трудятся 3,4 тыс. человек с ограниченными возможностями здоровья. При этом в центрах занятости насчитывается 5,2 тыс. квотируемых рабочих мест для инвалидов от двух тысяч работодателей.

По сведениям Комитета по труду и занятости Волгоградской области в 2016 г. работу получили 755 инвалидов, а в 2017 г. удалось трудоустроить 2227 человек с ограниченными возможностями. Данных по количеству трудоустроенных инвалидов за истекший год пока нет. По данным официальных источников профильные ведомства следят за выполнением работодателями взятых на себя обязательств по приему на работу инвалидов. Так, в 2016 г. специалисты провели 28 инспекций, в 2017 г. они проверили 43 работодателя. В ходе проверки трудоустройства инвалидов были выявлены хищения бюджетных средств по подложным документам и мошенничества при оформлении инвалидов на работу в Волгоградской области.

Решение значимых проблем инвалидов входит в обязанности органов социальной защиты населения. От эффективной деятельности учреждений социальной защиты, органов власти и общественных организаций зависит, насколько успешно инвалид сможет полноценно функционировать в обществе.

Список использованных источников

1. Всемирный доклад об инвалидности [Электронный ресурс] // Сайт ВОЗ. 2011. – URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70670/7/WHO_NMH_VIP_11.04_rus.pdf?ua=1 (дата обращения 15.12.2017 г.).
2. Ирхин, Ю.В. Политический анализ: сущность, методология, структура, ценности и этика [Текст] / Ю.В. Ирхин // ARS ADMINISTRANDI. – 2012. – №1. – С. 5-20.
3. Конвенция о правах инвалидов, принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convention/disability. (дата обращения 17.12.2017 г.).
4. Олейникова, Е.Г. Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики [Текст] / Е.Г. Олейников // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – №3. – С. 11-14.
5. Положение инвалидов [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/population/disabilities/#.
6. Прибытков, Ю.Б. Современная социальная политика стран всеобщего благосостояния (на примере Германии, Швеции и Великобритании) [Текст] / Ю.Б. Прибытков // Проблемы современно-

го социума глазами молодых исследователей – IX: мат. IX Междунар. науч.-практ. конф., апрель 2017 г., Волгоград / Волгоградский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»; Под общ. ред. А.Н. Букова. – Волгоград: Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 362-364.

7. Резолюция 47-й сессии (1992–1993 годы) A/RES/47/3 от 14 октября 1992 года «Международный день инвалидов» [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/028/12/IMG/NR002812.pdf?OpenElement>. (дата обращения 12.12.2017 г.).

© Vereshhak A.A., Pribytkov Ju.B., 2017

**SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE SPHERE
OF EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE
(ON THE EXAMPLE
OF VOLGOGRAD REGION)**

The idea of social policy in the sphere of employment has a long history. This idea manifests itself in the modern social policy of Russia and integration of disabled people in public life. This article about identifying the essential aspects of social policy in the sphere of employment of people with disabilities and identify key points for improving policies on the example of the Volgograd region.

Keywords: social policy, disabled, labor relations, legislation, employment center.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ» В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Проблема понимания новых аспектов процесса познавательной деятельности является одним из важнейших вопросов современной философии и методологии науки и определения новых методик педагогической деятельности. Данная статья предлагает рассмотреть исторические аспекты появления современных эпистемологических представлений.

Ключевые слова: эпистемология, гносеология, представление, философия М. Фуко, познание, парадигма научного знания.

Идеи современной философии формируются на фоне очень интересных и значимых для развития научного познания процессов. Это, во-первых, изменение методологических приемов познавательной деятельности, связанных с идеями феноменологической и герменевтической философии, и, во-вторых, так называемая лингвистическая революция, связанная с идеями структурализма, философии языка и появление дискурсивных концепций бытия.

Сегодня происходит процесс переосмысления многих философских проблем и понятий в контексте сравнения подходов к рассматриваемым вопросам в рамках классической и неклассической философии. Это проявляется даже в том, что появляются новые термины, отражающие возникновение новых смысловых нюансов.

Например, в философии сегодня наряду с традиционным для нее учением гносеология, возникает учение эпистемология, определяемая как философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Смысловые отличия между ними видят в том, что гносеология разворачивает свои представления в рамках субъект-объектной парадигмы науки, а эпистемология рассуждает в рамках оппозиции «объект – знание» и исходит из объективных структур самого знания. При этом до XX в. эпистемология не имела собственных институциональных форм и ее проблематика разворачивалась в рамках традиционной логики (прежде всего в английской аналитической традиции) и в рамках гносеологии. Но в XX в. начинается про-

цесс оформления новых философско-методологических направлений и подходов, формируются новые аналитические, операциональные, нормативные, структурно-функциональные приемы и методы исследования знания.

В частности, само понятие эпистема получает очень интересную трактовку в философской системе одного из ярчайших представителей философии постструктурализма М. Фуко. Его учение можно определить как философию дискурсивных практик. Одно из самых важных мест в его философских рассуждениях занимает проблема соотношения понятий «слово» и «вещь», которая может быть соотносена с понятием «представление», что и происходит в его работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук». М. Фуко исследует те исторически изменяющиеся структуры («исторические априоры»), которые определяют условия возможности мнений, теорий или науки, в каждый исторический период. Эти условия он называет «эпистемами».

Основной упорядочивающий принцип внутри каждой эпистемы – это соотношение понятий «слово» и «вещь». М. Фуко выделяет три эпистемы европейской культуры нового времени:

- ренессансная (XVI в.);
- классическая (рационализм XVII–XVIII вв.);
- современная (нач. XIX – XX в.).

В первой эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы, что определяется у Фуко как слово-символ. Во второй слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно – через мышление, в пространстве представления (в философском смысле) – это слово-образ. В третьей эпистеме, по мнению Фуко, слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшими за рамки пространства представления – слово-знак в системе знаков. При этом Фуко отмечает, что в новейшей литературе язык все более замыкается на самом себе, обнаруживает свое самостоятельное бытие.

Итак, слово-символ, слово-образ, слово-знак, слово, замкнутое на себя – таковы основные понятия, выделяемые в данных эпистемах,

которые в познавательном пространстве определяют взаимосвязь элементов, соотносимых с языком.

В философии Фуко определяется, что рамки современной эпистемы, открывающей человека в пространстве познания, простираются от Канта, возвестившего о начале антропологической эпохи, до Ницше, возвестившего о ее конце, в грядущем пробуждении современности «от антропологического сна». По его мнению, между человеком и языком в культуре устанавливается как бы отношения взаимодополнительности. Однородность и единообразие языка классической эпистемы, исключали возможность человека. Человек, по мнению Фуко, появляется в современной эпистеме одновременно с распадом связи между бытием и представлением, с раздроблением языка, который когда-то осуществлял эту связь, на множество ролей и функций.

Фуко отмечает, что на пороге классической эпохи понятие «знак» больше не связан с тем, что он обозначает посредством прочных и тайных связей сходства.

Классицизм, по Фуко, определяет знак согласно трем переменным.

1. Происхождение связи: знак может быть естественным (как отражение) и условным (обозначающим идею для группы людей).

2. Тип связи: знак может принадлежать к совокупности, на которую он указывает (здоровый вид указывает на здоровье), либо может быть от нее отделен.

3. Надежность связи: знак может быть настолько постоянен, что его верность не вызывает никакого сомнения (дыхание указывает на жизнь), но он может быть и просто вероятным (бледность).

Ни одна из этих форм связи не подразумевает с необходимостью подобия. Эти переменные, по Фуко, заменяют сходство для того, чтобы определить действенность знака в сфере эмпирического познания. Во-первых, знак, так как он всегда является или достоверным, или вероятностным, должен найти свое пространство внутри познания. В XVI в. знаки не нуждались в том, чтобы быть познанными, для того чтобы существовать. Не познание, а сам язык вещей утверждал знаки в их означающей функции. С XVII в. вся область знака распределяется между достоверным и вероятным, т.е. здесь нет места неизвестным знакам. Знак существует, постольку познана возможность отношения замещения между двумя уже познанными элементами. Знак начинает конструироваться только посредством акта познания, а

знание теперь замещено сетью знаков, постепенно созданной познанием вероятного.

Во-вторых, в XV в. роль знака состояла в соединении и связывании вещей, а в классицизме, по Фуко, знак характеризуется своей существенной дисперсией.

Чтобы знак был знаком, надо, чтобы он был дан сознанию вместе с тем, что он означает. Чтобы элемент восприятия стал знаком, необходимо чтобы он был выделен в качестве элемента и освобождает от общего впечатления, с которым он неявно связан. Таким образом, полагание знака оказывается неотделимым от анализа. Знак – это и инструмент анализа, и его результат.

Фуко подчеркивает, что в классическом мышлении знак не уничтожает пространство и время, а позволяет их разворачивать и постепенно обозревать. Западный ум вступает в эпоху суждения.

Третья переменная может принимать два значения:

- по природе;
- по соглашению.

Естественный знак – элемент, выделенный из вещей и конституированный в качестве знака познанием, т.е. он предписан, негибок, неудобен и ум не может подчинить его себе [1, с. 96]. Знак по соглашению выбирается, поэтому он прост, легок для запоминания, применим к огромному числу элементов.

Таким образом, Фуко определяет, что знак заключает в себе две идеи – идею вещи, которая представляет, и идею представленной вещи, причем природа знака состоит в возбуждении первой идеи второй. Фуко утверждает, что начиная с классической эпохи, знак является представимостью представления, насколько оно представимо. Таким образом, если прежде знаки были средством познания, то в классической эпистеме они становятся соразмерны представлению, (т.е. мышлению в целом). По Фуко знаки и размещаются в мышлении и представлении: «как только одно представление связывается и другим и представляет эту связь в себе самом, имеется знак».

Всеохватывающее проникновение знака в поле представления исключает, по мнению Фуко, саму возможность теории значения, т.к. если явления даны только в представлении (которое есть знак), то значение (которое является определенной фигурой в сознании) не может составлять проблемы и не появиться.

Итак, классическое мышление представления состоит в следующем: явления всегда даны только в представлении, которое в себе самом и в своей собственной представимости

полностью есть знак. Все представления связаны между собой как знаки и образуют не-обозримую сеть – каждое представление в своей прозрачности выдает себя за знак того, что оно представляет [1, с. 100].

С всеобщей теорией представления XVII в., по мнению Фуко, связан и тот факт, что если знак является простой чистой связью означающего и означаемого, то их отношение может быть условлено лишь во всеобщем элементе представления, так как означающее и означаемое связаны только в той мере, в какой они представлены. Таким образом оказывается, что классическая теория знака в качестве своего философского обоснования использует «идеологию». Под идеологией Фуко понимает всеобщий анализ любых форм представления, начиная с элементарного ощущения и заканчивая сложной идеей.

В результате, Фуко обозначает, что знаки пребывают внутри представления, которое может быть познано посредством сходства (сравнение с другими представлениями, их анализ, комбинирование и т.д.) Это сходство может обнаружиться лишь благодаря воображению, за счет скрытой в представлении возможности возобновления прошлого впечатления.

Фуко, в соответствии с этими размышлениями, выдвигает «двойное требование» к представлению: «необходимо, чтобы в представленных вещах слышался настойчивый шепот сходства; необходимо, чтобы представление всегда могло стать прибежищем воображения». [1, с. 103]. В соответствии с этим Фуко выделяет и два направления анализа классического мышления XVIII в.:

1. анализ, учитывающий превращение серии представлений «в неактуальную, но синхронную таблицу сравнений (анализ впечатлений, воображения, воспоминания, памяти и т.п.);
2. анализ, учитывающий сходство вещей, до их упорядочивания.

Эти моменты, по мнению Фуко, обретают свое единство в идее генезиса.

Фуко определяет, что представление, всегда связанное с близкими между собой содержаниями, повторяется, вызывается снова, естественным образом замыкается в себе и порождает воображение [1, с. 105]. При этом он отмечает, что человеческая природа немного выходит за рамки представления. Это позволяет ей представить себя, т.к. она находится вне представления для того чтобы вновь предстать в пустом пространстве, отделяющем присутствие представления и это «пред» от его повторения, кроме того помехи представлению создает и природа.

Поскольку «представление определяет способ бытия языка, особей, природы и самой потребности», отмечает Фуко, то анализ представления имеет определяющее значение для всех эмпирических областей. Язык – это представление слов, природа – представление существ, потребность – представление потребности [1, с. 236].

Конец классической эпистемы мышления, по Фуко, совпадает с устранением представления или освобождением от представления языка, природы и т.д. В современной практике возникает нечто вроде воли и силы, конструирующей ее. Философия XIX в. разместила в пространстве «между событиями и Первоначалом, между забвением и Возвратом» [1, с. 245], она уже не может основываться на самоудвоении представлений.

Итак, в XIX в., отмечает Фуко, «ценность объектов желания определяется уже не только другими объектами, которые желание может себе представить, но областью, не сводимой к этому представлению, трудом. Отныне живое существо можно охарактеризовать уже не посредством элементов, которые доступны анализу на основе представлений о нем и о других существах, но посредством некоей внутренней соотнесенности этого существа, называемого органической структурой. Определить язык позволяет не тот способ, посредством которого он представляет представления, но какая-то внутренняя его архитектоника, какой-то способ изменения самих слов вследствие их взаимозависимости грамматического положения, т.е. система его флексий» [1, с. 263].

Фуко определяет, что, чтобы установить связь между представлением смысла и представлением слова, в современной эпистеме приходится прибегать к чисто грамматическим законам языка, который независимо от своей способности представить представление подчинен строгой системе фонетических изменений и синтетических зависимостей. В классический век, отмечает Фуко, все языки имеют грамматику, т.к. обладали способностью к представлению, в современной эпистеме они строят представления на основе грамматики, выступающей для них «как бы изнанкой истории», тем внутренним вместилищем, для которого собственно репрезентативные значения являются лишь внешней, видимой оболочкой. [1, с.263].

Таким образом, представление потеряло способность обосновывать, исходя из самого себя, «в своем собственном развертывании и игре самоудвоения», те связи, которые могли бы соединить его различные элементы воеди-

но. Условие всех связей, представления и их элементов помещается теперь вне представления, по ту сторону непосредственной видимости», в мире, который глубже и шире представления. Вещи (и знания о них) это уже не чистое постоянство распределения собственных представлений в одних и тех же формах – они замыкаются на самих себе, приобретают свою собственную объемность, находят для себя внутреннее пространство, которое для нашего представления будет внешним, считает Фуко. Поэтому, «все вещи даются, хотя и не полностью, представлению» [1, с.265]. В эпистеме XIX в. это единство вещи и представления разрывается.

Современная эпистема, называемая Фуко Идеология, изначально не задает вопроса об обосновании, границах и корнях представления, но охватывает всю область представлений, фиксируя необходимо проявляющиеся в ней последовательности, определяя образующиеся в ней связи. Она помещает все знание в пространство представлений и, охватывая все это пространство, формулирует знание организующих его знаков (знание о всяком знании) постепенно выходя за пределы поля представления. Уже у Канта, который обходит представление, оно уже не способно разворачиваться в своей собственной основе, по своим законам функционирования. Лишь суждения опыта или эмпирической констатации могут основываться на содержаниях представления. Всякая другая связь должна быть обоснована по ту сторону опыта.

Итак, идеология осуществляет уход знания и мысли за пределы пространства представления и осуществляет построение новых эмпирических (трансцендентных) полей. В результате, по мнению Фуко, возникают две новых формы мысли.

Первая задает вопрос об условиях отношения между представлениями с точки зрения того, что делает их вообще возможными – этим открывается трансцендентное поле, где субъект, который не деется в опыте, но обладает конечным бытием, определяет в своем отношении к «X-объекту» формальные условия всякого опыта. Этот анализ трансцендентного субъекта выявляет обоснование возможного синтеза между представлениями.

Симметрично с этим существует другая форма мысли, которая задает вопрос об условиях отношения между представлениями с точки зрения самого бытия, которое в них оказалось представленным. На горизонте всех действительных представлений появляются, в качестве основы их единства, те объекты, не-

доступные объективации, те представления, никогда не могущие быть представленными до конца. Это могущество труда, сила жизни, способность к речи.

На основе этих форм мысли, которые блуждают на самых дальних границах нашего опыта, в наши представления входит стоимость вещи, историческая близость языков и т.п. и возлагают на нас долг познания. Новая позитивность наук о жизни, языке, экономике, по мнению Фуко, находит соответствие в трансцендентальной философии.

Таким образом, проблема конструирования представлений интересовала многих представителей современной постклассической философии. Уже в системе Шопенгауэра представление не только превращено в бытие, с одной стороны, но и лишается способности определять способ бытия, общий для вещей и знаний, с другой. Бытие того, что представлено, вынесено «за скобки», за рамки представления. Эта линия находит продолжение в философии Brentano и Husserl и с очевидностью проявляется у Heidegger, вообще отказавшегося от понятия «представление».

То же отмечает и Фуко у современной эпистемы, которая изначально не задает вопроса об обосновании, границах и корнях представления, но охватывает всю область представлений, фиксируя необходимо проявляющиеся в ней последовательности, определяя образующиеся в ней связи. Она помещает все знание в пространства представлений, и, охватывая все это пространство, формулирует знание организующих его законов (знание о всяком знании), постепенно выходя за пределы поля представления.

В результате, на наш взгляд, обнаруживается две проблемы, без решения которых невозможны рассматривать проблему представления. Во-первых, представление выражает целостность поля всякого опыта, без которой невозможна никакая, в том числе и познавательная деятельность. Во-вторых, представление выражает некое отношение, которое вообще делает возможным любые представления.

При этом, на каждом новом этапе познания необходима ломка старой познавательной логики (что и происходит в современной философии науки и методологии), отказ от привычных правил рассудка, и эта акция выступает для самого рассудка как иррациональная. Т.е. в понятии рациональности обнаруживается внутреннее противоречие: рациональное оказывается одновременно и рассудочным и разумным, причем это противоречие рассудка и

разума «затемнено» и выявляется только тогда, когда творческий акт, выступающий как акт иррациональный, ломает прежнюю освещенную разумом логику.

Мы считаем, что в акте представления каждый раз имеет место преобразование, т.к. он содержит определение состояния представления будущим, заставляемого человеком как прошлое и свершившееся.

Эта преобразованность предполагает, что если человек знает знание А, то он знает предмет А, и наоборот. Т.е. сам факт «представления» связан с каким-то знанием. В философии это определяется как онтологическое предзнание, суть которого состоит в том, что если нет представления объекта, то нельзя получить и знание о нем; более того, его нельзя и воспринять (если нельзя представить). Мы можем, конечно, смотреть на объект, но при этом мы многого не увидим, пока не будет дана структура понимания (предзнания) – представление. Только в этом случае мы получаем сверхчувственное в вещи.

Итак, представление тесно связано со структурой предзнания и актом преобразования человеком себя, т.е. происходит изменение сознания человека по сравнению с состоянием, предшествующим моменту «восприимчивости» (представления).

Таким образом современному философскому знанию необходимо говорить уже не просто о целостности мира, из которого человек себя выделяет, но о целостности мира, в который человек возвращается уже другим, и это возвращение тоже должно состояться как представление и не нарушить целостность бытия. Получается, что понятие «рассудок» и «разум» фиксировали моменты бытия субъекта, как бы оторванного, вырванного из мира, но имеющего шанс в этот мир вернуться. Но

если мы говорим, что мир, в котором мы живем, целостен и содержит наши представления и даже акты сознания, то надо выделять другие понятия и выявлять другие уровни иерархии.

Итак, соотношение рассудочного и разумного мы можем представить как принадлежащие двум различным по степени конкретности уровням познавательного процесса, а значит, картина нашего мышления, написанная в понятиях рассудок/разум, требует все новых уточнений.

Список использованных источников

1. Вострякова, Ю.В. Соотношение понятий «знак» и «представление» в теории эпистем М. Фуко [Текст] / Ю.В. Вострякова // Наука и образование транспорту. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Самара: СамГУПС, 2014. – С. 384-387

2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994.

© *Vostryakova Yu.V.*, 2018

EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF «REPRESENTATION» IN THE PHILOSOPHY OF M. FOUCAULT

The problem of understanding the new aspects of the process of cognitive activity is one of the most important issues of modern philosophy and methodology of science and the definition of new methods of pedagogical activity. This article proposes to consider the historical aspects of the emergence of contemporary epistemological views.

Keywords: *epistemology, gnoseology, representation, philosophy of M. Foucault, cognition, paradigm of scientific knowledge.*

МОДА КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР ВРЕМЕНИ

Феномен моды рассматривается в контексте социокультурной реальности и тех тенденций к унификации и глобализации, которые имеют амбивалентный характер. Показано, что мода как культурно-антропологический маркер времени – это новое пространство полисемантического анализа тенденций культурного строительства в повседневности. Амбивалентность моды представлена как продуцирующий виток модных инноваций социума в формировании и потреблении ценностей культуры.

Ключевые слова: мода, культурно-антропологический маркер времени, флэш-имидж, субкультура, метанарратив, полисистемность, креативность, молодёжь, культуротворчество.

Феномен моды предстаёт как пространственно-временной маркер культуры, имеющий свою цикличность, ритм, свои нормы, модификации коммуникационных стратегий, а также императивы инноваций творчества, которые каждые культурно-исторический период представляет по-своему. Мода, с одной стороны, является частью процесса гомогенизации, утилизации, унификации, а с другой, она становится механизмом сопротивления. В этом и заключается сложный императивный и вместе с тем антитетический характер моды, которая легко адаптирует идеологические, политические, эстетические, этические нормы, флэш-имиджи и императивы общества, но в то же самое время постоянно провоцирует их и подвергает критике.

Метанарративы моды всегда являются приоритетными. Ведущие нарративы моды остаются константными, то есть теми инвариантами аутентичности духовной реальности, которая конституируется стихией моды и её эстетическими механизмами. Всё это пространство обладает общим горизонтом измерения культурной антропологии и в каждой культуре представляет тот или иной образ телесности, флэш-имидж, образ человека как продуцента и реципиента ценностей культуры, что в контексте культурных инноваций презентуется как особый завершённый и самодостаточный мир. Мода как культурно-антропологический маркер времени и эстетический артефакт ассоциируется с политическими реалиями и молодежными субкультурами: с субкультурами хиппи, панков, рокеров и всеми составляющими субкультуры, существ-

вующей в пространстве социума. Феномен моды структурируется как социально-культурный феномен, связанный с ранжированием инноваций, то есть с реальностью культуротворчества, которая имеет свои модули, форматы и субструктуры.

К феномену моды в философско-антропологическом и философско-культурном ключе обращались И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Е. Шефтсбери, К. Кантор, В. Краснова, В. Толстых и др. Феномен моды имеет свою онтологию, пространство и время бытийности (хронотоп), которые являются инвариантами для всех модных инноваций. Мода всегда подпитывается креативностью в измерениях пространственных и временных реалий. Мода является не только провоцирующим, продуцирующим, инновационным фактором, но и фактором омоложения общества. Она даёт ему радость игры в социокультурном пространстве, возможность восхищаться молодостью и/или изяществом людей, которые преодолевают все социальные, идеологические, политические барьеры и имеют аутентичные самодостаточные культурно-эстетические чувства.

Феномен молодёжной моды является важным именно для её осмысления в корреляции с политическими, идеологическими и другими детерминантами культуротворчества. Феномен моды определяется как реальность, которая постоянно трансформируется, передаётся, наследуется и характеризуется традиционными и нетрадиционными методами её трансформации. В каждой культурно-исторической ситуации мода становится как антитетическим, то есть контрпозиционным фактором культурных, идеологических, эстетических ценностей, так и наоборот – протагонистом всех этих ценностей. Амбивалентность, более того, поливалентность, полисистемность моды даёт возможность ей играть на всех сценах культурно-антропологического бытия, позволяя говорить о её тотальности и полисистемности. Тотальный метанарратив моды остается самодостаточным культурно-антропологическим маркером времени, но иногда он приводит к уничтожению тотальности вербальных, визуальных, телесных императивов, которые, по Р. Барту, определяются вестиментарным кодом.

Важно понять моду в контексте феномена массовой культуры, которая становится при-

оритетным измерением культуротворчества той или иной исторической эпохи. Это измерение коррелирует с феноменом публичности. Публичность, массовость, массовая культура и одновременно модная реальность, где царит субстанция модности, феномен молодости – это культурно-антропологические константы, требующие системного исследования на грани трансформации социальных систем.

Необходимо определить антропологические и антропные измерения исследований моды. Если антропологический более ориентирован на культурно-исторические измерения, на культурно-историческую детерминацию модных инноваций, на исторический образ человека в моде, то антропные измерения больше ориентированы на определение телесных констант, флэш-имидж, то есть образов моды как телесно детерминированного феномена. Мода предстаёт как матрица культурных измерений, ориентированная на антропологию как космо-антропное измерение человека, дискурсы многогранного образа человека и культурно-исторические константы антропологии, где определяются такие реалии, как детство, культура и мышление, а также диалог культур как по вертикали, так по горизонтали [5]. При этом под диалогом культур по вертикали понимается диалог этнической культуры (этнокультурной матрицы) с профессиональной, а под диалогом по горизонтали понимается межкультурный диалог.

Человек как творец, как тот, кто создаёт произведение искусства, имеет моральные, этические, эстетические оценки, которые солидаризируются с пониманием человеческого мира в контексте всех других возможностей его существования, в частности моды, дизайна рекламы и др.

Пространство визуализации культуры формируется в пределах антропного, антропологических исследований и культуромерных реалий тотальности социума современности, которые связывают с теми тенденциями, которые сейчас определяются как визуальный поворот и глобализация. Если глобализация – это своеобразный фактор определения неоднозначных проблем колонизации и функционального поглощения одной культуры другой, такой визуальный поворот означает достаточно сложную реальность семиотической или семиологической парадигмы. Понятие «визуальный поворот» формируется путём определения визуальных констант (паттернов, гештальтов), пытающихся унифицировать и трансформировать информацию в контексте различных артефактов культуры как оптиче-

скую целостность. Модели культуры дают основания для осмысления феномена моды и модных инноваций как факта или артефакта в социокультурном пространстве. В онтологическом понимании культуры как пространства человекомерной реальности человеку даётся возможность субстантивного понимания духовности. Человеческий дух, дух эпохи в целом, его измерение в музыке, живописи, архитектуре – это матрицы, в которых формируется весь контекст дисциплинарных практик культуротворчества (М. Фуко), но сам принцип дисциплинарных практик заключается в том, что любая матрица как культуротворческая смыслобытийная реальность имеет антропное определение.

По Р. Барту, дискурс моды имеет свои признаки: графематические, сингулярно определённые единичные акты вестиментарного кода [1]. Вестиментарный код (код одежды) существует в контурах той или иной реальности: предметной, визуальной, вербальной. Впрочем, морфологические признаки презентации информации, её синтагматические определения как пространственные артефакты является нормой правил самой артикуляции модности, дают возможность более узко описать пространство «феерии кода» моды [2]. Мы видим этот код достаточно устойчивым, простым и принятым, но за ним стоит семиология Фердинанда де Соссюра, которую во французском варианте можно отметить как дефицит верификации (кризис референций). Референция теряется, заменяется феноменами, производными от сознания симулякрами (по Ж. Бодрийяру), а кризис референции приводит к тому, что сам феномен культуротворчества оказывается под угрозой. Чтобы избежать этой угрозы, возникает много толчков, выходов, один из них является ориентацией на тело; это так называемые телесные практики, в частности телесные практики моды, модные трансгрессии или телесные трансгрессии, так или иначе связанные с половыми трансформациями. С другой стороны, это толчок этико-эстетической детерминации модных инноваций, которые пытаются отметить, что потеря референции, то есть потеря реальности референта как такового, не сказывается на том, что теряются нравственные и эстетические регуляторы.

При определении этики как дифференциальной онтологии, а эстетики как чувственного опыта субъекта культуры, аккумулирующего в себе весь опыт культуротворчества человечества, становится ощутимым антропологический феномен, который является следствием отрицания субстантивной парадигмы, то есть человек находится в ситуации выбора – то ли он делает выбор культурологический, феноме-

нологический, то ли – субстантивный. Культура рассматривается либо как постфеномен человеческой деятельности, когда культура определяется именно как активность, либо как «самоданность» мира. Культура состоит не только из актов творчества, но ещё и из «промежутков» между этими актами. Это не только культура дискурса, артикуляции, но и культура паузы, умолчания и созерцательной реальности. Последнее для моды является чрезвычайно актуальным, потому что это и есть те матрицы и те модели, которые помогают определить феномен моды как культурно-антропологический маркер времени.

Феномен моды в социокультурном пространстве так или иначе вписывается в контекст поисков моделей культуротворчества. Это этические, эстетические, антропные, эссенциалистские, экзистенциальные и др. модели. В. Подорога в исследовании «Феноменология тела» пытается эксплицировать опыт телесного в достаточно разных условиях в культуре повседневности, в кинематографе, в театре, в искусстве и др. [4]. Всё это даёт возможность почувствовать, что тело человека – феномен социальный. Оно является идеально сконструированным объектом, который не только вводит человека в мир, но и даёт возможность не потеряться в мире, а иногда и спрятаться в своём теле, что очень важно для понимания феномена моды. Человек пытается спрятаться в своём теле, сделать его самодостаточным феноменом, более того, эксплицировать как самодостаточное «Я», которое не нуждается ни в чём более. Это одна из глубинных прерогатив моды, где не замечаются и растворяются инновационные тенденции. Между тем, одним из ведущих императивов моды является этический толчок, отодвигающий или заслоняющий сакральное. Такое онтологическое понимание этики эксплицировал М. Хайдеггер [4]. Этика – это ландшафт, этика – это и соотношение людей, закреплённых в определённой системе координат. Пространство этики наполнено человеческими желаниями, человеческими образами. Эти образы продуцируются и дают возможность говорить об определённых инвариантах, матрицах, кодах нормативно-образного определения бытия человека.

Субъект модной инновации, выступающий общим арбитром, поднимает планку все выше и выше, чтобы на каком-то этапе закрыть тренд, заявить, что мода исчерпана, достигла своего апогея, все её наработки более ничего не стоят. Этот контекст очень важен; он говорит о жизненном цикле моды, о том, что мода живёт в мире человеческого «Я». Каждая

культура проходит стадию ранней простоты, ещё не развернутой иконографии, затем эта иконография развивается и достигает расцвета, впоследствии культура девальвируется, деградирует в контексте вторичного упрощения. Отказ от избыточности и возврат к первоначальной стадии абстрактного и бедного иконизма символизирует жизненный цикл культуры.

Ж. Бодрийяр рассматривает моду как феерию культурно-антропологического кода, предельную стратегию посредника игры. «Мода занимает наиболее привилегированное положение благодаря тому, что мир в ней полностью осуществляется. В признаках моды нет более никакой внутренней детерминированности, и поэтому она имеет свободу безграничных подстановок и перестановок. В конце концов, благодаря чрезвычайной эмансипации она, по-своему логично подчиняется правилу безусловной неустанной повторяемости. Таким образом, появляются тенденции в моде, регулирующие одежду, тело в бытовых вещах как всю сферу легких знаков, превращающихся в сферу тяжелых знаков политики, морали, экономики, науки, культуры, сексуальности. Поэтому принцип подстановки никогда не действует настолько свободно» [2, с. 169].

Темпоральность модных тенденций можно охарактеризовать как процесс, как некое временное и пространственное единство, дающее возможность самоопределения модных инноваций в контексте того или иного темпа и ритма развития. Феерия кода моды современности замещает моду как темпоральность, культурно-историческую реальность и становится вождельной, симулятивной, коммуникативно обозначенной. Мода тяготеет к локализации помоста, где осуществляется презентация, тяготеет к моделированию времени и пространства, несёт в себе константы времени-вечности и времени-стрелы, которые фактически моделируют циклическое время первых цивилизаций, время античное и время дохристианское.

Если говорить о темпоральности моды, как моделировании культурных тенденций времени, то разные времена в моде монтируются в определённую целостность, что позволяет вычленивать в последней некоторые структуры. Это время колебательное, время-вечность, время-стрела. Человек готов видеть всю темпоральность моды только как цикличность, как превращение в другое – катастрофическое пребывание бытия-становления, превращение его в небытие через самодостаточную предметность модных инноваций.

В моде реализуются культурные артефакты, сам модус моды определённым образом

является инвариантом этого факта. Однако мода проблематизирует все нормы, ставит их под сомнение. Мода существует на пределе нормы, и если бы не было этой предельности, её не было бы вообще. Говоря о телесных константах моды, нужно рассматривать тело человека как архитектуру или структуру антропоморфного пространства.

Мода проявляется в полисистемном контексте как паллиатив, что даёт возможность увидеть и почувствовать сущность импликаций модности, как реалий современности и постсовременности. Мода сопровождает наследование недостатков и достижений, наследование как отрицательных, так и положительных качеств, механизмы моды интерактивно и драматично обыгрывают жизнь человека в различных контекстах. Мода предстаёт как модус, как возможность изменения того или иного образца в стихии культурно-антропологического пространства, как маркеры человеческого бытия.

Единственной альтернативой моде может быть массовая культура. Как и мода, она так же притягательна и динамична, так же ориентирована на толпу, на большие наррации, на нерелективное сознание и на культуру потребления в современной культуре повседневности. Быстрый темп развития коммуникативных технологий, появление информационных, виртуальных реалий – всё это приводит к тому, что массовая культура трансформирует массовость и приводит её к определённой демассовизации, которая происходит в экранном пространстве.

Таким образом, мода выступает культурно-антропологическим маркером времени, а одежда как одно из выражений моды – это та ближайшая реальность, которая вводит в человека в социум и представляет его, выступая

одновременно и философией, и идеологией, и искусством вхождения человека в социокультурное пространство.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры [Текст] / Ролан Барт; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000.
3. Подорога, В. Феноменология тела [Текст] / В. Подорога. – М.: Ad marginem, 1995.
4. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. – М.: Рес-публика, 1993.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Гештальт и действительность [Текст] / Освальд Шпенглер; пер. с нем. К. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993.

© **Gazniuk L.M., 2018**

FASHION AS A CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL TIME MARKER

The phenomenon of fashion is considered in the context of the sociocultural reality and those tendencies towards unification and globalization, which have an ambivalent character. It is shown that fashion as a cultural-anthropological marker of time is a new space for polysemantic analysis of trends in the culture development in everyday life. Ambivalence of fashion is presented as a producing spiral of fashionable innovations of society in the formation and consumption of the cultural values.

Keywords: *fashion, cultural-anthropological marker of time, flash-image, subculture, metanarrative, polysystem, creativity, youth, culture-making.*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ Г.О. ТОЛЬЯТТИ)

В статье приведены результаты социологического исследования на тему «мнение молодых супругов о социальном самочувствии их семьи». Анализ современной ситуации показывает необходимость государственной поддержки молодой семьи. Выявлено, что для нормального функционирования молодой семьи, необходимо комплексное решение проблем, на что и должна быть нацелена государственная политика в отношении молодых супругов.

Ключевые слова: молодая семья, социальное самочувствие, супруги, социологическое исследование.

Молодая семья – это будущее общества, представляющее собой значимый фактор демографических и социально-экономических изменений [1]. Ей принадлежит огромная роль в преобразовании общества. Именно в молодой семье можно увидеть все проблемы общества, предсказать развитие семьи в целом.

Заинтересованность государства состоит в образовании крепкой и здоровой семьи. Молодая семья в свою очередь на современном этапе переносит серьёзную проверку на прочность и жизнестойкость, на умение осуществлять такую свою функцию, как духовное и физическое воспроизводство населения [2].

Молодая семья характеризуется следующими законодательно установленными признаками: возраст супругов колеблется от 18 до 30 лет, брачный союз официально зарегистрирован, совместная жизнь – не более 3 лет.

Молодые семьи классифицируются по разнообразным признакам: по материальному уровню – бедные, малообеспеченные, обеспеченные, состоятельные; в зависимости от количества детей – бездетные, малодетные, среднедетные, многодетные; по степени семейного благополучия – маргинальные, кризисные, благополучные; по признаку поселения молодых супругов – патрилокальные, матриликальные, неолокальные; по доминированию в семье – патриархальные, матриархальные, эгалитарные, партнёрские; по социальному положению – гомогенные, гетерогенные.

Целью молодой семьи является решение определённых социальных задач, в соответствии с этим она выполняет различные функции: функция сексуального регулирования, репро-

дуктивная функция, функция социализации, функция эмоционального удовлетворения, статусная функция, защитная функция, экономическая функция.

Самочувствие семьи изучалось древнегреческими философами: Платоном и Аристотелем, отечественными социологами: А.Г. Харчевым, А.И. Антоновым, М.М. Ковалевским, М.С. Мацковским, В.М. Медковым, И.Н. Лапиным и западными учёными, такими как: Ф. Энгельс, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Ф. Ле Пле.

Формирование социального самочувствия молодой семьи является составляющей процесса социализации в современном обществе. Социальное самочувствие подразделяется на два блока: социально-экономический и социально-психологический аспекты.

Мы провели исследование на тему «Мнение молодых супругов о социальном самочувствии их семьи». Данное исследование имело пилотажный характер. Оно осуществлялось в г.о. Тольятти. Выборочная совокупность составила 50 респондентов. Опрашивались молодые супруги, имеющие зарегистрированный брак, не более трёх лет совместной жизни с мужем (женой), возрастом от 18 до 30 лет.

Согласно результатам исследования, проводимого в г.о. Тольятти, 30% респондентов считают, что их семья имеет значительные материальные затруднения, то есть большинство молодых семей имеют достаточно низкий уровень жизни, который позволяет им удовлетворить только свои базовые потребности.

Итак, чуть больше половины молодых семейных пар проживают самостоятельно, то есть в г.о. Тольятти в среднем каждая вторая молодая семья живёт вместе с родителями и другими родственниками. Лишь небольшая часть молодых супругов имеет собственную квартиру. Недоступность собственного отдельного жилья может быть связана с сокращением жилищного строительства и высокими ценами на недвижимость.

Несмотря на то, что для большинства молодых семейных пар большую роль играет удовлетворение социально-экономических проблем, данные исследования приводят к выводу, что для молодой семьи важнее не уровень доходов, а уверенность в его достаточности.

Более половины опрошенных ответили, что члены их семьи равнодушны по отноше-

нию друг к другу и между ними довольно часто происходят ссоры.

Существуют различные проблемы, которые приводят к появлению конфликтов. По результатам исследования, самыми распространёнными из них являются непонимание членами семьи друг друга и несправедливое распределение семейных обязанностей. Больше половины опрошенных указали в качестве причины семейных скандалов вмешательство родственников, ещё одной важной причиной возникновения разногласий и конфликтов в молодой семейной паре являются вредные привычки. Также существуют и другие причины, которые вызывают конфликты в молодых семьях: проявление грубости, неверности, неуважения; разногласия в вопросах воспитания детей; личные качества, привычки супруга(и).

Таким образом, практически у каждого второго молодого человека в его семье нарушено социально-психологическое самочувствие. На психологические проблемы, связанные с взаимоотношениями между членами семьи, также влияют проблемы трудоустройства, материальные и жилищные проблемы. Для нормального функционирования молодой семьи, необходимо комплексное решение этих проблем, на что и должна быть нацелена государственная политика в отношении молодых супругов.

Семья является одним из важнейших институтов общества, поэтому [3], исходя из того, в каком состоянии она пребывает, насколько эффективно она способна функционировать, можно судить о развитии общества и положении дел на общегосударственном уровне.

Анализ современной ситуации показывает необходимость государственной поддержки молодой семьи. То есть нужно создавать усло-

вия для самореализации интересов семьи, благоприятное пространство для её функционирования.

Список использованных источников

1. Иванова, Т.Н., Чикишева, С.Ю. Современная семья в коммуникационном пространстве образования: взгляд социолога [Текст] / Т.Н. Иванова, С.Ю. Чикишева // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Мат. II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – 2016. – С. 139–142.
2. Иванова, Т.Н. Современная молодежь как социально-трудовой ресурс общества [Текст] / Т.Н. Иванова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 2(11). – С. 15–17.
3. Желнина, Е.В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования [Текст] / Е.В. Желнина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3(7). – С. 47–55.

© **Galiulova L.N., 2018**

SOCIAL WELL-BEING OF YOUNG FAMILIES (ON THE EXAMPLE OF THE TOGLIATTI CITY)

The article presents the results of a sociological survey on «opinion of the young couple of social well-being of their families». The analysis of the current situation shows the need for state support of young families. It is revealed that for the normal functioning of a young family, you need a comprehensive solution to the problems that must be the target of state policy towards the young couple.

Keywords: young family, social well-being, spouses, sociological research.

УТВЕРЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: РОЛЬ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ

Высшие учебные заведения являются одним из ключевых звеньев сотворения социальной справедливости в процессе воспитания молодежи и социализации в общественные и государственные институты. Каждому периоду развития общества соответствовало своё понимание социальной справедливости, сопряженное с вопросами равенства и доступа к образованию и воспитанию. На сегодняшний день востребованы культивация гражданской культуры и гражданского патриотизма. Развитие физической культуры позволяет достигать молодежи социальные нормы, познавать и транслировать социальную справедливость в социуме.

Ключевые слова: социальная справедливость, молодежная среда, проектная деятельность, патриотизм, политическая культура.

Высшие учебные заведения являются одним из ключевых звеньев сотворения социальной справедливости в процессе воспитания молодежи и социализации в общественные и государственные институты. Роль учебного процесса и внеучебных практик в русле реализации молодежной политики носит амбивалентный характер установления справедливости и несправедливости в зависимости от системы управления (внутренней и внешней по отношению к учебному учреждению), от уровня развития сотрудников учебных заведений, а также от физиологических, когнитивных и психических возможностей студентов и преподавателей.

Каждому периоду развития общества соответствовало своё понимание социальной справедливости, сопряженное с вопросами равенства и доступа к образованию и воспитанию. Важно отметить, что вопросы равенства и социальной справедливости волновали людей с древнейших времен. Платон видел возможность выявления наиболее достойных учеников через равный доступ к образованию способных стать управителями государства. В религиозном мировоззрении земное неравенство компенсируется небесным проявлением справедливости. В новое время развивается мысль о неравенстве людей, социальная справедливость проявляется в адекватном уровне желаний человека и его положения.

Социальная справедливость имеет несколько измерений: социальная справедли-

вость в проявлении форм бытия общества (природа-социум-культура); социальная справедливость в проявлении сферах бытия общества (педагогика, экономика, политика, культура, инфраструктура); материальное и идеальное; рациональное и иррациональное.

На российской идейном поле сформировались эклектичные идейно-политические направления либерализма и консерватизма, отражающие массовое сознание и поиск особого российского пути, в частности в вопросах социальной справедливости. Основные контуры идейного поля определены внутренними и внешними политическими и социально-экономическими условиями. Особый путь России заключается в осознании себя особой цивилизацией, отличной от европейского пути, которая находится во враждебном окружении и играющей по своим правилам [4, с. 30-31].

В высшие учебные заведения постепенно вводятся новые стандарты, соответствующие данной идеологии, и молодежь является основным объектом управления с позиции идеологической работы политических институтов. В процессе взаимодействия с молодежью необходимо находить технологии для проявления и обучения молодежи социальной справедливости для выживания и развития социума. Молодежь представляет собой сложную динамичную систему, состоящую из множества общностей, различных по экономическим, культурным, демографическим и политическим признакам. В научном дискурсе и политико-юридическом пространстве не создан четкий образ современной молодежи [2, с. 4-5]. Соответственно, не имея полного образа, степень прогнозирования политического поведения молодежи остается на низком уровне и несет определенные риски, связанные с процессом радикализации общественного сознания и повышением протестного движения. Благодаря распространению информационных технологий образовалось большое количество молодежных субкультур, наверху которых находятся активные организованные группы, а внизу рыхлые массы симпатизирующих, которые могут быть активированы [2, с. 5-7]. В проведенных социологических исследованиях, проведенных центром Сулакшина можно увидеть данные риски, а именно, половина моло-

дежи считают, что патриотизм важная составляющая жизни. В общей массе она аполитична и только четверть интересуется политикой и соответственно не различает идеологические различия либерализма, консерватизма и др. Образ России в большинстве представляется как великая держава, которая катится к разрушению. Большинство молодежи критично относится к власти, но к протестным действиям не готова, и только незначительная часть активистов готова отстаивать свое мнение [8, с. 30-33].

Современная молодежь имеет следующие линии разрыва: 3 поколения молодежи: рожденные в 80-е, 90-е и 2000-е; по регионам и далее по населенным пунктам; «мобилизованная этничность»; разделение молодых людей «по стилям».

Социокультурная среда вуза совершенствуется в направлении активизации социально-воспитательной работы. При этом, российская специфика педагогической деятельности воспроизводится в ведущей роли преподавателя как воспитателя в профессиональной социализации и становлении личности в рамках учебного процесса и внеучебной деятельности в противовес современным тенденциям перехода в роль преподавателя наставника и посредника.

Вопросами социальной справедливости пронизаны все сферы человеческого бытия. На традиционных занятиях в виде лекций и практических занятиях большинство преподавателей вынуждены обсуждать со студентами мировоззренческие проблемы, проблемы профессиональной этики, что обуславливает формирование личностных концепций справедливости каждого студента [10, с. 56-58]. Преподаватели активно расширяют количество технологий и методик влияния на социокультурную среду, всё чаще применяя активные и интерактивные технологии. Наиболее часто применяются индивидуальная беседа, личный пример, убеждение, а также поощрение и стимулирование. Методы социального проектирования пока мало востребованы современными преподавателями, но при взаимодействии с молодежными организациями постепенно внедряются вузами в практику работы со студентами.

Государственная молодежная политика (ГМП) России на современном этапе выделяется отношением к молодежи в качестве стратегического ресурса государства, сложившейся устойчивым составом акторов ГМП, межведомственным характером её реализации, пренебрежением стратегическими ориентирами в реализации ГМП, приоритетом гражданского воспитания над трудовым развитием молодежи. На региональном уровне власти сосредото-

чены на реализации мероприятий по патриотическому воспитанию, поддержке общественных объединений, развитию волонтерского движения. [1, с. 64-65].

Актуальным современным направлением формирования гражданской культуры является демократическое образование, которое выделяется воспитанием политической активности, включенностью в политические процессы и рациональностью принятия решений, одновременно с уравновешенной пассивностью и традиционализмом в общественном поведении [11, с. 29-30]. К. Шефер считает основными акторами в политическом образовании школы, колледжи, вузы и молодежные некоммерческие организации, позволяющие наладить контакт между политиками и молодежью [12, с. 31].

Демократическое образование молодежи позволяет обрести культуру дискуссий, рассуждений и ответственности за свои слова и действия. Это требует объединения усилий руководства образовательных учреждений, педагогического состава и учащихся. В концепции демократического образования образовательные учреждения должны быть институтами транслирования демократических ценностей подрастающему поколению и включения молодежи в социальное проектирование и практику местных сообществ. В работе молодежного сектора Совета Европы делается упор на вовлечение в активное участие молодежи, применяя инновационные технологии в работе местных и региональных молодежных общественных организаций [14, с. 105-121].

Соотношение патриотизма и политической культуры находятся в центре исследований В.Ю. Никитина. Патриотизм является ведущей компонентой политической культурой молодежи на основе исторического опыта общественного развития данной территории. Патриотизм в молодежной среде формирует политическое поведение, определяет на идеологический выбор, метанарративы и политические символы [5]. Государственные органы власти как ведущие акторы политического процесса, стремящиеся сохранить устойчивость государственного управления, прямо влияют на процессы патриотического воспитания, в том числе и через информационную систему интернет. К примеру, Министерство образования и науки разрабатывает электронную систему патриотического воспитания российской молодежи для расширения аудитории патриотических программ.

Освоение политических прав и свобод - основа культивации политической и правовой культуры современной российской молодежи.

Систему патриотического воспитания можно построить только на воспитании следования Конституции России. Трансферт гражданских качеств в молодежную среду, практическое освоение своих политических прав и использование наилучших адаптивных способностей на современном этапе развития позволят эффективнее входить молодежи в социальную и политическую практику [13, с. 157].

Развитие физической культуры позволяет постигать молодежи социальные нормы, познавать и транслировать социальную справедливость в социуме. В Воронежском филиале РЭУ им. Г.В. Плеханова реализуется программа физкультурно-спортивной работы на основе спортивного клуба, который тесно взаимодействует со студенческим советом, преподавателями и руководством вуза. Развитие физической культуры и спорта среди обучающихся и работников высшего учебного заведения позволяет создать условия для занятий физической культурой и спортом в свободное время. Формирование среди обучающихся и работников ценностей здорового образа жизни стимулирует создание и реализацию инновационных программ и проектов, направленных на провозглашение социальной справедливости через пропаганду здорового образа жизни, развитие физкультурно-оздоровительной и спортивной работы. Важным составляющим в подготовке высококлассных специалистов для инновационной экономики страны является достижение должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности.

Практическая работа в вузе по развитию физической культуры направлена на создание физкультурно-спортивных групп, спортивных секций и команд по различным видам спорта, на оказание методической и практической помощи в организации их деятельности, на разработку и осуществление физкультурно-оздоровительных и спортивных программ, на организацию и проведение физкультурно-спортивных и оздоровительных мероприятий высшего учебного заведения. Взаимодействие молодежи различных регионов в виде участия в спортивных соревнованиях различного уровня среди высших учебных заведений Российской Федерации расширяет мировоззрение и мотивирует к действиям по дальнейшему совершенствованию своих спортивных и социальных навыков.

Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова активно участвует в процессе внедрения Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). В Федеральном законе от 04.12.2007 №329-ФЗ «О

физической культуре и спорте в Российской Федерации» дефинировано, что ГТО – основа системы физического воспитания граждан Российской Федерации, на основе государственных требований к уровню их физической подготовленности [9]. Более 600 представителей образовательной организации зарегистрированы на официальном сайте ВФСК ГТО, из которых 41 человек прошли успешно испытания и получили знак отличия ВФСК ГТО.

В современных российских условиях управление государством, государственными и муниципальными институтами осуществляется по принципу отсутствия конечной цели управления. Большое количество стратегических документов и законов, носящих декларативный характер, не позволяет развивать стратегическое мышление, которое остается пока уделом отдельных специалистов.

При таком управлении работа с молодежью выстраивается на аналогичном принципе. Работу с молодежью мы можем увидеть только в направлении развития патриотического воспитания, но и здесь мы можем найти такие подводные камни, как уход от культивации гражданского патриотизма к воспитанию державного патриотизма, что ведет к усилению национал-патриотического движения и нарастания межнациональных конфликтов [6, с. 259].

На сегодняшний день востребованы культивация гражданской культуры и гражданского патриотизма. Целью должно стать воспитание российских граждан-патриотов с приоритетами участия в общественных формах бытия нашей страны: в политической, социальной (благотворительность и т.п.), экономической (предпринимательство) и культурной сферах [13, с. 156-157]. Формирования гражданской культуры носит целенаправленный характер. На основе новых образовательных стандартов в средних образовательных учреждениях проводится внедрение проектной деятельности, но педагоги в большинстве своем не обладают навыками по созданию и продвижению проектов. В вузах создаются проектные лаборатории, например в ВИУ – филиале РАНХиГС работает лаборатория социальных проектов, благодаря реализации проекта «Фестиваль проектов "Совместное будущее"» [7].

Региональное общественное движение Реализации общественных и гуманитарных инициатив Волгоградской области при поддержке ВИУ – филиал РАНХиГС разрабатывает молодежный просветительский проект «Гражданская культура молодежи», целевой аудиторией которого будут старшие классы общеобразовательных школ и студенты вузов

и ссузов. Целью проекта является эффективное формирование гражданской культуры молодежи. В рамках проекта будут проходить интерактивные мероприятия по следующим блокам [3]: блок исторических ценностей и ценностного содержания; блок нравственных ценностей и культурных достижений; блок знаний о местном самоуправлении; блок программного и проектного обеспечения гражданского патриотизма.

Таким образом, подобные проекты позволяют: реализовывать социальную справедливость в процессе воспитания молодежи в вузе; развивать стратегическое мышление и гражданскую культуру у молодых людей с помощью проектного подхода; эффективно управлять молодежной политикой и способствовать стабильности российского государства; активизировать мотивацию молодых людей к обретению новых знаний, умений и навыков в образовательном процессе; формировать творческую молодежную среду в региональном сообществе и муниципальных образованиях в целях развития новой России.

Список использованных источников

1. Андрияшина, Е. В. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики [Текст] / Е.В. Андрияшина, Е.А. Панова // Власть. – 2017. – № 7. – С. 60-65.
2. Кара-Мурза, С.Г. Сложные проблемы молодежной политики [Текст] / С.Г. Кара-Мурза – М.: «Когито-Центр», 2016. – 56 с.
3. Колесников, В.А. Гражданская политическая культура России [Электронный ресурс] / В.А. Колесников // Сайт Terra-Культура. – Режим доступа: <http://terra.lgaki.info/socium/grazhdanskaya-politicheskaya-kultura-v-rossii.html/7> (дата обращения 07.08.2017).
4. Мельвиль, А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России. Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии [Текст] / А.Ю. Мельвиль // Полития. – 2017. – №1 (84). – С. 29-45.
5. Никитин, В.Ю. Патриотизм в процессе формирования политической культуры [Электронный ресурс] / В.Ю. Никитин // Наука. Общество. Оборона (noojournal.ru). – 2017. – №1 (10). – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2017-1-10/article-0098/> (дата обращения 15.08.2017).
6. Прибытков, Ю.Б. Политический экстремизм и формирование политической культуры современной России / Ю.Б. Прибытков, А.Э. Абрамов // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18-19 ноября 2016 года). Под ред. проф. Яхьяева М.Я. – Махачкала: АЛЕФ. 2016. – С. 257-262.
7. Проектная Лаборатория ВИУ РАНХиГС создает акселератор молодежных инициатив [Электронный ресурс] // Сайт ВИУ – филиал РАНХиГС. – Режим доступа: https://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4041&Itemid=39 (дата обращения 27.08.2017).
8. Сулакшин, С.С. Динамика портрета современной российской молодежи [Текст] / С.С. Сулакшин, Н.А. Хвыля-Олинтер, Л.И. Кравченко // Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 21, июнь 2016 г. – М.: Наука и политика. 2016. – 40 с.
9. Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения 17.08.2017).
10. Филоненко, В.И. Социализация и воспитание студентов вузов в оценках преподавателей [Текст] / В.И. Филоненко, Ю.В. Филоненко, Л.С. Скачкова, А.В. Понеделков // Власть. – 2017. – № 7. – С. 49-59.
11. Almond, G.A. The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations [Текст] / G.A. Almond, S. Verba // Newbury Park: Sage Publications Inc., 1989. – 363 p.
12. Schäfer, K. Demokratie braucht politische Bildung / K. Schäfer, U. Hofele // DJI Impulse. – 2017. – №1. – P. 31-33.
13. Sheleketa, V.O. Formation of political and legal youth culture in modern Russia [Текст] / V.O. Sheleketa, V.V. Kortunov, Y.B. Pribytkov, Z.V. Stolyarova // Man In India. – 2017. – № 97 (5). – P. 151-158.
14. State of democracy, human rights and the rule of law populism – how strong are Europe's checks and balances? Report by the secretary general of the Council of Europe. – Strasburg: 2017. – 122 p.

© Gerasimova I.A., Pribytkov Yu.B., 2017

APPROVAL OF SOCIAL JUSTICE IN THE YOUTH ENVIRONMENT: THE ROLE OF DESIGN ACTIVITY IN THE UNIVERSITY

Higher educational institutions are one of the key links in creating social justice in the process of educating young people and socializing in public and state institutions. Each period of development of society was consistent with its understanding of social justice, coupled with issues of equality and access to education and upbringing. To date, the cultivation of civil culture and civil patriotism is in demand. The development of physical culture makes it possible to comprehend the social norms of the youth, to cognize and translate social justice in the society.

Keywords: social justice, youth environment, project activity, patriotism, political culture.

К ВОПРОСУ О НЕПРЯМЫХ МЕТОДАХ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются методы социального управления, используемые в современном обществе. Особое внимание уделено рассмотрению не прямых методов, как более эффективных в практике социального управления.

Ключевые слова: социальное управление, манипулирование, организация социального пространства, концептуально-смысловые поля, принуждение, убеждение, стимулирование.

XXI в. преподнес много новшеств, которые изменили нашу жизнь во всех областях и, больше всего, в области информационной. Сегодня невозможно представить себе «интеллектуала», который не пользуется глобальной сетью Интернет, не использует смартфон и электронные книги. Коснулись глобальные изменения и сферы социального управления, т.к. уже с давних пор известно, что эффективное управление требует владения информацией. И не только знания информации, но и, возможности эту информацию производить и распространять – здесь можно вспомнить эпизод с любопытным открытием одного графа о том, как избавить садовода от сонь, пожирающих персики.

Традиционно, социальное управление осуществлялось прямыми методами – такими как принуждение, стимулирование и убеждение. Уже со времен древних греков, и даже еще раньше, было известно, что если люди не хотят чего-то делать, нужно или заставить их, или дать им денег (или наоборот, забрать их деньги), или произнести пламенную речь и убедить их. Отличительной чертой всех этих методов было то, что всегда был известен субъект управления, тот, чью волю должны были исполнить подчиненные. Это мог быть вождь или король, это мог быть жрец или аббат, это мог быть купец или банкир – практически всегда тот, кто осуществлял управление, был известен людям. Самым простым и эффективным способом социального управления традиционно было принуждение, т.к. оно требовало только лишь некоторой степени, в первую очередь физического, превосходства. Как писал М. Вебер: ««принуждение», физическое или психическое по своему характеру, в той или иной степени лежит в основе всех видов объединения в общество» [2, с. 535].

Стимулирование всегда было менее эффективным способом социального управления, поскольку, во-первых, требовали некоторых материальных затрат, а, во-вторых, так же требовало обоснования справедливости принятого субъектом управления решения – почему кому-то доставались земли и слава, а кому-то батоги и позор.

Убеждение как метод социального управления было не столь эффективно, как принуждение, и даже стимулирование, поскольку словесный аргумент, даже самый изящный не был сопоставим по убедительности с разрубленной топором головой оппонента или звоном золота, предложенного за поддержку высказанного субъектом управления тезиса.

Параллельно с прямыми методами управления в той или иной степени находили применение и не прямые методы социального управления. Под непрямыми методами социального управления мы предлагаем понимать такие методы, при которых цель управления остается неизвестной объекту управления, и, в частности, в этом не прямое управление не тождественно косвенному. При косвенном управлении объект управления видит и понимает конечную цель действий субъекта управления, даже если эти действия не направлены прямо на него. К примеру, Ганнибал, желая начать войну с Римом, осадил Сагунт, т.к. он знал, что римляне вынуждены будут оказаться перед выбором – поддержать союзника и объявить войну Карфагену или бросить союзника на произвол судьбы и, возможно, временно оттянуть начало войны. В не прямом управлении принципиальным моментом является то, что объект управления НЕ ЗНАЕТ истинной цели действий субъекта управления, а в идеале, даже не знает, что таковой субъект управления существует и предпринимает какие-либо действия.

К не прямым методам социального управления можно отнести организацию социального пространства, создание концептуальных смысловых полей и манипулирование. Одним из основных достоинств указанных методов является их высокая эффективность, которая объясняется рядом причин. Во-первых, управление как вид деятельности подразумевает субъект-объектные отношения между управ-

ляющим и управляемым. Но, принимая во внимание то, что речь идет о взаимоотношениях людей, более правильно было бы описывать управление как субъект-субъектную деятельность. Специфика же субъект-субъектных отношений подразумевает необходимость для управляющего зачастую преодолевать волю управляемого (что было отмечено Вебером в его определении власти), или, по меньшей мере, принимать ее (волю) в расчет при осуществлении своей деятельности. Во-вторых, в случае если субъект управления не может успешно управлять объектом, используя не прямые методы, у него всегда остается возможность избежать ответственности за совершенные ошибки, сославшись на «объективные» процессы, ход истории и т.д. В-третьих, при должном умении, не прямые методы управления позволяют внушить объекту управления, что необходимые действия суть его личные потребности и, тем самым, направить волю объекта управления на достижение объективно чуждых ему целей. Еще одной особенностью не прямых методов социального управления является то, что долгое время они использовались в основном интуитивно, или вообще не воспринимались в качестве именно методов управления. В то же время, чаще всего об их использовании речь шла в контексте боевых действий – классическим примером можно назвать трактат Сунь-Цзы «Искусство войны».

Организация социального пространства как метод социального управления использовалась уже с древнейших времен, в значительной мере посредством архитектуры и городского планирования: «архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ» [1, с. 52]. Со времен древнего Египта особенное внимание уделялось архитектуре храмов и других религиозных построек. Повышенное внимание к отделке и внутреннему убранству религиозно-значимых объектов можно найти практически в любой культуре – будь то древнеиндийские, древнегреческие или древнеримские храмы, будь то мечети, костелы или церкви. Древний грек, посещая храм Артемиды, Зевса, или иного бога, видел совершенство форм и воплощенную в камне красоту Олимпийских богов. После тяжелого трудового дня, после беспросветных серых будней, средневековый крестьянин, оказавшийся в храме, видел Рай, воплощенный на Земле. Сама монументальность строений была призвана подчеркнуть незыблемость сложившегося социального порядка, как писал Вебер:

«храмы и церкви, возвышающиеся над всеми другими зданиями, воздвигнутые по законам формирующей стиль стереотипизации архитектурной задачи посредством раз и навсегда установленных целей» [2, с. 326]. Не случайно, кстати, в советские времена использовался концепт «храм науки». И большое внимание было уделено строительству библиотек, школ, университетов.

Принципы городского планирования так же оказывали свое влияние организацию социального пространства. Так, не только храмы и религиозные сооружения строились на возвышениях, чтобы они были видны издали, но и рыцарские замки и городские крепости также располагались на возвышенностях, в местах труднодоступных, что диктовалось необходимостью повысить их оборонную эффективность. Высокие каменные стены и башни знаменовали собой прочность и неизменность бытия, практическую невозможность изменений. Чтобы привнести в общество что-то новое, нужно было «взять штурмом неприступную крепость», разрушить казавшийся незыблемым порядок. Не случайно, после повсеместного внедрения огнестрельного оружия эра крепостей с высокими стенами и башнями прошла, на пути изменений не осталось больше сколько-нибудь серьезной преграды. Центр города, обнесенный крепостными стенами, или близость дома к стенам замка долгое время ассоциировались у жителей города с защищенностью и надежностью, это одна из причин, почему по сей день в крупных городах стоимость земли в центре, как правило, самая высокая, несмотря на то, что в развитых странах уже давно обеспеченные люди в больших городах практически не проживают. Как отмечал Бурдьё: «Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем «спонтанно», стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни или как множество *Stände*, групп, характеризующихся различным стилем жизни» [1, с. 25].

Сегодня, место храмов и библиотек занято торгово-развлекательными центрами, которые проектируются и строятся во многом по тем же самым канонам, которые использовались в храмовом строительстве. Современный ТРЦ – это постмодернистский сплав развлечений древнеримского Колизея с роскошью христианской церкви, идеей древнеримского форума и восточного базара – в известном смысле, любой ТРЦ есть храм современной религии потребления.

Особую роль в социальном пространстве играют памятники. Практически в любом го-

роде мира есть свои памятники, посвященные тем или иным страницам истории, в памятниках традиционно отражаются ценности, присущие данной культуре. Весь Лондон заполнен памятниками погибшим в Крымской войне, которые напоминают о том, кто был врагом для Британской империи, в том же Лондоне стоит статуя Октавиана Августа, своего рода завуалированная попытка указать на связь цивилизации англосаксов и Древнего Рима. Советская власть, так же, совершенно не случайно начала борьбу с церквями и имперскими памятниками, как символами прошлого, так как нуждалась в разрыве существовавшей традиции. В свою очередь, параллельно борьбе с традицией, советская власть создавала новую – строились всевозможные памятники Ленину и другим революционным деятелям, изменялись названия городов и т.д. Сегодня, войну с памятниками мы можем наблюдать как в Европе, когда либерально ориентированные европейские политики пытаются уничтожить все упоминания о роли СССР во второй мировой войне, так и на Украине, где идет активная борьба с советским прошлым. Есть памятники, которые олицетворяют некоторые идеалы, такие как статуя свободы в Североамериканских соединенных штатах. В современной Европе стали все чаще появляться различные инсталляции, и даже памятники, которые направлены на формирование особого типа мировоззрения – памятник «Лавочка порока» в Праге, памятник однополю любви в Осло и др.

Еще один важный аспект в организации социального пространства связан с тем, что содержание самого термина «социальное пространство» входят не только здания, памятники и прочие сооружения, но и вполне себе обычные вещи материальной культуры – книги, одежда, посуда, телефоны, и даже, если угодно, домашние животные. Как пишет Кара-Мурза: «Вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живет средний человек. Они несут «сообщения», оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание» [3, с. 65]. Марка автомобиля, марка сотового телефона, йоркширский терьер или сфинкс, авто ручка фирмы «Паркер» и многое другое – все это стало атрибутами принадлежности к определенному классу устоявшегося сегодня социального порядка, хотя еще совсем недавно советский житель смеялся над идеей общества с «цветовой дифференциацией штанов».

Второй не прямой метод социального управления – создание концептуальных смысловых полей, так же как и метод организации социального пространства, использовался с

давних пор, но так же больше интуитивно, нежели сознательно. Платон, в своем диалоге «Государство» в качестве основной функции государственной власти указывает обеспечение справедливости в государстве. В принципе, можно утверждать, что современная политическая теория видит основную задачу государственной и политической власти именно в распределении материальных и духовных благ в соответствии с принятыми в обществе представлениями о справедливости. Любопытно, что то, что мы просто называем министерством юстиции, для англоговорящего будет называться дословно «министерство справедливости». Само понятие «справедливость» является концептуальным понятием, поскольку описывает определенный тип отношений, принимаемым обществом как справедливый, т.е. бывает справедливость равенства и неравенства, где справедливость равенства может быть понята как равенство стартовых возможностей и равенство результатов. Точно так же, социальное управление подразумевает создание и использование различных понятий, таких как «правда», «порядок», «Добро», «зло» и др. – «слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, и являются исключительными ставками в политической борьбе, в борьбе за навязывание легитимного принципа видения и деления» [1, с. 79].

Долгое время функцию формирования концептуальных смысловых полей выполняла господствующая церковь или система религиозного вероучения – это верно как для государств древнего мира, так и для средневековых, и даже для государств эпохи модерна. Парсонс отмечал, что «Оно (обучение – В.Г.) представляет собой не только приобретение «информации» (т.е. специфических моментов когнитивной ориентации) о свойствах мира объектов; это также приобретение новых «эталонов ориентации»» [6, с. 430]. Так, Вебер, описывая протестантские сообщества Нового Света, отмечал, что «Нагорная проповедь воспринималась всеми деноминациями как *социально-этическая* (курсив наш – В.Г.) программа и почиталась в качестве таковой» [2, с. 246]. Однако борьба против католической церкви в Европе привела к тому, что на место религии как смыслообразующей системы была выдвинута наука. Соответственно своеобразными «фабриками смыслов» стали школы и университеты. Луман, в работе «Общество Общества» подчеркивает, что: «Если сравнивать современное общество с обществами традиционными, то можно обнаружить общемировую тенденцию передачи

процессов воспитания и образования школам и университетам» [4, с. 167].

Роль образования как способа производства и передачи концептуальных смысловых полей трудно переоценить. Бурдье, занимавшийся в свое время изучением проблемы образования, отмечал, что «Образовательные стратегии, особым видом которых являются школьные стратегии семей или обучающихся детей, представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся, как полагает экономика «человеческого капитала», к экономическому или денежному измерению. В действительности, они, прежде всего, направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы, т. е. передать их в свою очередь группе» [1, с. 103]. В общем, мы можем предложить два глобальных принципа построения системы образования – назовем их условно «конфуцианский» и «даосский». Для «конфуцианской» системы характерно восприятие управляемого как потенциального «благородного мужа», который нуждается в правильном образовании. Соответственно, субъект управления концентрирует свои усилия на том, чтобы дать управляемому глубокие, фундаментальные, систематические знания в основных областях науки, чтобы управляемый мог воспроизводить высокий уровень социальной организации – такая система образования использовалась, например, в Советском союзе. Не случайно, комментируя победу СССР в космической гонке, президент Кеннеди отметил, что гонка эта была выиграна «за школьной партией». Для «даосской» характерно восприятие объекта управления как примитивного и неразвитого, в рамках положения, что «совершенномудрый правитель должен держать головы своих подчиненных пустыми, а желудки – полными, ибо у сытых и глупых нет вопросов». Для такой системы достаточно обучить объект управления лишь самым простым, базовым навыкам, необходимым для встраивания в существующую социальную систему, а так же подавать изучаемый материал бессистемно и бесструктурно, чтобы не дать объекту управления возможность поставить под сомнение справедливость существующего положения вещей.

Система образования, построенная по «даосским» принципам существенно повышает эффективность третьего непрямого метода социального управления – манипулирования. Под манипулированием мы понимаем такое управленческое воздействие, которое направ-

лено на «дух, психические структуры человеческой личности» [3, с. 20]. Характеризуя современное общество, Турен писал: «Наше общество – есть общество отчуждения – не в том смысле, что оно обрекает на нищету или прямой полицейский террор, но в том, что оно совращает, манипулирует и интегрирует» [цит. по: 5, с. 200].

Начать необходимо с того, что манипулирование как метод социального управления напрямую связано с производством и распространением определенной информации, которая подается как «истинная» или соответствующая действительности. Следствием этого положения является тот факт, что манипулирование это исключительно порождение технического прогресса, поскольку он сделал возможным быстрое и практически бесконтрольное производство информации, а так же дал средства к ее распространению. В принципе, Оруэлл в «1984» описал то, как манипулирование может быть использовано в практике социального управления, хотя современные технические средства производства и передачи информации существенно расширяют границы применения данного метода.

Один из самых эффективных способов манипулирования – ссылка на экспертное мнение. Очень часто, в случае необходимости получить одобрение граждан на то или иное решение, субъект управления использует «экспертные» оценки, которые, не будучи ни чем, кроме просто произнесенной фразы «специально обученным человеком» оказывают решающее влияние на мнение объекта управления по тому или иному поводу. Сегодня количество знаний возросло многократно и практически никто не может эффективно разбираться во всех его отраслях. Сложившаяся ситуация уже получила название «технократической диктатуры», которая есть такое положение дел, когда только узкий технический специалист знает, как правильно решить задачу и предлагаемые им методы решения объективно зависят только от его желания, так как он не может быть проконтролирован. В Европе и Северной Америке очень популярны различные дебаты на тему – Безопасно строить атомную электростанцию или нет, полезно быть вегетарианцем или вредно и т.д. – данные дебаты призваны имитировать научную обоснованность принимаемых субъектом управления решений.

Еще один, не менее эффективный способ манипулирования – статистика и опросы общественного мнения. Технически, современные информационные средства позволяют

проводить опросы населения и фиксировать результаты. Но для объекта управления техническая возможность проверить истинность продемонстрированных результатов отсутствует. Поскольку у объекта управления нет возможности проверить истинность результатов, и чем более глобальным был опрос, тем менее шансов его проверить, постольку нет никаких оснований полагать, что статистика и опросы общественного мнения всегда (или даже просто – часто) отражают реальное положение дел. Не случайно, в штатах в 60-е годы критиковали социологию за то, что она не столько изучает реальность, сколько ее конструирует. Одной из претензий в адрес социологии тогда было то, что заказчик, в общем, так или иначе, определял результат проводимого опроса заранее. Еще более интересной является ситуация, когда на основании опросов делаются какие-либо прогнозы. Одним из ярчайших примеров такого «провального» прогноза стал прогноз победы Клинтон и демократов на выборах президента в 2016 г.

Кроме того, что для эффективного манипулирования нужен определенный тип образования, о чем мы уже говорили выше, нужно еще и определенное психологическое состояние. Как известно из психологии, страх есть необходимое условие повышения внушаемости человека, и поэтому последнее время все чаще используется «давно разработанный на Западе страх терроризма» [3, с. 154]. Объект управления находится постоянно под воздействием различных «плохих» новостей, которые формируют у него состояние постоянного страха – страха плохо пахнуть, съесть нездоровую пищу, оскорбить кого-то своей прямоотой, погибнуть от выстрелов нездорового человека, стоя в очереди за гамбургером, погибнуть в результате террористической атаки и т.д. Как пишет Кара-Мурза: «...бомбардировка сознания ...«плохими новостями» выполняет важную функцию поддержания необходимого уровня «нервозности». Эта нервозность, ощущение непрерывного кризиса, резко повышает внушаемость людей и снижает способность к критическому восприятию» [3, с. 263]. Многие политические решения, даже крайне непопулярные, принимаются с воодушевленным одобрением людей, которые еще вчера были готовы насмерть стоять против принимаемой меры, а сегодня, после новости о том, что где-то какой-то смертник опять кого-то взорвал, они отдают свои голоса в поддержку этой самой меры. Так, североамериканское общество было втянуто во Вторую Мировую войну, так же оно было втянуто и в Персидский залив, и в

Афганистан и т.д. Колин Пауэлл со своими пробирками стал уже притчей во языцех – доказательством преступлений Хусейна стала демонстрация, по сути, отсутствия таких доказательств.

Еще один немаловажный аспект манипуляционных практик современности связан с тем, что современные технические средства позволяют «показывать» то, что субъект управления считает нужным проинтерпретировать в качестве правды. Как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, хотя практика современного непрямого управления утверждает скорее, что «одно другому не мешает». Возможность показывать «картинку» как доказательство активно эксплуатируется современными субъектами управления – хорошим примером может быть деятельность «белых касок» в Сирии, или использование кадров из компьютерных игр для иллюстрации сюжетов о реальных боевых действиях.

Завершая краткий обзор манипулирования как метода социального управления, стоит отметить, что на сегодняшний день существует целая дисциплина, которая преподается в университетах – маркетинг.

В заключении необходимо отметить, что все методы социального управления, как прямые, так и не прямые не потеряли своей актуальности в современной практике социального управления. И принуждение, и стимулирование, и даже убеждение используются в качестве методов управления современным обществом. Но, по ряду причин, связанных с техническим и технологическим прогрессом, с изменениями, произошедшими в обществе за последние сто лет, мы можем констатировать смещение значимости и эффективности социального управления в сторону не прямых методов. Данные особенности современной теории социального управления практически не изучались в отечественной науке и философии, и поэтому, среди задач социальной философии мы видим более глубокую разработку и исследование методов социального управления в современном обществе, что, в перспективе, может (и должно) повысить социальную стабильность общества.

Список использованных источников

1. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства [Текст] / Пьер Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»).
2. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. – М.:

Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).

3. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза (Серия: История России. Современный взгляд). – М.: Алгоритм, 2000. – 736 с.

4. Луман, Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система [Текст] / Н. Луман; Пер. с нем. А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2011. – 640 с.

5. Панарин, А.С. Политология. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное [Текст] / А.С. Панарин. – М.: «ПБОЮЛ С.М. Грачев», 2000. – 448 с.

6. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – Изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.

© *Golubev V.S.*, 2018

TO THE QUESTION OF INDIRECT SOCIAL GOVERNING METHODS IN MODERN SOCIETY

The article is devoted to the analyses of the social governing methods used in modern society. Special attention is paid to indirect methods as more efficient in the social governing practice.

Keywords: *social governing, manipulation, organization of social space, conceptual meaning fields, enforcement, conviction, stimulation.*

ПАТРИОТИЗМ И ЭКОНОМИКА

В статье рассматривается сущность патриотизма, его истоки, связь с экономическим развитием страны и политикой, патриотизм настоящий и мнимый.

Ключевые слова: патриотизм, патриот, экономика, политика, молодежь.

Тот, у кого в душе светит солнце, будет видеть солнце даже в самый хмурый день.

*Конфуций(551 г. до н.э.),
древний мыслитель и
философ Китая*

Патриотизм имеет множество определений. В Военном энциклопедическом словаре говорится, что это «любовь к родине, своему народу, преданность им, стремление своими действиями служить их интересам. Важнейшую сторону патриотизма составляет убеждение в необходимости всесторонней, в т.ч. военной защиты Отечества» [1].

Что понимать под Отечеством, Родиной хорошо разъяснил известный русский писатель В.Г. Распутин: «Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом территория... Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло» [2].

Из изучения истории нашего государства известно, что с самого своего зарождения в природе человеку приходилось защищать себя, чтобы выжить, затем себе подобных рядом, так как вместе легче выживать, потом свою землю, как ореол обитания... Образовались поселения, выросли поколения людей, любящих свою территорию, свою родину, свой жизненный уклад, свой народ. Возникли города, страны, государства... Возможно неосознанно, но патриотизм зародился уже тогда, на самой заре развития человечества, как любовь к месту проживания. По крайней мере, корни его уходят в далекую древность, а нам, современникам, передаются лишь частички, можно сказать, на генетическом уровне, как историческая память. Чуть позже возникли азы экономики, как товарообмен, и азы политики, как

умение договариваться с жителями соседних земель, позиция невмешательства в их внутренние дела. Выходит, что патриотизм, экономика и политика тесно связаны между собой, идут рядом, порой вытекая друг из друга. В наше время уже и войны стали называть экономическими, идеологическими, информационными, гибридными. Соединение патриотизма и экономики несет собой еще и нравственный аспект: соблюдение общих правил жития, радование о состоянии территории и благополучии жителей, желание внести свою лепту в улучшение жизни и процветание сообщества с надеждой на будущее. О силе этого союза можно судить по войнам и послевоенному времени, когда народ, зачастую за пределами человеческих возможностей, в едином порыве сметал противника со своей земли и восстанавливал справедливость, заново отстраивая и воссоздавая инфраструктуру, экономику. В период Великой Отечественной войны наша страна стала единым боевым лагерем и лишь обостренным чувством справедливости и великой любви к Отечеству можно объяснить трудовые и военные подвиги, совершенные народом, готовым преодолеть все невзгоды во имя ее будущего. На защиту Родины встали и стар, и млад. Никто не жаловался на трудности, никто не роптал. Это было единым мощным порывом души, несущим созидательную энергию. Значит, патриотизм – сильнейшее чувство и нравственный стержень, и природа его духовная.

Весомый вклад в развитие патриотизма несут любовь и уважение к истории своей Родины. Все на свете изучить невозможно, но твердо знать этапы развития страны, лучших и выдающихся представителей общества, гордиться их достижениями для блага Отечества нужно. Большое значение имеет связь поколений, когда из уст в уста передаются события и факты, оценивается отношение к ним близких и знакомых людей, формируется общественное сознание человека, как личности. Когда же в человеке начинается свой рост личность? Конечно, в детстве, в ранней юности. Тут на передовые рубежи выдвигается молодежь, любопытная, рассматривающая, объективно осмысливающая все, что происходит с нею и вокруг нее. Если у молодежи не будет твердой платформы нравственных ценностей, знаний и

уважения истории своей страны, она никогда ничего не достигнет и никого не победит, так как не сможет воспользоваться опытом поколений. Побеждают имеющие духовно-нравственную силу, твердые духом, уверенные в завтрашнем дне.

Недаром, в известном «Плане Даллеса», автором которого спорно считают Аллена Даллеса, главу ЦРУ в 1953–1961 гг., в политике захватчиков по отношению к непокорной России делается упор именно на молодежь, как на будущее страны. Этого и сейчас придерживаются многие западные политологи: «Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее. Мы сделаем из них молодых циников, пошляков, космополитов. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу и все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие, будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы, поставив в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением» [3].

До 2009 г. было принято называть молодежью жителей страны от 16 до 30 лет. В 2009 г. на заседании Мосгордумы возраст людей, относящихся к молодежи, был пересмотрен и закреплен за периодом с 14 до 30 лет. Этот период жизни охватывает время учебы и первый трудовой и жизненный опыт человека, показывает, какие образовательные, профессиональные и культурные навыки им усвоены.

В известной с 1968г. песне В. Баснера и М. Матусовского «С чего начинается Родина», кратко и трогательно говорится о возникновении любви к самому дорогому для человека месту, малой родине, которая есть у каждого из нас. Прослушав ее, невольно задумаешься об истоках патриотизма, вспомнив об исчезновении целых сел, поселков, маленьких районных городков из-за экономической несостоятельности. Когда-то там бушевала жизнь, росли поколения, передавались по наследству знания по овладению специальностями. Людям жилось спокойно, привычно, комфортно, но вмешались рыночные отношения, и малая родина оказалась заброшенной, разрушилась

связь поколений. При переписи населения 2010 г. обнаружена масса поселков и городов, от которых остались лишь одни названия, составлены карты распределения по федеральным округам поселений, имеющих менее 3000 жителей. Из-за чего же произошел стремительный отток населения из провинции в большие города? Почему освоенные территории превращаются, можно сказать, в пустыни? Покидание обжитых мест жителями ничем не оправдано: ни военной, ни экономической ситуацией в стране. В основе этого лежит, в большинстве случаев, потеря рабочих мест, развал местной экономики.

Возможен ли патриотизм в такой ситуации? Можно удивляться, но духовная связь с родной землей никого и никогда не покидала, чувство ответственности и интерес к развитию покинутых мест остаются.

«Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / На них основано от века / По воле Бога самого / Самостоянье человека, / Залог величия его...» – проникновенно описывал душевное отношение соотечественников к своей малой родине А.С. Пушкин [4].

Эти чувства и сейчас живы и свойственны нам, современникам. Мы все хотим гордиться своим Отечеством, своей малой родиной, уважать их достижения, гордиться их прошлым и настоящим, защищать их интересы. «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к Отечеству» – считал великий русский педагог К.Д. Ушинский [5].

Что же необходимо сделать, чтобы эта любовь не угасала, а патриотизм развивался? Прежде всего, диверсифицировать экономику таким образом, чтобы она обеспечила высокую занятость населения (в первую очередь молодежи) и соответствовала современным требованиям рынка. Важно сделать акцент на тех отраслях, которые способны потянуть за собой всю экономику, отдав приоритет тем, которые создадут больше рабочих мест и соответствуют реалиям рынка. Это увяжет экономику не только с патриотизмом, но и с внутренней политикой государства. Прежде всего, человек должен быть удовлетворен в своих основных потребностях, чувствовать экономическую и политическую стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Тогда не возникнет желания бежать за лучшей долей в чужие земли, не будет утечки образованных талантливых людей («мозгов»), очень нужных там, где они родились и выросли. Доступный высокий уровень жизни станет предметом стремлений и дости-

жений, гордости за страну, основой для развития патриотизма. У каждого из нас есть своя малая родина в единой на всех Отчизне. Если мы будем чувствовать тепло родной земли, вкладывать свои силы в ее развитие, верить в лучшее будущее и эту веру передавать своим потомкам, то жизнь поколений изменится, пойдет по народной пословице: «где родился, там и пригодился», окрепнут связи поколений. Экономическая стабильность ляжет в основу развития патриотизма.

Следует лишь различать патриотизм истинный, умеющих подняться в решающую минуту над личным, и патриотизм мнимый, присваивающих себе чужие заслуги. По-настоящему, государство может опираться только на истинных патриотов, умеющих радовать за него, приносить пользу, а не на мнимых, красиво говорящих, фальшиво обещающих, достигающих только личных целей. В народе давно уже сделан вывод: результаты тихих дел убеждают больше громких слов. Настоящие патриоты всегда несут ответственность за результаты своих дел, для них нет большей радости, чем покой и благоденствие Родины. Это самые разные по своему общественному положению люди, близкие по духу, по своим нравственным принципам. Их основными задачами являются: укрепление экономического могущества страны, единение жителей разных национальностей, удовлетворение их растущих материальных и культурных потребностей, заинтересованность в процветании государства, прозрачность и обязательность в соблюдении его законов.

Русский народ всегда был глубоко патриотичен. Это не раз доказывали войны, особенно когда без каких-либо приказов и призывов поднималось партизанское движение, способствующее разгрому и изгнанию врага.

К сожалению, «... трансформация общества, породившая смену форм собственности и социальное расслоение населения России, девальвация духовных ценностей оказали нега-

тивное влияние на общественное сознание большинства населения, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, истории, искусства и образования, как важнейших факторов формирования патриотизма» [6]. Наше общество стало стремительно катиться к тому, что никогда не было свойственно русскому народу, к тому, о чем цинично говорил Аллен Даллес. Патриотами, как и героями, не рождаются, ими становятся. Но для того, чтобы они были, нужно навести порядок в духовно-нравственном состоянии общества нашей общей Отчизны – России, поднять и закрепить на высоком уровне ее экономическое и военное могущество, что будет и надежной гарантией ее безопасности.

Список использованных источников

1. Военный экономический словарь [Текст]. – М.: Воениздат, 2007.
2. Распутин, В.Г. Эти 20 убийственных лет: преступления без наказания [Текст] / В.Г. Распутин. – М.: Алгоритм, 2013.
3. Олейник, Б.И. Князь тьмы [Текст] / Б.И. Олейник. – М.: Молодая гвардия №7, 1993.
4. Пушкин, А.С. Собр. соч. в 10 томах. Т.2 [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959.
5. Ушинский, К.Д. Собр. пед. соч. [Текст] / К.Д. Ушинский. – СПб., 1875.
6. Чупраков, Ю.К. Патриотическое воспитание [Текст] / Ю.К. Чупраков // Сборник академии военных наук. – 2017. – №45.

© Grinko N.A., 2018

PATRIOTISM AND ECONOMY

The article deals with the essence of patriotism, its origins, connection with the economic development of the country and politics, patriotism real and imaginary.

Keywords: *patriotism, patriot, economics, politics, youth.*

СМИ КАК КАНАЛ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

С феноменом экстремизма нет смысла бороться лишь с помощью власти. Предпосылки экстремистской идеологии те же, что и способы борьбы с ней. Преодоление экстремизма в России возможно путем перестройки массового сознания, то есть возникает необходимость программы, нацеленной на преодоление этнофобий. В ней необходимо участие не только власти, научных деятелей, общественных лидеров, но СМИ и массовой культуры. В первую очередь, необходимо активизировать в этом направлении молодежные СМИ, которые должны быть направлены на создание атмосферы толерантности и патриотизма: распространять важность значения культурных традиций разных народов и межкультурного диалога.

Ключевые слова: *СМИ, средства массовой информации, экстремизм, экстремистская идеология.*

У массовой культуры имеются все средства для преодоления проявлений экстремизма. СМИ активно распространяют любую информацию, которая не всегда несет общественную пользу. Однако, проблема не в том, что пресса освещает различные проявления экстремизма и тиражирует экстремистские высказывания массам, а в пассивном отношении общества, а также отсутствии реакции властей на факты, освещенные прессой.

Перед тем, как информация об экстремистской деятельности будет освещена в СМИ, происходит, как правило, следующая цепочка событий: чье-либо выступление/высказывание экстремистской направленности → та же мысль, обработанная и озвученная политическим деятелем → информационный повод для СМИ [1, с. 12]. Нельзя запретить журналистам обращать внимание на такие события в виду того, что, пробуждая общественность, пресса имеет возможность включать механизмы политических рычагов, противодействующих экстремизму. Многим исследователям видится необходимость осуществления мониторинга печатных и электронных СМИ, Интернет-изданий и литературы для выявления попыток разжигания расовой, этнической и религиозной вражды и ненависти, и призывов к насилию. При освещении новостей появилась необходимость убирать упоминания этнической принадлежности участников новостного события.

Но каким же образом должны функционировать СМИ, чтобы оказать противодействие экстремизму? В первую очередь, необходимо активизировать в этом направлении молодеж-

ные СМИ, которые должны быть направлены на создание атмосферы толерантности и патриотизма: распространять важность значения культурных традиций разных народов и межкультурного диалога. Также нужно наладить издание журналов, интернет-публикаций и другой литературы по актуальным проблемам: перед СМИ стоит задача показать вред всех механизмов, проповедующих ненависть и вражду к людям других рас, национальностей и вероисповеданий.

Большой интерес с точки зрения психологической специфики СМИ представляет проблема ксенофобии – в эфире, периодических изданиях, электронных СМИ, распространение которых настолько широко, что слово, ими тиражируемое, оказывает самое большое влияние, что и отличает их от других средств информации. Судебные процессы, которые связаны с экстремистской деятельностью, в первую очередь связаны с высказываниями, распространенными через СМИ [2, с. 73]. К сожалению, ввиду отсутствия четкой научной формулировки требований законодательства к текстам СМИ, а также анализа существующих экспертиз подобных текстов, читателю часто прививается «желаемое» причинно-следственное мировосприятие, направленное, в данном случае, на разжигание ненависти и вражды.

Большая часть особенностей любых текстов СМИ и политической пропаганды с трудом поддается процессуальной квалификации, до суда такие дела доходят крайне редко. Анализ практики вынесения предупреждений СМИ также показывает сложность правовой квалификации публичных речей и текстов в качестве экстремистских материалов. Сегодня для создания квалифицированного корпуса экспертов-лингвистов, способных проводить диагностику криминальной ксенофобии и других высказываний, возбуждающих ненависть и вражду в СМИ и публичных выступлениях, приоритетным направлением становится подготовка молодых профессиональных экспертов широкого профиля в системе высшего образования [3, с. 187].

Как показывает мировая практика, с такими феноменами как экстремизм нет смысла бороться лишь с помощью власти. Предпосылки экстремистской идеологии те же, что и способы борьбы с ней. В современной России экстремизм не возникает откуда-то сверху. Не произрастает он и из масс, так как негативные

стереотипы являются только предпосылками экстремизма. Идеология экстремизма возникает где-то посередине, усилиями лидеров экстремистских групп. Преодоление экстремизма в России возможно путем перестройки массового сознания, то есть возникает необходимость программы, нацеленной на преодоление этнофобий. В ней необходимо участие не только власти, научных деятелей, общественных лидеров, но СМИ и массовой культуры.

При составлении программы по противодействию экстремизму особое внимание следует обратить на Интернет-СМИ: периодические он-лайн издания, сетевые журналы и популярных блогеров. Известно, что Интернет активно используется экстремистскими движениями как для связи, так и для распространения своих идеологий в массы. Власти активно борются с проявлениями экстремизма в сети, но повлиять на массовое сознание может в первую очередь именно создание положительного образа различных культур, национальностей и т.д. в Интернет-пространстве. Но ввиду его огромного масштаба, необходимо привлекать к борьбе с экстремизмом наиболее популярные у современного интернет-пользователя ресурсы. Возможности интернета должны быть активно использованы не только для выявления потенциальных террористов и экстремистов, но и для формирования негативного отношения к различным материалам экстремистской направленности.

Большинство людей информацию о других странах получает именно из СМИ, не будучи при этом прямым участником международных событий. При этом в СМИ зачастую формируются пропагандистские стереотипы в целях заинтересованных в этом социальных слоев и групп. На наш взгляд, СМИ должны предпринять следующие шаги, направленные на борьбу с экстремистскими идеологиями:

1. Создание эффективного непротиворечивого положительного имиджа различных национальностей, культур, религий и т.д., созданного вне контекста политических усилий.

2. Отказ от стереотипов. Стереотипы – это одно из мощнейших средств для манипуляции массовым сознанием. Стереотипы действуют как постоянно навязывающиеся обществу стандартные единообразные варианты понимания социально-политических ситуаций, они работают как негативно окрашенные «аксиомы», из раза в раз повторяющиеся и использующиеся средствами массовой информации.

3. Не искажать образ стран, подходя к освещению событий конкретно и аргументировано, не допускать игнорирования подобных precedентов в зарубежных СМИ.

4. Несмотря на все возможные последствия не следует уклоняться от мощи общественного воздействия, которой наделены средства массовой коммуникации и при необходимости использовать все ресурсы СМИ для создания положительных национальных характеристик.

Также и Интернет-СМИ должны участвовать при решении проблем, связанных с борьбой с экстремизмом, активизацией общественного мнения, воспитанием общественного правового сознания. Интернет влияет на установки людей с различными этнокультурными идентичностями. В условиях конфликта он нередко служит действенным средством этнической мобилизации. Ввиду деструктивного характера конфликтных межэтнических противостояний, закономерно утверждать о необходимости положительно направленного воздействия на общество как отдельных интернет-блогеров, так и периодических СМИ, которые должны снижать нарастание ксенофобии и положительно влиять на этноконтактную ситуацию.

Список использованных источников

1. Арапова, Г.Ю. Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / Г.Ю. Арапова, С.И. Кузеванова. – Воронеж: Элист, 2011. – 128 с.
2. Салимовский, В.А., Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В.А. Салимовский // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 71–80
3. Холопова, Е.Н., Аринцева, И.К. Выявление материалов с признаками экстремизма / Е.Н. Холопов, И.К. Аринцев // Вестн. Калининград. филиала АНОВО «Международный университет в Москве»: Сб. ст. / Под ред. А.А. Ярцева. – Калининград: Искра, 2015. – Вып. 6. – С. 185–191.

© Guryanova D.I., 2017

MEDIA AS A CHANNEL TO OVERCOME EXTREMIST IDEOLOGIES

With the phenomenon of extremism makes no sense to deal only with government assistance. Background of extremist ideology are the same as the ways of dealing with it. Overcoming extremism in Russia is possible by adjustment of the mass consciousness, so there is a need for programmes aimed at overcoming ethnophobia. It requires the participation not only of government, academics, community leaders, the media and mass culture. In the first place, should be intensified in this direction the youth media, which should be aimed at creating an atmosphere of tolerance and patriotism: to disseminate the importance of the value of cultural traditions of different peoples and intercultural dialogue.

Keywords: media, media, extremism, extremist ideology.

СПОРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: КУРИЛЬСКИЙ ВОПРОС

Вопрос спорных территорий современности занимает одно из ключевых мест в развитии дипломатических отношений и политической науки в целом. Статья посвящена освещению тематики о взаимных претензиях России и Японии по Курильскому вопросу. Предпринимается попытка оценить современное состояние проблемы, изучить исторические корни законности спорных территорий.

Ключевые слова: спорные территории, Курильский вопрос, российско-японские отношения, политические претензии.

Современная политическая карта мира имеет довольно определенные границы государств. На первое место в решении территориальных споров в настоящий момент выходит развитие дипломатические отношения заинтересованных стран. Существующие политические претензии определяют общий климат общения между государствами на международной арене. Среди актуальных вопросов в территориальных претензиях следует назвать многолетний российско-японский спор в отношении принадлежности части Курильских островов, решение которого несет практическую значимость для обоих государств.

Курильские острова имеют несколько важных значений для каждой из претендующих стран. Наибольший вес составляет военное преимущество, которое заключается в наличии единственного выхода в Тихий океан в зимнее время года из-за географических особенностей: там располагаются уникальные незамерзающие проливы. Экономическое значение состоит в добыче полезных ископаемых (металлы, углеводороды, драгоценные металлы), использовании вод, ловли рыбы и сельскохозяйственных нужд. Курильские острова представляют собой особый интерес для туристов: существует множество видов экстремальных развлечений и нетронутых объектов природы [6].

Первоначальное развитие вопрос о Курилах получает еще в XVII в., а к XXI в. все еще является одним из актуальных. В 1635 г. впервые стало известно об открытии новых территорий после японской экспедиции на остров Хоккайдо, итогом которой стала впервые составленная карта неизведанной местности.

Россия начала изучение спорных территорий в 1646 г. после похода Ивана Москвитина к Охотскому морю [7]. Спустя 92 года, научная экспедиция Мартына Шпанберга составила атлас под общим названием «Генеральная карта России», включающая Курильские острова (общим количеством около сорока). С того времени, для посещения указанных территорий необходимо было получить политическое разрешение российских властей. В 1786 г. официально был издан нормативно-правовой акт в форме указа о закреплении претензий России на Курильские острова, открытые русскими мореплавателями [2]. После публикации указа все указанные территории были отмечены указателями с государственной российской символикой и знаками на медных досках. Прецедентов, оспаривающих данный шаг, не отмечается [5].

Первым дипломатическим соглашением по Курилам России и Японии считают Симодский трактат (1855), решающий дискуссии в отношении торговли и государственных границ [10]. По этому документу к территории Японии отходила группа островов, крупнейшими из которых были Итуруп, Кунашир, Шикотан. Оставшиеся острова продолжали относиться к протекторату России. Подписанный спустя 20 лет в Петербурге договор определил принадлежность всех 18 Курильских островов Японии, а Россия присоединила японскую часть Сахалина. Другая, южная часть, была отдана Японии после войны 1905 г. [1, с. 11].

Повторно спорный вопрос был поставлен в конце Великой Отечественной войны. Япония состояла в коалиции с Германией; в течение военных действий почти все ее территории контролировались Соединенными Штатами. Поэтому в феврале 1945 г. после проведения согласительных процедур СССР получил гарантии возврата спорных Курил и части Сахалинского острова при объявлении войны Японии. В конце января следующего года Курильские острова и группа островов Хабомаи передавались Советскому Союзу [3], с момента чего образуется и развивается новый регион, Южно-Сахалинская область.

В 1956 г. СССР предложил передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, посредством подписания мирного соглашения между странами [13]. Однако, Соединенные Штаты, оказы-

Рисунок 1 – Спорные территории Курильских островов

вающие значительное влияние на японских политических лидеров, побудило их настаивать на возврате не двух, а четырех островов, что затянуло и усложнило переговорный процесс [9].

В течение 2-й пол. XX в. Курильский вопрос поднимался не единожды, но оставался нерешенным и препятствовал урегулированию отношений между Россией и Японией.

В XXI в. вопрос принадлежности Курил получил новое развитие. В 2004 г. Россия признала действие Декларации 1956 года и предложила подписание мирного соглашения. Однако, президент России, Владимир Путин, заявил о том, что объем требований, который выполнит Россия, будет равен объему обязательств, выполненный партнерами [4]. Япония же всегда была намерена получить больше, чем два острова, в чем имеется поддержка Соединенных Штатов. В 2005 г. попытка подписания соглашения на условиях Декларации 1956 г. повторилась, но в этом случае японские власти ее отвергли.

К современным претензиям японской стороны относятся часть островов Курильской гряды, крупнейшими из которых являются Шикотан, Итуруп, Кунашир. Официальной причиной необходимости возврата спорных территорий Токио называет исторические корни принадлежности и желание народа страны Восходящего солнца отправлять религиозные и культурные культы на могилах соотечественников, похороненных на указанных территориях в ходе военных действий XX в. Однако более реальными причинными видятся возможность

переселения части населения из густонаселенной современной Японии, расширение рыбного промысла и расширение стратегической позиции государства. Нижеприведенный рисунок [8] показывает географическо-экономическое положение спорных территорий.

В 2007 г. для урегулирования территориальных споров Россия согласилась на помощь от японцев в развитии Дальнего Востока, заключающееся в увеличении темпов роста атомной энергетики, обеспечении высокоскоростной связи европейско-азиатских стран, развитие инфраструктуры. Москва также показала стремление к взаимному сотрудничеству в области туризма и безопасности. Но в мае 2009 г. премьер-министр Японии назвал территорию Курильских островов «незаконно оккупированными» [12]. Такое высказывание в МИД России было признано некорректным по отношению к суверенитету государства.

На заседании японского парламента в середине 2009 г. были приняты поправки, касающиеся вопроса о принадлежности к территории Японии четырех островов южной части Курильского архипелага. Однако Россия заявила о невозможности подписания мирного соглашения до момента отказа от вышеуказанных поправок. В следующем месяце поправки были отменены [12]. Представители российских властей постоянно посещают спорную территорию островов для обсуждения вопросов безопасности, строительства объектов гражданской и пограничной инфраструктур, а также развития и модернизации региона [14].

На современном этапе развития межгосударственных отношений России и Японии президенты России Владимир Путин и премьер-министр Японии Синдзо Абэ высказывают намерение подписать соглашение, касающееся совместного экономического развития двух стран [14]. Оно включает в себя вопросы туризма, переработки мусора, ветроэнергетики, марикультуры и тепличного хозяйства. Кроме того, планируется обсудить совместный проект строительства моста между островами Хоккайдо и Сахалин. С 2017 г. вступили в силу новые правила получения туристических виз для посещения обеих стран гражданами обоих государств.

Каждая из сторон надеется разрешить спор в свою пользу: Япония рассматривает совместную деятельность на Курилах как путь к разрешению вопроса спорных территорий, Россия планирует привлечь инвестиции партнера для развития отдельных регионов. Также, Абэ заявил, что при встрече с главой Российского государства поднимет вопрос заключения мирного договора [12].

Основная позиция России заключается в том, что после завершения Второй мировой войны южная часть Курильских островов легитимно вошла в состав СССР, и, следовательно, Российской Федерации как правопреемника союза, по основаниям, которые закреплены в уставе ООН и оспаривать основание на владении этими территориями не имеет смысла. Кроме того, министр иностранных дел России заявил о том, что подобные межгосударственные вопросы не могут быть решены при помощи референдума.

Япония, напротив, считает, что территория Курильских островов была занята Россией незаконно. Такое мнение было поддержано Соединенными Штатами Америки. Для решения этого вопроса Япония активно работает над созданием мирного договора с РФ. Так, в случае присоединения территорий к Японии, новая власть не будет устанавливать жестких сроков и требований для их возврата. Права и интересы российских граждан, проживающие на Курилах, будут учтены, жители будут обеспечены достаточным временем для того, чтобы покинуть острова.

Текущий статус подписания мирного соглашения между двумя государствами находится в затруднительном положении: ни одна из сторон не признает полноты и законности претензий другой. По мнению России, все спорные территории, включая остров Сахалин, относятся к РФ на легитимных основаниях, согласно результатам Второй мировой войны.

Япония, с другой стороны получившая поддержку США, пытается доказывать на мировом уровне незаконность современного состояния. С ее стороны, мирное соглашение вероятно лишь при возвращении всех спорных территорий. Дальнейшее развитие российско-японских отношений интересно также и с позиции совершенствования дипломатии и взаимного компромисса. Именно по этой причине изучение Курильского вопроса является важнейшим на современном этапе развития русско-японских отношений.

Список использованных источников

1. Вопрос суши. Почему Россия никогда не отдаст Японии Южные Курилы [Электронный ресурс] URL: http://www.aif.ru/society/history/vopros_sushi_pochemu_rossiya_nikogda_ne_otdast_yaponii_yuzhnye_kurily (дата обращения: 07.03.18).
2. Зиланов, В.К., Кошкин, А.А., Плотников, А.Ю., Пономарев, С.А. Русские Курилы: история и современность [Текст] / [и др.] // Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2015.
3. История российско-японского территориального спора. Досье [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/info/3873269> (дата обращения: 06.03.18).
4. Кузьминков, В.В. Курилы – земля российская: о необоснованности территориальных претензий Японии к России [Текст] / В.В. Кузьменков // Свободная мысль. – 2013. – №4. – С.117-130.
5. Курилы – острова в океане проблем [Текст] / под ред. Проф. В.В. Журавлева. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998.
6. «Курильская проблема» и национальные интересы России [Электронный ресурс] URL: <http://geo-politica.info/quotkurilskaya-problemaquot-i-natsionalnye-interesy-rossii.html> (дата обращения: 05.03.18).
7. Курильские острова в российско-японских отношениях: факты, события, комментарии [Текст]. – Южно-Сахалинск: Комитет международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей Сахалинской области, 2007.
8. Курильские острова, на которые претендует Япония [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/infographic/20110218/166650323.html> (дата обращения: 07.03.18).
9. Курильский вопрос [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/2010/11/10/kuril_vopros/ (дата обращения: 08.03.18).
10. Кутаков, Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений [Текст] / Л.Н. Кутаков. – М.: Издательство Института международных отношений, 1962.
11. Кутаков, Л.Н. Портсмутский мирный договор [Текст] / Л.Н. Кутаков. – М.: Соцэкгиз, 1961.
12. Проблема Курильских островов в отношениях России и Японии [Электронный ресурс] URL:

<https://ria.ru/spravka/20120424/632862793.html> (дата обращения: 05.03.18).

13. Романова, А. Российско-японские отношения: история и современность // Молодой ученый. – 2016. – №17.1. – С. 112-116. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/121/33596/> (дата обращения: 07.03.18).

14. Сможет ли Путин на возвращение Японии Курильских островов? [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38325710> (дата обращения: 07.03.18).

© Davydova E.A., Subbotina I.A., 2018

**THE DISPUTABLE TERRITORIES
OF THE MODERN WORLD:
KURILE ISLANDS' ISSUE**

The disputable territories's issue here and now takes one of the key places in development of diplomatic relations and political science in general. The article is devoted to the theme of Russia- Japan mutual claims about the Kuril islands' issue. The attempt is made to estimate the current state of the problem, to study the historical roots of the disputable territories legality.

Keywords: *disputable territories, the Kuril issue, Russian-Japanese relations, political claims.*

«МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ...»: АФРИКАНСКАЯ ТЕМА В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА

В статье исследуются поэтические мотивы Н.С. Гумилёва.

Ключевые слова: лирический герой, «Серебряный век», символ, идея.

Николай Степанович Гумилёв – один из замечательных поэтов прошлого столетия, яркая звезда на небосклоне литературы Серебряного века, человек с большим талантом и трагической судьбой.

Мир, который создал в своих стихах Н. Гумилев, глубоко национален. Это и характерный для русской литературы образ странника, скитающегося в поисках красоты, истины, и мысль о жертвенности, страдании как благодати и святости, и ощущение своей случайности в этой жизни, и глубокая любовь к России.

И в то же время, это мир особенный и неповторимый. Мир мечты, надежды, дорог и открытий, где он и рыцарь, и странник, и зодчий, и певец. Лирический герой Н. Гумилева был странствующим рыцарем, сам же поэт, как охарактеризовала его А. Ахматова, «великий бродяга был». Страсть к путешествиям зародилась еще в детства, когда поэт, будучи маленьким мальчиком затаив дыхание, с большим вниманием и интересом, слушал рассказы отца (корабельного врача) о его плаваниях по морям-океанам и военные истории дяди-адмирала.

Еще тогда в нем родилась мечта побывать там, где горячее солнце, неприветливые леса, таящие различные опасности, где девушки с эбеновой кожей. Мечта об Африке: «Оглушенная ревом и топотом, / Облаченная в пламя и дымы, / О тебе, моя Африка, шепотом / В небесах говорят серафимы» [2, с. 62].

Африка не давала покоя – она звала к себе, и он тосковал о ней. Эта тоска выражалась в мечтах, желаниях, стихах и прозе: «Там роши стройных пальм с широкими листьями и его спелыми оранжевыми плодами теснятся вокруг серебряных ручьев, где запах ириса и пьяного алоэ. Там солнце, ласковое и нежное не дышит зноем, его сияние сливается с прохладой ветров. Там пчелы темного золота садятся на розы, краснее, чем мантии древних царей» [1, с. 39].

«Блещет воздух, налитый золотым огнем / Солнце сказочной птицей глядит с высоты» [2, с. 76].

Жажда Африки после каждой новой поездки обострялась. Она стала для него местом, сохранившим естественную и первозданную красоту, что всегда притягивало Н. Гумилева. Неслучайно, когда он говорит об Африке, символы чистоты: снег и роза, белый и алый – присутствуют в его стихах: «Красный идол на белом камне / Мне поведал разгадку чар» [2, с. 98].

Окунуться в первозданную чистоту, изведать опасность, раскрепоститься, отречься от суеты и забот и отдаться мечте – это позволяла поэту Африка.

Она давала свободу отваге, мужской силе, дерзкому поступку и воображению.

Для ума она была возможностью поразмышлять о том, кто ты есть вдали от цивилизации, от научных достижений, от той моральной и нравственной основы, которая закладывалась еще с детства. Что ты понял и принял, и с чем ты пришел на эту землю.

Для тела она была испытанием физических сил, воли, давала простор сильному поступку, пусть иногда опрометчивому и безрассудному.

И, самое главное, Африка – это то, что давало душе поэта покой и отдых, позволяло забыть, спасало от мрачных мыслей. То, что он утратил в жизни окружающей, он находил в Африке: мечту, радость, смысл, интерес.

Африка становится единственным благодатным моментом его жизни и единственной темой его творчества, которая остается недоступной разочарованию и отчаянию.

«Сердце Африки пенья полно и пыланья, / И я знаю, что если мы видим порой, / Сны, которым найти не умеем названья, / Это ветер приносит их, Африка, твой» [2, с. 107].

Африка явилась непосредственной представительницей нынешней ступени цивилизации, сохранив остатки предыдущих. Пребывание там позволило Н. Гумилеву проследить и проверить свою идею развития человечества от каст творцов, воинов, купцов к касте поэтов-друидов. Такая эволюция соответствовала ницшеанскому движению к сверхчеловеку.

Таким образом, в концепции Н. Гумилева объединились идея всеединства В. Соловьева и идея эволюции Ф. Ницше. Африканская тема органично включается в концепцию мира и человека, предложенную поэтом в своих стихах.

Но жажда Африки не была его эгоистической страстью, она послужила людям, так как

Н. Гумилев был практически первым европейцем, который с серьезными научными целями проходил по этим землям. Маленькая экспедиция продвигалась, записывались точные сведения о дорогах, о местных жителях, о погоде, о климате, об условиях жизни. Свое задание Гумилев выполнил блестяще, так как привезенные им экспонаты стали основой африканского фонда музея этнографии в Петербурге.

«Есть Музей этнографии в городе этом, /
Над широкой, как Нил, многоводной Невой, /
В час, когда я устану быть только поэтом, /
Ничего не найду я желанней его... / ... Я хожу
туда трогать дикарские вещи, / Что когда-то я
сам издалека привез...» [2, с. 138].

«У каждого творца свое измерение. У Гумилева оно трехмерно. Это – его стихи, проявление своего «я» в войне и его Африка – одно из трех составляющих мира души поэта. Так же, как он – поэт, воин, он – путешественник, не только исследовавший малоизвестные земли и народы, но и непревзойденно воспевавший их» [3, с. 56].

Список использованных источников

1. Богомолов, Н.А. Николай Гумилев [Текст] / Н.А. Богомолов. – М.: Худ. литература, 2014.
2. Гумилев, Н.С. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н.С. Гумилев. – СПб.: Питер, 2016.
3. Клинг, О.А. Русская поэзия начала XX века [Текст] / О.А. Клинг. – СПб.: Знание, 2011.
4. Андре Ф.С.М., Хациева И.А. Войны в культуре доколониальной Анголы [Текст] / Ф.С.М. Андре, И.А. Хациева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специ-

альный выпуск, посвященный III Мальцевским краеведческим чтениям «Война в судьбах поколений». Межвузовская научная конференция, 21 октября 2016 г., г. Балаково / под общ. ред. канд. филос. наук, Л.Р. Миролюбовой. – Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – С. 68-69.

5. Постников С.В. Философия войны в контексте развития современных культурно-исторических формаций [Текст] / С.В. Постников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: специальный выпуск, посвященный III Межд. науч.-практ. конф. «Проблемы войны и мира в свете практической философии: неокантианство и современный мир», 22 апреля 2016 г., г. Саратов / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л.И. Тетюева. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – С. 74-77.

Постникова О.А. Состояние системы нравственного воспитания офицерства Российской армии XIX – начала XX вв. [Текст] / О.А. Постникова // Актуальные проблемы социально-экономических наук: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. канд. тех. наук, доц. ген.-майора М.М. Горбунова. В 2-х частях. Ч. 1. – Саратов–Вольск: «Научная книга», ВВВУТ (ВИ), 2007.

© Davydova S.A., 2017

**«THE MUSE OF DISTANT WANDERINGS...»:
THE AFRICAN THEME IN THE LYRICS
OF N. GUMILEV**

Poetic motifs of N.S. Gumilev.

Keywords: lyric hero, «Silver age», symbol, idea.

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ КЛИФФОРДА ГИРЦА: ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье анализируются философские основания и предпосылки интерпретации культуры как символической системы в культурной антропологии Клиффорда Гирца. Рассматривается вопрос о месте семиотики культуры Гирца в контексте современной постметафизической философии.

Ключевые слова: семиотика культуры, культурная антропология, философия культуры, семиотический поворот, Клиффорд Гирц.

В XX в. наиболее значительные концептуальные и методологические изменения в социальных науках были связаны с *лингвистическим поворотом*. Одним из индикаторов лингвистического поворота в философии и социально-гуманитарном познании стало возникновение *семиотики культуры*, получившей своё концептуальное обоснование в работах Ролана Барта, Умберто Эко, Клиффорда Гирца, представителей Московско-тартуской школы. В последние десятилетия семиотический подход получает все большее распространение в исследованиях общества и культуры, что позволяет говорить о *семиотическом повороте* в социально-гуманитарных науках [14, с. 5-17].

В данной статье мы остановимся на исходных философских предпосылках, лежащих в основании семиотики культуры Клиффорда Гирца, и рассмотрим вопрос о месте данной концепции в контексте современной постметафизической философии культуры.

В отечественной литературе отдельные аспекты интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца анализировались в работах А.Л. Елфимова [6], Н.В. Новиковой [12], О.Б. Христофоровой [17], В. Костырко [8], В.Н. Килькеева [7] и некоторых других авторов, однако, эти исследования носят по преимуществу обзорный характер, философские основания семиотического понимания культуры в них специально не рассматривались.

1. Философские предпосылки и основания семиотической трактовки культуры.

Исходные предпосылки семиотического подхода к культуре в «интерпретативной антропологии» Клиффорда Гирца можно сформулировать в виде следующих тезисов:

1. Различение между «семиотическим» и «несемиотическим» (символическим и несимволическим) в человеческом бытии имеет базовый, конститутивный для культуры характер.

2. Между культурой, к которой принадлежит исследователь, и культурой, которую он изучает, всегда существует неустранимый семиотический барьер. Различение между «своей» и «чужой» культурой является конститутивным для социально-гуманитарного знания.

3. В контексте семиотики культуры интерес представляет не онтологический статус и происхождение (генезис) явлений, а их значение.

Рассмотрим подробнее каждый из этих пунктов.

1. Клиффорд Гирц в работе «Интерпретация культур» (The Interpretation of Cultures, 1973) [18] проясняет различие между *семиотическим* и *несемиотическим* в человеческом бытии на примере феноменов *морганя* и *подмигивания*.

Натуралистически ориентированные теории культуры (в частности бихевиоризм) не способны концептуализировать различие между актами морганя и подмигивания. Между тем, именно осознание фундаментального различия между этими внешне неразличимыми феноменами является ключевым для семиотической (интерпретативной) теории культуры. Простое моргание, свойственное не только человеку, но и животным, не является семиотически значимым феноменом, тогда как подмигивание (или передразнивание подмигивания) представляет собой *символическое действие*, смысл которого определяется культурным контекстом и выявляется в ходе интерпретации. В этой связи Гирц, вслед за Гилбертом Райлом, различает два типа описания – «ненасыщенное», предполагающее поиск *причин* действий и явлений, и «насыщенное», заключающееся в выявлении *значений* через соотношение описываемого явления с культурным контекстом.

Пример с морганием и подмигиванием интересен тем, что позволяет наглядно проиллюстрировать две методологические крайности в исследовании культуры, два типа редукционизма. В одном случае (постструктурализм, постмодернизм, культурный релятивизм) за любым «морганьем» усматривается «подмигивание», а весь универсум отождествляется с *универсумом культуры*, миром знаков. Во втором случае (эволюционизм, бихевиоризм) «подмигивание» рассматривается как нечто, обусловленное способностью человека к «морганью». В обоих случаях граница между

«подмигиванием» и «морганием», символическим и несимволическим размывается или даже вовсе стирается.

Какое бы внимание ни уделялось символическим действиям в контексте семиотически ориентированной культурологии, необходимо признать, что далеко не все проявления человеческого бытия имеют семиотическое значение. Впрочем, здесь необходимо уточнение: не всякое проявление человеческой активности имеет символический смысл, но при определённых обстоятельствах и в определённых контекстах оно *может* его приобрести. Из этого следует, что главная и всегда сохраняющая свою актуальность задача исследователя культуры заключается в том, чтобы отличать несيميотическое «моргание» от семиотического «подмигивания», а методологическая состоятельность той или иной исследовательской программы определяется тем, насколько эффективно она позволяет это делать.

2. Семиотика культуры признаёт в качестве исходной ситуацию культурного *многоязычия*. Культура, будучи исторически сложившейся системой значений, задающих правила интерпретации символических действий, а также способы различения символического и несимволического, никогда не существует в единственном числе. Культура как «семиосфера» (термин Ю.М. Лотмана [10]), всегда граничит с другими семиосферами.

Поскольку между культурой, к которой принадлежит исследователь (и та научная дисциплина, в рамках которой он работает), и культурой, которую он изучает, всегда существует семиотический барьер, постольку для семиотически ориентированной культурологии имеет принципиальное значение различие между *первичными* интерпретациями знаков и символических действий, которые вплетены в ткань самой социально-культурной жизни, и интерпретациями второго порядка. Интерпретации первого порядка осуществляются носителями культуры (это всегда интерпретации *своей* культуры), тогда как интерпретации, которые даёт культуролог или этнограф, представляют собой интерпретации второго порядка. Задача всякого исследования культуры в этой связи заключается в том, чтобы сделать чужую культуру *понятной*, не устранив её статуса «чуждости». Как справедливо отмечает О. Христофорова, исследование культуры в трактовке Гирца «становится не (ре)конструированием, а чтением» [15, с. 36], поскольку «культура, чем бы она ни представлялась взгляду ученого, для местных жителей является “текущим” текстом-набором символов (или совокупностью текстов-событий), и стратегия исследователя состоит в том, чтобы, погружившись в

сеть взаимоотношений людей, научиться читать этот текст на их языке» [15, с. 36].

Решающее значение в контексте семиотической (интерпретативной) теории культуры приобретает вопрос о «соизмеримости концептуальных структур одного дискурсивного сообщества с другим» [2, с. 6]. Данный вопрос выражает один из аспектов *проблемы перевода*, суть которой заключается в том, «как понятия из одной системы значений могут быть выражены в другой системе» [2, с. 6]. Не будет преувеличением сказать, что именно проблема перевода стала центральной не только в семиотике культуры, но и во всей лингвистически и семиотически ориентированной философии XX в. В решении этой проблемы Гирц стремится избежать двух крайностей: теории абсолютной переводимости, игнорирующей семиотический разрыв между различными культурами, и теории абсолютной неперебиваемости, делающей этот разрыв непреодолимым.

Цель культурной антропологии как интерпретативной науки (теории символического действия) Клиффорд Гирц усматривает в «расширении границ общечеловеческого разговора» [1, с. 21]. «Расширение границ» даёт прирост понимания, но не означает преодоления семиотической дистанции между тем, что происходит с точки зрения *представителей* изучаемой культуры, и тем, что происходит с точки зрения *исследователя*, изучающего данную культуру.

Заметим, что к сходным выводам приходит и Ю.М. Лотман в своей теории культурной коммуникации, ключевое положение которой гласит: познание чужой культуры представляет собой не просто перевод её «терминов» на язык собственной культуры, но предполагает поиск и обретение *общего* языка [4, с. 85-96]. В этом смысле семиотически ориентированная теория культуры органически включает в себя как теорию *диалога*, так и теорию *перевода*.

3. Семиотический подход к культуре не предполагает выстраивания иерархии разнородных фактов: биологических, социальных, психологических, культурных. Культура, как отмечает Клиффорд Гирц, «не некая сила, к которой причинно-следственным образом могут быть отнесены явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы; она – контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т. е. “насыщенно”, описаны» [1, с. 21].

Семиотика абстрагируется от традиционных споров о том, чем является культура и какова природа культурных артефактов: «Как только мы начнем рассматривать поведение человека <...> с точки зрения символического действия – действия, которое нечто обозначает

<...>, – вопрос о том, является ли культура моделью поведения, или складом ума, или одновременно и тем и другим, теряет смысл» [1, с. 21]. Данный фрагмент можно пояснить с помощью уже приведённого примера: никаких *онтологических* различий между морганием, подмигиванием, пародийным подмигиванием и репетицией подмигивания не существует, различия между перечисленными феноменами имеют не онтологическую, но культурно-символическую природу.

2. Ключевые аспекты семиотического понимания культуры.

Остановимся теперь на некоторых ключевых аспектах семиотического понимания культуры в концепции Клиффорда Гирца.

Семиотическое понимание культуры противостоит широко распространённому среди культурологов и антропологов взгляду на культуру как один из «уровней» (высший) человеческого бытия. Концепцию, постулирующую иерархическую взаимосвязь между уровнями человеческого бытия, Гирц называл «стратиграфической» [1, с. 47-48]. Согласно этой концепции, «человек состоит из нескольких “уровней”, каждый из которых покоится на тех, что находятся ниже него, и поддерживает те, что выше» [1, с. 47]. Как правило, выделяют четыре уровня: биологический, психологический, социальный и культурный, из которых последний «слой» рассматривался как единственный, присущий исключительно человеку. В рамках стратиграфического понимания культуры постулируется, что под «пёстрым слоем культуры» скрываются структурно-функциональные закономерности социальной организации, инвариантные по отношению к культурно-историческому многообразию. В основании же социальных структур лежат явления психологического порядка (например «базовые потребности»), а последние, в свою очередь, фундаментальны биологическими (анатомическими и физиологическими) факторами.

Привлекательность данной концепции в глазах исследователей культуры была связана с тем обстоятельством, что она позволяла отделить факты культуры от всех прочих фактов (социальных, психологических, биологических). Такой подход давал возможность интерпретировать *факты культуры* на фоне явлений, не относящихся к области культуры. Стратиграфическая теория культуры, опирающаяся на универалистское понимание человеческой природы, ориентирует исследователя на поиск всеобщих культурных форм, инвариантных по отношению к конкретному культурному многообразию. Культура в этом случае закономерно рассматривается как *один из факторов* человеческого поведения наряду с

другими (социальными, психологическими, биологическими). В противоположность этому семиотика исходит из того, что установление универсальных для всех народов и культур межуровневых взаимосвязей невозможно. Можно *проводить параллели* между фактами культуры и социальными или психологическими фактами, но невозможно установить между ними всеобщую инвариантную функциональную взаимосвязь.

Согласно семиотической трактовке, культура представляет собой не *фактор* человеческого поведения, но *контекст* «насыщенного» (понимающего) описания и объяснения человеческих действий. «Насыщенное» описание, в отличие от «ненасыщенного», предполагает *интерпретацию* и *понимание* описываемых явлений. В интерпретативной антропологии Гирца культура представляет собой *конкретную* систему значений, которая задаёт контекст интерпретации тех или иных «символических действий».

Другой важный аспект культуры в рамках семиотической трактовки связан с упорядочиванием человеческого опыта. Культура рассматривается как совокупность внегенетических механизмов формирования и структурирования опыта, причём эти механизмы имеют семиотическую природу. В этом пункте семиотическая концепция культуры оказывается неразрывно связана с новым пониманием человека. Суть человеческого способа существования, согласно Клиффорду Гирцу, составляют не эмпирически универсальные аспекты человеческого поведения, а механизмы (программы), «при посредстве которых широта и неопределённость его врожденных способностей оказываются редуцированными до узости и конкретности его реальных достижений» [1, с. 56]. Семиотическая трактовка культуры как набора внегенетических программ, управляющих поведением человека, таким образом, инициирует возобновление исконного философского вопроса о человеке и разработку новой неуниверсалистской, неэссенциалистской, нередукционистской философской антропологии. «Быть человеком, – пишет в этой связи Клиффорд Гирц, – не значит просто дышать; это значит контролировать свое дыхание, контролировать его при помощи техники вроде йоги <...>. Это значит не просто есть; это значит отдавать предпочтение определенной пище, приготовленной определенным образом, и соблюдать строгий застольный этикет во время ее приема» [1, с. 66]. В приведённом фрагменте, разумеется, не содержится исчерпывающего ответа на вопрос о том, что такое человек с культурно-семиотической точки зрения, скорее, здесь можно обнаружить основание для продуктив-

ного обсуждения данного вопроса. Семиотическая теория культуры позволяет понять неразрывную взаимосвязь человека и культуры, не растворяя при этом человека в истории и семиотическом универсуме и не отождествляя «мир» с «миром культуры».

Результатом семиотического поворота (сам Гирц предпочитал говорить о *повороте к значению* [3, с. 19]) становится понимание культуры как *набора значимых символов*. Клиффорд Гирц уподобляет символы культуры *источникам света*, необходимым человеку для того, чтобы ориентироваться в мире, действовать, принимать решения. Культурные символы необходимы потому, что «несимволические источники, органически заложенные в его теле, дают освещение слишком рассеянное» [1, с. 57]. В этом смысле человек есть существо, в наибольшей степени зависимое от внегенетических источников информации. Культурные символы являются не просто *проявлением* и инструментом человеческого бытия (с этим тезисом не стал бы спорить ни один теоретик культуры), они представляют собой его *необходимые условия*.

Примечательно, что Клиффорд Гирц в своей интерпретативной теории культуры не проводит последовательного разграничения между *символическим* и *семиотическим*, «символом» и «знаком», рассматривая эти понятия как синонимы. Термин «символ» используется им «в отношении любого предмета, любых действий, явлений, свойств или связей, которые могут служить средством передачи и восприятия смысла» [1, с. 108]. С точки зрения эмпирического изучения культуры в рамках этнографии и культурной антропологии, которое по преимуществу и интересует Гирца, различие «знака» и «символа», может быть, избыточно, однако, в перспективе разработки общей семиотической теории культуры оно представляется важным.

Задача разграничения этих понятий неоднократно ставилась и по-разному решалась философами, семиотиками, культурологами [11; 13; 15; 16]. Вопрос этот, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, в контексте же данной статьи целесообразно ограничиться следующим замечанием. Если *знаки* подлежат интерпретации в рамках социальной жизни (интерпретации первого порядка) или процессе исторического, этнографического, культурологического исследования (интерпретации второго порядка), то *символы* задают контекст и ориентиры интерпретации. Символы, взятые в их совокупности и взаимосвязи, позволяют рассматривать ту или иную культуру как относительно устойчивую семиотическую целостность. В этом смысле символы составляют сво-

его рода *метаязык* культуры, позволяющий описывать и интерпретировать знаковые системы (различные языки) культуры.

3. *Семиотика культуры Гирца в контексте классической и неклассической философии.*

Семиотическая трактовка культуры, представленная в интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца, может рассматриваться как одно из направлений в современном постметафизическом мышлении [5, с. 11-36].

Неметафизическая (и даже *антиметафизическая*) направленность семиотики культуры проявляется в следующих её особенностях: 1) антиэссенциализм, 2) антиаприоризм, 3) антиуниверсализм. Рассмотрим подробнее каждый из этих пунктов.

1. В философских спорах вокруг эссенциализма и антиэссенциализма, под знаком которых прошёл весь XX век, наиболее отчётливо проявляется взаимосвязь вопроса о *культуре* и вопроса о *человеке*. Философия культуры эпохи Просвещения (Руссо, Вольтер, Кондорсе) с характерными для неё принципами прогрессизма и европоцентризма опиралась на эссенциалистское понимание природы человека. Сущность человека усматривалась в разуме, а развитие культуры понималось как постепенная и поэтапная реализация идеала рациональности. Сама рациональность при этом выносилась как бы за пределы культуры и рассматривалась в качестве внеисторической универсалии. Рационализм эпохи Просвещения является всего лишь одной из модификаций (хотя и наиболее влиятельной) эссенциалистского понимания человека и культуры. Другие варианты эссенциализма представлены в различных теориях культуры XIX–XX вв. – как религиозных (неотомизм, диалектическая теология), так и натуралистических (эволюционизм, фрейдизм, этология человека, бихевиоризм).

Семиотика культуры Гирца, как и другие направления постметафизического мышления, претендует на разрыв с эссенциалистской трактовкой человека. Антиэссенциализм в культурологии и философии культуры означает отказ от задачи выделения какой-либо одной «определяющей» характеристики человека как носителя культуры, какого-либо одного «решающего» фактора культурной деятельности.

2. С эссенциализмом тесно связана другая значимая характеристика классических концепций культуры – *априоризм*. Под априоризмом в данном случае понимается способ построения теорий и организации знания. Разнообразные факты культуры (этнографические, лингвистические и прочие) при таком подходе играют по преимуществу *иллюстративную* роль, они призваны лишь подтвердить заранее уже принятую априорную схему.

В противоположность этому семиотический подход характеризуется подчёркнутой «микроскопичностью», разделяя постмодернистский скепсис в отношении «метанарративов» [9] и глобальных априорных схем общества и культуры. Смысл семиотического подхода заключается в том, чтобы открыть доступ к концептуальным моделям и способам мировидения изучаемых культур, сделать их более понятными, расширив тем самым пространство межкультурного диалога, а не в том, чтобы подвести всё культурное многообразие под ту или иную абстрактную объяснительную схему.

3. Классическая философия культуры с самого начала ориентировалась на поиск универсальных культурных форм, свойственных всем народам и историческим эпохам. Самыми значимыми для понимания сущности человека и специфики его бытия признавались *наиболее универсальные* факты социальной и культурной жизни. Семиотически ориентированная культурная антропология руководствуется иной презумпцией: неуниверсальность (партикулярность) культурного феномена отнюдь не означает, что он не может сказать нам ничего важного о сущности человека и культуры. В этой связи уместно привести остроумное замечание Клиффорда Гирца: «Представление, что если культурный феномен эмпирически не универсален, то он не может ничего сказать о природе человека, не более логично, чем утверждение, что раз серповидная клеточная анемия, к счастью, не универсальная болезнь, то она не может ничего сказать о генетических процессах у людей» [1, с. 55].

Критика просвещенческого универсализма в философско-культурологической мысли, как известно, началась с отказа от принципа европоцентризма и утверждения идеи множественности несводимых друг к другу культур, традиций, форм социально-культурного бытия. Однако в рамках целого ряда неклассических философских направлений XX в. («философия жизни» О. Шпенглера, структурализм К. Леви-Стросса, психоаналитическая философия К.-Г. Юнга) предпринимались попытки совместить идею плюрализма культурных традиций с проектом построения единой и универсальной теории культуры. Реализация этого проекта осуществлялась через выявление культурных универсалий, лежащих по ту сторону эмпирического многообразия конкретных форм и проявлений культурной жизни. Это «прасимволы» в «морфологии культуры» Шпенглера, «архетипы коллективного бессознательного» в концепции Юнга, инвариантные структуры социальной жизни в структурной антропологии Леви-Стросса.

Сходство семиотики культуры Клиффорда Гирца с упомянутыми теориями (особенно структурализмом) несомненно. Подобно структуралистам, Гирц рассматривает культуру как по преимуществу *языковую, текстовую* деятельность, акцентирует внимание на значимости интерпретации в процессе исследования. Имеются, однако, и существенные различия. Если структурализм предполагает рассмотрение культуры в качестве по преимуществу *закрытой* (самозамкнутой) и *статической* семиотической системы, в основании которой лежат неизменные и универсальные ментальные структуры, то в семиотике культуры Гирца делается акцент на *динамическом* аспекте бытия культуры, связанном с внутрикультурными и межкультурными формами коммуникации. Поддерживая антипсихологический и антисубъективистский пафос структурализма, семиотика культуры в то же время выступает против схематизма, априоризма и догматизма структуралистской методологии.

Антиуниверсалистская направленность семиотики культуры, проявляющаяся в недоверии к глобальным теориям социально-культурного развития (как линейно-стадиальным, так и циклическим), не означает капитуляции перед лицом культурно-исторического релятивизма и отказа от идеалов научного изучения, достоверного описания и теоретического осмысления культур.

Восходящий к идеям Н.Я. Данилевского, Ф. Ницше и О. Шпенглера культурно-исторический релятивизм, утверждающий аксиологическую и эпистемологическую *несоизмеримость* культур, во 2-й пол. XX в. получил мощный импульс благодаря теории (гипотезе) лингвистической относительности, разработанной американскими антропологами Э. Сепиром и Б. Ли Уорфом.

Релятивистская установка в культурологии и философии, отчётливо проявившаяся в работах некоторых постмодернистских теоретиков (Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти) и ставшая основой идеологии современного «мультикультурализма», является следствием, с одной стороны, разочарования в универсалистских концепциях культуры и человека, а с другой – нереализуемых требований и завышенных ожиданий в отношении культурологии. Культурный релятивизм последней трети XX в. во многом стал следствием неудачи структуралистского проекта построения культурологии по образцу «точных» наук.

Рассмотренные характеристики семиотики культуры Гирца (антиэссенциализм, антиаприоризм, антиуниверсализм) теснейшим образом взаимосвязаны. Так, отказ от эссенциалистского понимания человека означает также

признание невозможности конструирования априорной, предшествующей эмпирическому изучению конкретных культур, универсальной философии культуры.

Предложенная Клиффордом Гирцем семиотическая трактовка культуры как набора внегенетических программ человеческого поведения и совокупности значимых символов, задающих контекст миропонимания, находится в сложных и неоднозначных отношениях с такими влиятельными направлениями в философии культуры и культурологии, как эволюционизм, марксизм, структурализм, бихевиоризм, психоанализ, постструктурализм.

Дистанцируясь от натуралистических трактовок культуры, но в то же время осознавая опасность культурного релятивизма, интерпретативная антропология Клиффорда Гирца претендует на статус новой – неметафизической и постметафизической – теории культуры.

Список использованных источников

1. Гирц, К. Интерпретация культур [Текст] / К. Гирц; пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004.
2. Гирц, К. Как мы сегодня думаем: к этнографии современной мысли [Текст] / К. Гирц; пер. с англ. А.Л. Елфимова // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 2. – С. 3-16.
3. Гирц, К. Путь и случай: Жизнь в науке [Текст] / К. Гирц; пер. с англ. А.Л. Зорина // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 70. – С. 10-24.
4. Дёмин, И.В. Семиотическая интерпретация исторического познания в концепции Ю.М. Лотмана [Текст] / И.В. Дёмин // Философия и культура. – 2017. – № 11. – С. 85-96.
5. Дёмин, И.В. Философия истории в постметафизическом контексте: монография [Текст] / И.В. Дёмин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2015.
6. Елфимов, А.Л. Клиффорд Гирц: эволюция антропологических взглядов, 1950-е–1980-е гг. [Текст] / А.Л. Елфимов. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
7. Килькеев, В.Н. Клиффорд Гирц: концепция культуры и семиотический подход к её изучению [Текст] / В.Н. Килькеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 11. – С. 138-142.
8. Костырко, В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики [Текст] / В. Костырко // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 70. – С. 39-52.
9. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
10. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010.

11. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке [Текст] / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997.

12. Новикова, Н.В. Гирцизм в истории: возможности и пределы «интерпретативной» антропологии [Текст] / Н.В. Новикова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 5-10.

13. Пирс, Ч.С. Что такое знак? [Текст] / Ч.С. Пирс; пер. с англ. А.А. Аргаматовой // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3. – С. 88-95.

14. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография [Текст] / отв. ред. И.В. Дёмин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2018.

15. Тодоров, Ц. Теории символа [Текст] / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998.

16. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990.

17. Христофорова, О.Б. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии [Текст] / О.Б. Христофорова // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 70. – С. 32-39.

18. Geertz, C. The Interpretation of Cultures. – N.Y., 1973.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

© *Demin I.V.*, 2017

CLIFFORD GEERTZ'S SEMIOTICS OF CULTURE: PRESUPPOSITIONS AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

The article analyzes the philosophical grounds and prerequisites for the interpretation of culture as a symbolic system in Clifford Geertz's cultural anthropology. The article considers the question of the place of the Clifford Geertz's semiotics of culture in the context of modern post-metaphysical philosophy.

Keywords: *semiotics of culture, cultural anthropology, philosophy of culture, semiotic turn.*

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Стиль научного мышления, являясь формой предпосылочного знания, задает способ восприятия мира и определяет возможности его изучения. Если с естественнонаучным знанием все более или менее понятно, то в рамках гуманитарного сложно выделить основу, которая формирует стиль мышления. В статье рассматриваются сложности, с которыми встречается исследователь при изучении данного вопроса.

Ключевые слова: стиль мышления, эпистемология, редукционизм, сциентизм.

Одной из трудноразрешимых проблем гносеологии является определение стиля научного мышления и его признаков. Наиболее изученными в этом плане являются естественные науки. Стиль мышления в естествознании строится на основе эмпиризма и обладают логикой рассмотрения вопросов вне учета субъекта. Даже если последний и представлен, то рассматривается в объектных характеристиках [1, с. 73]. Следовательно, философские вопросы естествознания остаются вне интереса. Отказ от философского анализа гносеологических и методологических проблем естествознания может привести к тому, что в центре внимания исследователей окажутся проблемы, уже давно решенные философией. Кроме того, философский стиль мышления является обязательной предпосылкой всякого теоретического познания. Следовательно, рассмотрение стиля мышления в естественных и гуманитарных науках является важной задачей в рамках изучения процесса познания.

Рассматривая развитие и становление гуманитарных наук, можно увидеть существовавшую долгое время тенденцию противопоставления их естествознанию. Некритическая фундаментализация естественно-математических наук привела к неприятию гуманитарного поиска, патерналистскими настроениями в оценке деятельности гуманитариев. Формируемый технократической сферой сциентистский подход и гносеологический патронаж проявляется не только в упреках в неточности и нестрогости, но и в культивировании редукционизма – переосмысление вопросов гуманитарного знания с точки зрения и в терминах естествознания. Кроме того, в самом гуманитарном знании довольно широко распространена тенден-

ция сведения многообразия факторов к единому основанию, в чем находит проявление установка фундаментализма, свойственная классическому мышлению.

Вопрос о специфике гуманитарных наук является одним из важнейших в эпистемологической рефлексии с кон. XIX в. по настоящее время. В данном случае она осуществляется с целью выяснения оснований научно-познавательной деятельности, обоснование ее статуса как особенной области научного исследования. Данное обстоятельство предполагает формирование модели научного знания, что включает в себя обоснование критериев научности и их соотнесение с понятием «наука». С данной точки зрения в понимании специфики гуманитарных наук, в том числе и философии, возникало ряд проблем, в основании которых лежат различные обстоятельства.

Обратимся еще раз к классическому идеалу научности. В его основе лежит представление о подлинном знании как о знании обоснованном (фундаментализм), о наличии однозначного критерия научности знания, о наличии социально и исторически нейтральных стандартов научности и унификация различных областей науки. Однако данное понимание столкнулось с противоречием – реальной историчностью науки, историческим изменением ее внутренней и внешней структуры, изменением ее социального статуса в процессе исторического развития. Данный конфликт выразился в наличии противоположных эпистемологических позиций «интернализма» и «экстернализма», «нормативизма» и «дискриптивизма», которые приводят либо к фетишизации науки (в рамках логического позитивизма), либо к размыванию границ научного знания (представители «социологии науки»). В контексте данных диспозиций проблема определения статуса гуманитарных наук связана с несоответствием характера познавательной деятельности и форм ее знания с классической моделью научности, которая абсолютизирует естественно-математические стандарты познавательной деятельности. Поскольку в определенный момент накопленный гуманитарными науками эмпирический материал, формы традиций исследовательской деятельности нуждаются в теоретизации и концептуальной переработке, то здесь и возникает проблема ста-

туса. Не обладая собственным развитым категориальным и методологическим аппаратом, гуманитарные дисциплины ориентируются на высокий статус, в рамках рассматриваемой модели, математики и естествознания, что, в конечном счете, приводит к появлению редукционизма [2, с. 56].

В XIX в. наибольшее развитие получает сравнительно-историческое естествознание (в частности, теория Ч. Дарвина) и сразу же сравнительно-исторические методы получают свое распространение в археологии, антропологии, филологии. Это приводит к оформлению сравнительно-исторического подхода в гуманитарном знании, который основан на идее наличия единого методологического стандарта и единой интерпретации всех социокультурных феноменов. Параллельно с этим осуществляется попытка приложить методологию исследования органического мира к гуманитарному знанию, что приводит к биологическому редукционизму. Подобное нерелективное использование методов, успешных в одних науках, на другие области исследования, приводит к формированию образов реальности, которые искажают ее качественную специфику.

В период развития неклассической науки революционные преобразования охватывают различные сферы научного знания, происходит кардинальная трансформация в представлении о нормах и идеалах познавательной деятельности. Уверенность в существовании единственно верного метода исследования и, построенной с его помощью, единственно верной теории, сменяется идеей об относительности знания к средствам исследования. Основным вопросом эпистемологии становится вопрос о критериях научности. Именно в это период осуществляется попытка определить специфику гуманитарного отражения реальности. Наиболее радикальное выражение эта идея получила в герменевтике (В. Дильтей, Г. Зиммель) и трудах представителей баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Противопоставление естественнонаучного и гуманитарного знания выразилось в появлении диспозиции «объяснение – понимание» в герменевтике и «номологическое – идеографическое» в неокантианстве. Включение в методологию гуманитарных наук методов формального исследования, приводит к их сциентизации. Таким образом, стремление к поиску специфических методологических эталонов для данных наук приводит к их противопоставлению естественным наукам. Однако предложенные позиции не решили поставлен-

ной проблемы и не прояснили ситуацию до конца. Прежде всего, диспозиция «объяснение – понимание» и «номологическое – идеографическое» сами по себе не были эксплицированы в достаточной мере, что лишало практического смысла их применения, поскольку создавалась еще более парадоксальная ситуация [2, с. 61].

Проблема противопоставления двух областей знания связана не столько с проблемой методологических стандартов, сколько выражает тенденции изменения представления о критериях научности, самого понятия «наука». В наиболее общем смысле здесь отражается, во-первых, неоднородность науки, которая включает в себя различные области познания с разными традициями, во-вторых, историческая динамика научного в целом, в-третьих, сущностные основания гуманитарного знания в целом.

Как видим, привнесение эмпирической логики в философию не дало результатов в решении проблемы сознания и познания. Попытка синтеза мира мыслей и мира чувств приводит к формированию двух видов установок. С одной стороны, эмпирическая ориентация сознания признает в качестве источника знания чувства, которые являются копией внешнего мира. С другой стороны, рационалистическая ориентация основана на разуме как изначальном свойстве человека, который придает нормативность любой человеческой деятельности, в том числе и познавательной. И неясным остается вопрос – что является основополагающим, на что обратить внимание в первую очередь. Более того, даже если субъект выбирает одну из ориентаций, то ему не удастся следовать ей до конца. Так, в эмпиризме содержание сознания задается внешним миром через чувства, создающие копию воспринимаемого мира. Полученные с их помощью знания являются основой для действия субъекта во внешнем мире. Анализ чувственного материала направляет сознание индивида на внутренний мир, что приводит к отрицанию основ самой эмпирической ориентации (Беркли и Юм). Похожая ситуация складывается и в рационализме. Разум понимался как первооснова в понимании и созерцании мира, которые рассматривались как единый целостный акт с определенными нормами мышления, заданными еще до акта восприятия внешнего мира. Однако происхождение предпосылок познания объяснить с позиции познающего человека невозможно, поэтому данный вопрос решался в традициях эмпирической логики. Утверждалось существование еще одной, сверхчувственной, умопостигаемой реальности, которая и объявлялась

источником норм мышления. При этом сама умопостижимая реальность была вневременной, оторванной от чувственного уровня познания и рассматривала субъекта как зеркало. Его действия теряли всякую значимость в чувственном мире. Ориентация на нормативную деятельность привела к саморазрушению исходной предпосылки, как и в случае с эмпиризмом.

Список использованных источников

1. Доронина, О.А. Эмпирический стиль мышления как основа естествознания [Текст] / О.А. Доронина // Философия и ценности современной культуры: мат. Междунар. конф. – Минск: БГУ, 2014. – С. 73-76.
2. Одинаев, К.К., Пономарчук, В.А. Проблема стилей мышления в философии и естествознании [Текст] / К.К. Одинаев, В.А. Пономарчук. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 120 с.

© **Doronina O.A., 2018**

**PROBLEM OF STYLE OF THINKING
IN THE HUMANITIES**

The style of scientific thinking, being a form of preliminary knowledge, sets the way of perception of the world and determines the possibilities of its study. If it is more or less clear with natural science knowledge, it is difficult to identify the basis that forms the style of thinking within the humanitarian framework. The article discusses the difficulties encountered by the researcher in the study of this issue.

Keywords: *style of thinking, epistemology, reductionism, scientism.*

СТИЛЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Стиль как одна из многозначных категорий философии прошла большой путь становления. Как целостная структура, задающая видение проблемного поля определенного этапа развития культуры и определяющая критерии выбора способов и средств выражения ее смыслов, стиль выполняет функцию организации и согласования различного рода общественных отношений. Данная статья рассматривает возможности категории «стиль» при объяснении и анализе общества и места человека в нем.

Ключевые слова: культура, философия, общество, стиль.

Стиль как исторически обусловленная категория находит свое применение во все большем числе исследований. Начиная с применения в культурологии, философии культуры и ряде гуманитарных наук, данная категория постепенно начинает использоваться для обозначения изменения гносеологических и методологических принципов основания естественнонаучного знания [3, с. 73]. Кроме того, изучение социальной детерминации духовного развития общества привело к необходимости введения понятия «стиль» и в социологию. Благодаря ему стало возможно видеть результаты действия социальных отношений, видеть как формы культуры порождаются социальными и экономическими причинами и каким образом общество структурирует культуру.

Изначально внимание исследователей было сосредоточено на художественном стиле, понимаемом как знаковая форма, символ смыслового наполнения [2, с. 62]. По мнению В. Гаузенштейна, стиль есть выражение социально-коллективных побуждений. Поэтому задачей социологии являлся вопрос о влиянии социальных свойств эпохи и стиля. Постепенно укоренилось представление о стиле как интеграторе всех социальных сил культуры, поэтому объектами изучения становились стиль эпохи или стиль культуры. При этом указывалось на универсальность данного понятия, присущего не только художественной сфере. Так, в рамках марксистской философии стиль рассматривается как принцип всей культуры, выражающий единство ее социально-экономических оснований [4, с. 30].

Постепенно в ходе исследований происходит переход от понимания стиля как абстракт-

ного принципа к принципу, организующего и согласующего различные отношения, возникающие в рамках различных социальных институтов. В работах Хаузера стиль предстает как феномен коллективного действия, поэтому главным становится вопрос о том, как образуются тиражируемые формальные структуры.

Во 2-й пол. XX в. происходит изменение теоретико-методологических оснований социологии. Ее основной задачей становится изучение общества, его структуры и функционирования, а вопросы образования социальных явлений переносятся в социальную философию. Таким образом, понятие «стиль» становится предметом изучения другой науки. При рассмотрении общества главным становится процесс общения, который определяет социальную структуру. Коммуникативное сообщество – это, прежде всего, языковое сообщество, в котором происходит обнаружение личностью самой себя в системе знаков коллективной деятельности, а не ее самовыражение как изолированного субъекта.

В рамках данного понимания общества категория «стиль» становится одной из основных. Внимание исследователей со стиля искусства переключается на стиль жизни. Стиль понимается как «выражение, инструмент, результат социального ориентирования, который находится в социальной интеракции» [4, с. 34]. Он является выразителем принадлежности субъекта не только определенной социальной группе, но и к определенной форме жизни. Стиль есть выражение отношения к сложившимся знакам. Формирование стиля происходит в результате взаимодействия символической культуры общества и субъекта. Поэтому особую значимость приобретает стиль как самопрезентация субъекта. По мнению П. Вацлавика, стиль есть самоорганизация процесса жизни; он обеспечивает порядок, указывающий место человека в действительности [1, с.35]. Интересно, что при таком понимании стиль становится доступным для восприятия только внешним наблюдателям. Определение стиля субъекта происходит как наблюдение его отклонений от других. При таком подходе стиль выполняет три функции: спонтанная самоорганизация жизни субъекта и общества, опознание смысложизненных позиций членов сообщества и самоидентификация [4, с. 35].

Таким образом, стиль становится важнейшим элементом внутреннего взаимодействия субъекта с обществом, его членами и самим собой.

Список использованных источников

1. Вацлавик, П., Бивин, Д., Джексон, Д. Прагматика человеческих коммуникаций [Текст] / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – М.: «Апрель-Пресс», «Эксмо-Пресс», 2000.
2. Воробьева, О.Б., Доронина, О.А. Категория «стиль» в культурологии и философии искусства [Текст] / О.Б. Воробьева, О.А. Доронина // News of Science and Education. – 2017. – Т. 5. – № -3. – С. 62-64.
3. Доронина, О.А. Эмпирический стиль мышления как основа естествознания [Текст] / О.А. Доронина // Философия и ценности современной культуры: мат. Междунар. конф. – Минск: БГУ, 2014. – С. 73-76.
4. Устюгова, В.А. Проблема стиля мышления в научном познании [Текст] / В.А. Устюгова: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Красноярск, 2006.

© **Doronina O.A., 2017**

STYLE AS A CATEGORY OF SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Style as one of the polysemous category of the philosophy has passed a long way of formation. As a holistic structure that specifies the vision of the problem field of a certain stage of cultural development and defines the criteria for the choice of methods and means of expression of its meaning, the style performs the function of the organization and coordination of various public relations. This article considers the possibility of the category of «style» in the explanation and analysis of society and of man's place in it.

Keywords: culture, philosophy, society, style.

БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье выявлены факторы, способствующие поддержанию социальной безопасности в современном государстве и определить уровень осведомленности граждан о террористической деятельности. На основе анализа данных, полученных в результате анкетирования, выявлено, что две трети опрошенных респондентов отметили идеологическое основание террористической деятельности; на идеологическом и протекционистском основаниях терроризма настаивают большей частью женщины; мужчины в два раза чаще определяют инструментальную сущность терроризма.

Ключевые слова: социальная безопасность, террористическая деятельность, осведомленность, информационная политика, социологическое исследование, анкетирование, респонденты, граждане.

С наступлением эпохи глобализации [1, с. 14] многие современные государства, в том числе и Россия, столкнулись с необходимостью создания политических технологий обеспечения социальной (в том числе информационной) безопасности, которая сегодня становится ключевым элементом национальной безопасности [2; 3; 4]. В связи с этим, актуализируются потребности изучения основных факторов, влияющих на поддержание социальной безопасности в государстве. Выявленные и проанализированные факторы можно использовать как научно обоснованную основу национальных доктрин социальной безопасности, которые, получив научное осмысление и эмпирическое обоснование, станут действенным механизмом гармоничного функционирования и развития государства и роста благосостояния всего общества.

Сегодня в научной литературе существует несколько групп взглядов на фундамент социальной безопасности государства, что, собственно и является базовыми составляющими технологий социо-политической безопасности современного государства. Первая группа исследователей сконцентрировалась на расширении механизмов социальной политики и социальной защиты. Так, преподаватель Стерлинского университета в Шотландии Кэнд Мэни полагает, что существует прямая зависимость между социальной безопасностью общества и материальной обеспеченностью каждого члена

данного общества [5, р. 308]. Ученый с другого конца света – из корейского университета Кунмин (г. Сеул) – Эн Янг Ми [6, р. 189] также основным фактором социальной безопасности общества рассматривает действенные инструменты социальной защиты. Но основной акцент он делает на семью и гендерные отношения – именно гармоничное развитие этих аспектов благоприятствует росту благосостояния общества. Есть и отечественные ученые, которые разделяют идею упрочения социальной безопасности посредством формирования и реализации программ социальной защиты и страхования [7], а также государственных проектов улучшения благосостояния граждан [8].

Вторая группа взглядов на процесс формирования и поддержания социальной безопасности в государстве основывается на том, что необходимо проводить активную консолидацию общества посредством организации массовых мероприятий (культурных, спортивных, образовательных, религиозных и т. п.) [9, р 20; 10, р 135; 11].

Третья группа мнений относительно формирования в государстве механизмов обеспечения социальной безопасности касается ужесточения санкций за любое посягательство на социальное благополучие страны и ее граждан: формирование определенных юридических рамок-границ деятельности [12], выстраивание и утверждение определенных стандартов благосостояния [13; 14], актуальной и гибкой законодательной базы [15], организационно-правовое измерение благосостояния населения в эпоху глобализации [16; 17].

Существует еще одна группа мнений относительно формирования в государстве социальной безопасности – повышение уровня осведомленности граждан о различного рода угрозах и способах противостояния им. Именно в этом подходе на первый план выходит политика информирования [18].

В качестве основной проблемы статьи и исследования мы взяли тезис, что основой информационной безопасности выступает осведомленность о возможных угрозах и способах их избегания или предотвращения, а также средствах минимизации ущерба. Понятие «осведомленный» в толковом словаре трактуется как «обладающий обширными сведениями в

какой-либо области» [19]. Именно поэтому для того, чтобы начинать вырабатывать национальную стратегию информационной безопасности, следует выяснить, какой информацией в данной области обладает население, в частности – молодежь. Для выяснения этого было проведено авторское социологическое исследование «Безопасность современного общества».

Всего было опрошено 812 респондентов. Соотношение по полу (мужчины – 43 %, женщины – 57 %) и возрасту повторяет статистические показатели по Российской Федерации [20], что позволяет, учитывая ± 4 % ошибку выборки и 97 % доверительный интервал, распространить полученные выводы на всю генеральную совокупность.

Перед представлением полученных результатов считаем важным проанализировать социально-демографические характеристики респондентов. Итак, в процессе анкетирования были опрошены граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 67 лет.

40 % опрошенных имеют диплом о высшем образовании, 22 % в данный момент учатся в вузе. 35 % участников опроса получили среднее и средне-специальное образование (9 % и 26 % соответственно). 3 % респондентов учились в школе на момент проведения анкетирования.

Если взглянуть на образовательный статус опрошенных сквозь призму возраста, то выяснится несколько интересных фактов.

Во-первых, неполным средним образованием обладают либо совсем молодые респонденты (что, собственно, является достаточно обычным делом – они продолжают учебу в школе), либо опрошенные почтительного возраста. Возможно, будучи в юном возрасте, 40-50 лет назад, эти граждане, окончив восьмилетку, решили сразу устроиться на предприятие. Тем более, в СССР сер. XX в. очень сильно работала идеология трудовых рекордов, которая способствовала достаточно быстрому восстановлению государства после разрушительной войны. Несмотря на раннюю трудовую активность, порядка 35 % респондентов старшей возрастной группы получили высшее образование, скорее всего, посредством заочного обучения.

Во-вторых, очень малая часть (ок. 12 %) респондентов возрастной группы 20-29 лет остановила своё образование на уровне среднего и средне-специального. Данный фактор также можно объяснить своего рода идеологией, утверждающей необходимость наличия диплома о высшем образовании для успешного трудоустройства.

В-третьих, обнаружилась тенденция «до-обучения», то есть достаточно большое количество респондентов старшей возрастной группы отметили, что получают высшее образование, обучаются в высшем учебном заведении.

Что касается материального положения, то порядка 75 % респондентов оценили его как среднее и выше среднего (45 % и 30 % соответственно). На очень трудное материальное положение (вариант «едва сводим концы с концами») указал лишь 1 % участников опроса, причем, мужчины в два раза чаще настаивали на данном ответе. Также респонденты младше 30 лет не оценивали собственное материальное положение настолько трудным. Вариант ниже среднего («приходится во многом себе отказывать») выбрали 13 % граждан. Данный вариант ответа был более популярен у женщин (в 3,5 раза). Оценили собственное материальное положение как «отличное» 11 % респондентов. Различий по полу не было выявлено, но чаще данный вариант выбирали респонденты в возрасте 20-39 и 50-60 лет. Интересен факт, что около половины опрошенных с высшим образованием оценивают своё материальное положение как среднее и выше. Показательно, что уровень образования прямо пропорционален оценке собственного материального положения респондентами.

Анализ социально-демографических данных показывает, что собранная выборка является репрезентативной, а полученные выводы возможно распространить на всю генеральную совокупность – население Российской Федерации.

Отвечая на вопрос о сущности терроризма, более половины (51,8 %) респондентов отметили, что это приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с определенной идеологией. Еще 17,6 % полагают, что терроризм – это деятельность организаций идеологического характера.

Мы предоставили респондентам возможность при желании самостоятельно высказаться по этому поводу. Необходимо отметить, что данной возможностью воспользовались 5 % граждан, причем, более активны в этом были женщины в возрастной группе 20-29 лет. Ответы порядка трети участников опроса, высказавших собственное мнение, так или иначе созвучны с ответом, набравшим большинство голосов – крайние взгляды в определенной идеологии. Остальные ответы можно отнести к инструментальному определению сути феномена терроризма – достижение власти и влияния, денег и материальных благ, «лоббирование экономических интересов».

Таким образом, используя полученные эмпирические данные, можно выявить следующие основания терроризма:

1. Идеологическое (ideology): приверженность крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с определенной идеологией; деятельность, основанная на продвижении своей идеологии; организации идеологического характера, в которых проводятся различные обряды; 74 %.

2. Протекционистское (protection): вынужденная мера для тех, кто защищает свою религию, страну от вторжения; защита национальных интересов и независимости; 13 %.

3. Инструментальное: достижение власти и влияния, денег и материальных благ, «лоббирование экономических интересов»; 13 %.

Интересно гендерное соотношение респондентов в выявленных группах. В первых двух группах (идеологическое и протекционистское основание терроризма) преобладают мнения женщин. Мужчины же почти в два раза чаще, чем женщины определяют инструментальную сущность терроризма.

Почти треть респондентов в возрасте 20-29 лет настаивают на идеологической основе терроризма. На протекционистском настаивают 36 % ответивших в возрасте 50-59 лет. А инструментальное основание в террористической деятельности усматривают 32 % информантов в возрасте старше 50 лет. Интересен тот факт, что почти треть респондентов со средне-специальным образованием указывают именно инструментальное основание терроризма.

Что касается распределения по материальному обеспечению, то почти половина опрошенных, указавших на хорошее материальное положение, полагают, что в основе изучаемого феномена лежит необходимость защиты своих интересов. Респонденты со средним достатком указали на идеологическое (50 %) и инструментальное (40 %) основания терроризма.

Выяснив представления граждан о сущности феномена терроризма, мы спросили наших респондентов о том, как данный феномен проявляется в социальной реальности. Итак, более 43 % респондентов утверждают, что это различного рода пропагандистская и проповедническая деятельность (представителей как традиционных религий, так и различного рода сект), 26 % опрошенных утверждают, что это публичные наказания и казни, совершенные на территории исламских государств, а 28 % – организация беспорядков и актов гражданского неповиновения.

Рассматривая более подробно полученные данные, следует указать, что наибольшую

обеспокоенность в пропагандистской и проповеднической деятельности различного рода сект высказали женщины (100 % выбравших данный вариант ответа), возможно, в силу большей степени суггестии, внушаемости.

Представители самой молодой возрастной группы респондентов указали на организацию беспорядков (68 %) и деятельность сект (81 %) как на самые частые проявления терроризма. Опрошенные средней возрастной группы (36 %) склонны видеть проявления изучаемого нами феномена в деятельности традиционных религиозных конфессий.

Респонденты, имеющие высшее образование настаивают, что существенным и частым проявлением терроризма является пропагандистская и проповедническая деятельность (42 %).

Интересно, что даже респонденты, утверждающие что терроризм, в первую очередь, имеет идеологическое основание, считают, что техники мягкого давления (убеждение, пропаганда, проповедничество) не характерны для этого вида деятельности.

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующие выводы:

1. Две трети опрошенных респондентов отметили идеологическое основание террористической деятельности; на идеологическом и протекционистском основаниях терроризма настаивают большей частью женщины; мужчины в два раза чаще определяют инструментальную сущность терроризма.

2. Для разных возрастных групп необходимо разрабатывать различные мероприятия по противодействию террористическим угрозам, так как мнения респондентов относительно оснований террористической деятельности разделились на основе возрастных характеристик: треть респондентов в возрасте 20-29 лет настаивают на идеологической основе терроризма; протекционистское основание упоминают 36 % ответивших в возрасте 50-59 лет; инструментальное основание в террористической деятельности усматривают 32 % информантов в возрасте старше 50 лет.

3. Необходимо обратить внимание на качество и направленность пропагандистской и проповеднической деятельности в государстве, так как более 43 % респондентов утверждают, что именно в подобной активности (представителей как традиционных религий, так и различного рода сект) проявляется террористическая деятельность, ставящая под колоссальную угрозу социальную и национальную безопасность.

В дальнейшем поднятая в данной статье проблематика может найти более подробное изучение в части каналов распространения

информации о террористической деятельности, способах рекрутирования и возможностях снижения суггестии (внушаемости) населения и повышения социальной безопасности в обществе и государстве.

Список использованных источников

1. Дергачева, Е.А. Концепция социотехноприродной глобализации: Междисциплинарный анализ: монография [Текст] / Е.А. Дергачева. – М.: Ленанд / URSS, 2016. – 256 с.
2. Березинская, М.Д., Азаров, А.Ю. Информационная безопасность современного общества [Текст] / М.Д. Березинская, А.Ю. Азаров // Сборник трудов конференции «Информационное общество: состояние, проблемы, перспективы». – М.: Издательство: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – с. 45 – 52.
3. Мусуралиева, М.М. Информационная безопасность и ее место в системе обеспечения национальной безопасности Кыргызской республики [Текст] / М.М. Мусуралиева // Наука, новые технологии и инновации. – 2016. – № 6. – С. 200 – 203
4. Чеботарева, А.А. Обеспечение информационной безопасности личности: роль международной информационной безопасности и стратегического партнерства [Текст] / А.А. Чеботарева // Вестник академии права и управления. – 2016. – № 42. – с. 48 – 51.
5. Manji, K. Social Security Reform and the Surveillance State: Exploring the Operation of «Hidden Conditionality» in the Reform of Disability Benefits Since 2010 // Social Policy & Society. – 2017. – № 16:2. – P. 305–314.
6. Young, A. M. Welfare States and Care Arrangements: Care Time Mix Approach and Its Application to Japan and Korea // Social Policy & Society. – 2017. – № 16:2. – P. 183–198.
7. Страхование и управление рисками: проблемы и перспективы. Монография [Текст] / под ред. С.А. Белозерского, Н.П. Кузнецовой. – М., ООО «Проспект», 2017. – 528 с.
8. Баклунова, О.Б. Система социальной безопасности в России и в Бельгии: сравнительный анализ [Текст] / О.Б. Баклунова // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18). С. 320 – 324.
9. Diani, M. The Cement of Civil Society. Studying Networks in Localities. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 244 p. ISBN 978-1-107-10000-8.
10. The State of Civil Society in Japan. – Edited by Frank J. Schwartz and Susan J. Pharr. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 393 p. – ISBN 978-0-521-53462-8.
11. Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности. Сб. мат. III Всерос. науч.-практ. конф. – М.: Когито-Центр, 2016. – 194 с. – ISBN 978-5-89353-493-1.
12. Kim, S.H. Max Weber's Politics of Civil Society. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 215 p. – ISBN 052182057X.
13. Edmiston, D. Welfare, Austerity and Social Citizenship in the UK // Social Policy & Society. – 2017. – № 16:2. – P. 261–270.
14. Бычкова, С.Г. Международные стандарты и отечественный опыт измерения доходов населения: Россия и регионы [Текст] / С.Г. Бычкова // Управление. – 2017. – № 2. – С. 22 – 27.
15. Tymen, J. van der Ploeg, Wino, J. M. van Veen, Cornelia, R. M. Versteegh Civil Society in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 590 p. – ISBN 978-1-107-14608-2.
16. Литовкина, М.И. Классификация детерминант, влияющих на здоровье, и угрозы здоровью в период глобализации: организационно-правовое измерение [Текст] / М.И. Литовкина // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2017. – № 2. – С. 17 – 35.
17. Бобков, В.Н., Бобков, Н.В. Развитие потенциала человека и качества жизни как условие процветания российского Дальнего Востока [Текст] / В.Н. Бобков, Н.В. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 2 (204). – С. 141 – 148.
18. Колотков, М.Б. Применение модели конфликта для изучения механизмов противодействия государства и терроризма (на примере событий второй половины XIX века в Российской империи) [Текст] / М.Б. Колотков // Известия Юго-западного государственного университета. – 2017. – № 2 (71). – С. 198 – 207.
19. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: ООО ИНФОТЕХ, 2010. – С. 428.
20. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Дата обращения: 26.09.2017 г.).

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона» (РФФИ 17-46-630560 p_a).

© Zhelnina E.V., 2017

REPRESENTATION OF CITIZENS ON TERRORIST ACTIVITIES AND SOCIAL SECURITY IN THE STATE

The article identifies the factors contributing to the maintenance of social security in the modern state and to determine the level of awareness of citizens about terrorist activities. Based on the analysis of the data obtained in the survey revealed that two-thirds of the respondents indicated the ideological basis of terrorist activities; on the ideological and protectionist grounds of terrorism insist mostly women; men are twice as likely to determine the instrumental nature of terrorism.

Keywords: social security, terrorist activity, awareness, information policy, sociological research, questionnaire, respondents, citizens.

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с поддержкой развития талантливой и одаренной молодежи, различные меры государственной политики в данной области. Анализируются государственные программы по оказанию и выявлению талантливой молодежи в разных сферах общественной деятельности.

Ключевые слова: молодежь, талант, государственная поддержка.

Вопросы, связанные с развитием интеллекта и одаренности занимают сейчас лидирующие места в изучении многих наук как педагогика, психология, социология и т.д. Изучение и развитию разного вида потенциалов (интеллектуального, творческого, эмоционально-духовного) личности одаренного подростка акцентирует внимание на данной теме. Вопросы связанные с современным развитием личности одаренной молодежи, стала актуальной проблемой для современного мира. Проводятся научные исследования и эксперименты в области выявления талантливой молодежи и оказания различных видов поддержки со стороны как государственных, так и общественных организаций и фондов.

Для реализации государственной политики в области поддержки талантливой молодежи и развития интеллектуального потенциала в России в настоящее время используются следующие инструменты:

1. Молодежные фестивали, конкурсы по различным сферам общественной деятельности, как наука, предпринимательство, художественное творчество, с выделением лауреатам грантовой поддержки [1].

Выявление и развитие интеллектуальной и талантливой молодежи через конкурсные мероприятия – традиционная российская и мировая практика. Первые олимпиады для школьников в Советском союзе состоялись еще в 30-е гг. XX в. (всесоюзные – в 1960-е гг.) В основном эти мероприятия носят ярко выраженный состязательный характер, который приводит к тому, что большинство участников проигрывает, а талантливыми объявляется небольшая группа победителей. Среди конкурсных мероприятий также можно выделить сравнительно небольшую группу конкурсов и смотров, в которых

успешность и одаренность определяется демонстрацией некоторых результатов (творческих продуктов). В настоящее время предметные олимпиады в России курирует Министерство образования и науки РФ, а также Российский совет олимпиад школьников (РСОШ, общественная организация, образована в 2006 г. Российским союзом ректоров, Министерством образования и науки РФ и РАО на основании Поручения Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № Пр-1321). Порядок проведения олимпиад школьников утвержден Минобрнауки России [2].

Олимпиады могут быть предметные и многопредметные. Самая известная в России многопредметная олимпиада – Всероссийская олимпиада школьников (21 предмет; 4 этапа: школьный, муниципальный, региональный, всероссийский; ежегодно принимают участие 7 млн школьников, из них 5 тыс. человек и 1,5 тыс. призеров – в заключительном этапе). Всероссийская олимпиада курируется Министерством образования и науки РФ и финансируется из федерального и региональных бюджетов, в ней принимают участие ученики V–XI классов школы. Призеры Всероссийской олимпиады могут принять участие в международных олимпиадах. Следует отметить, что численность участников Всероссийской олимпиады школьников постоянно растет. В 2013/14 учебном году, количество учащихся принимающих участие в олимпиаде составляло 5 660 814 чел., в 2014-2016 году – это уже 5 735 959 чел., а в 2015/16 г. 5 762 220 человек [3].

Помимо Всероссийской олимпиады в России проводятся олимпиады под эгидой РСОШ (которая рассматривает заявки от организаторов различных олимпиад и проводит экспертизу на включение их в Перечень олимпиад школьников на текущий учебный год). В Олимпиадах РСОШ организаторы устанавливают различные условия участия и требования по возрасту (школьники I–XI классов). В них ежегодно участвуют 1,5 млн. человек.

Собственные олимпиады организуют университеты. В России широко известны олимпиады для школьников «Ломоносов» (МГУ им. М.В. Ломоносова), «Высшая проба» (НИУ ВШЭ), «Физтех» (МФТИ), «Шаг в будущее» (МГТУ им. Н.Э. Баумана). Для студентов про-

водятся универсиады и другие соревнования. Соревновательный характер носят конкурсы и турниры («Турнир юных физиков», математический «Турнир городов», математический конкурс «Кенгуру»). В 2012 г. Россия присоединилась к международному движению WorldSkills, и в 2013 г. прошел первый всероссийский конкурс профессиональной подготовки «Национальный чемпионат WorldSkills Russia»².

Олимпиадное движение популярно во всем мире. Участники, показавшие высокие результаты на национальных олимпиадах, отбираются для участия в международных (возможно самовыдвижение, номинирование учителем школой и т.д.).

2. Грантовые программы, ориентированные на вовлечение интеллектуальной и талантливой молодежи в науку, такие как «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» («У.М.Н.И.К.»), реализуемую Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере с 2007 г., программы государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов и докторов наук, программа «Мобильность молодых ученых» и др.

Среди стипендиальных программ, существующих в Российской Федерации, выделяются: стипендии Президента Российской Федерации, стипендии Правительства Российской Федерации, персональные стипендии имени видных деятелей науки и политики, стипендии имени А.Л. Штиглица, стипендиальный конкурс Владимира Потанина и др.

С 1 сентября 2015 г. начала работу система грантов для одаренной молодежи [4]. Гранты выдаются студентам с хорошей успеваемостью, которые в середине срока обучения в вузе будут готовы заключить договор о трудоустройстве в России.

В целях государственной поддержки талантливой молодежи, развития интеллектуального потенциала России в федеральном бюджете предусмотрены стипендии Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Размеры стипендий варьируются от двух до четырнадцати тыс. рублей в месяц [5]

Стипендии для талантливой молодежи выплачиваются победителям олимпиад: призерам конкретных олимпиад или участникам нескольких олимпиад (на основании списка достижений). С 2006 по 2017 г. премиями награждены 48 150 граждан России.

Победителям и призерам Всероссийской олимпиады выплачивается президентская сти-

пендия (60 тыс. руб. и 30 тыс. руб. соответственно), Всероссийской и РСОШ олимпиад – могут выплачиваться губернаторская и муниципальная стипендии (из соответствующих бюджетов). Губернаторские стипендии учреждены во многих регионах России (Ярославская область, Хабаровский край, Якутия и др.). Многие вузы устанавливают стипендии для абитуриентов-победителей олимпиад. В мировой практике государственные стипендии для победителей олимпиад выплачиваются в Прибалтийских странах, там установлены и выплаты учителям участникам олимпиад, занявшим призовые места.

Преференции при поступлении в высшее учебное заведение. В России победители и призеры заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников могут быть зачислены в вуз без вступительных экзаменов (если направление подготовки соответствует профилю олимпиады) или результаты олимпиады могут быть засчитаны как 100 баллов по ЕГЭ по соответствующему предмету (если он не соответствует профилю). Аналогичная процедура существует для олимпиад РСОШ (с некоторыми отличиями, касающимися уровней олимпиад). В мировой практике также существуют схожие преференции для победителей олимпиад и конкурсов. Они могут существовать на уровне конкретного вуза (Университет Пердью, США), или на уровне всей страны (победители Национального академического школьного конкурса в Венгрии, призеры олимпиад в Латвии и в Польше) [6].

Реализация талантов может происходить через систему внеклассной работы и дополнительного образования. В России система дополнительного образования насчитывает более 10 тыс. учреждений [7], в 2015 г. принята Концепция развития дополнительного образования. В рамках дополнительного образования в России реализуется модель очно-заочных школ одаренных детей. Каждая из них ежегодно обучает до нескольких тысяч школьников. Чтобы принять участие в таких школах, требуется пройти конкурсный отбор, после которого участникам регулярно присылаются материалы, которые ученики изучают самостоятельно; они решают содержащиеся в материалах задачи, отправляют решения в заочную школу и получают оценки. С развитием технологий у таких школ появились новые возможности для ведения своей работы. Наиболее известными из них являются Всероссийская заочная многопредметная школа при МГУ им. М.В. Ломоносова, заочная физико-техническая школа при МФТИ, заочные школы специализирован-

ных учебно-научных центров МГУ им. М.В. Ломоносова и Новосибирского государственного университета, заочная физико-математическая школа Томского государственного университета, заочная естественнонаучная школа при Сибирском федеральном университете. Помимо заочных школ существуют также летние школы для одаренных учащихся; обычно это выездные школы, в которых ведутся занятия, проходят развлекательные мероприятия, конкурсы и соревнования. Такими школами являются Кировская летняя многопредметная школа, Красноярская летняя школа, летняя школа «Русского репортера» и др.

Инициатива направлена на формирование устойчивой многоуровневой системы внешкольной работы с детьми, базирующейся на государственно-частном партнерстве и реализации современных программ дополнительного образования с целью выявления и развития таланта в каждом ребенке.

Специальные центры для одаренных детей. В России примерами таких центров являются Центр образования «Эврика», Центр исследования и развития одаренности Московского городского психолого-педагогического университета, Центр организационно-методического сопровождения работы с одаренными школьниками Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»).

Создание единой информационно-образовательной среды, может создать возможность повышения качества образования, обеспечения широкого доступа к учебно-методическому контенту, повышения профессионального уровня учителей, создания более благоприятных условий для сетевого сотрудничества педагогов и других специалистов различных по уровню образовательных учреждений, а самое главное к выработке новых подходов и программ к развитию интеллектуального потенциала молодежи.

Список использованных источников

1. Филимонова, Н.М., Ползунова, Н.Н. Направления развития государственной политики в области поддержки талантливой молодежи в регионе [Электронный ресурс] / Н.М. Филимонова, Н.Н. Ползунова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2 / URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21869> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Порядка проведения олимпиад школьников» [Текст] // Российская газета. – 2014. – 4 июля. – № 148.
3. Министерство образования и науки РФ: официальный сайт [Электронный ресурс] // <https://минобрнауки.рф/с/новости/12038>.
4. Указ Президента РФ от 07.12.2015 № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 14.12.2015. № 50. Ст. 7142.
5. Бюджет для граждан к федеральному закону о федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 годов [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации. – Москва, 2017 // https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
6. Меркулов, П.А., Малик, Е.Н., Бакалдина, Е.С., Елисеев, А.Л. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики [Электронный ресурс] // Власть. – 2015. – №10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-instrumenty-integratsii-molodezhi-v-obshchestvennye-praktiki> (дата обращения: 11.03.2018).
7. Павлов, А. Итоги 2014 года [Электронный ресурс] // Информационно-методический портал «Образование». 20.01.2015. URL: <http://dopedu.ru/stati/552-itogi-goda.html> (дата обращения: 12.03.2018).

© Zhelezovskaya G.I., Saiganova E.V., 2018

MEASURES OF STATE SUPPORT IN THE FIELD OF DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL AND TALANTED YOUTH

The article deals with the issues related to the support of talented and gifted youth, various measures of state policy in this field. The state programs on rendering and revealing talented youth in different spheres of public activity are analyzed.

Keywords: youth, talent, state support.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАКТОВКА РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ ПРИЧИН И ЦЕЛЕЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Оценка Первой мировой войны свидетельствует о кризисе официальной религиозности и о попытках русского образованного общества того времени подходить к причинам и целям войны с позиции национальных ценностей и интересов в противовес охранительным стремлениям власти. Различие во взглядах государственных и общественных деятелей не способствовало формированию доступных народному сознанию системы духовных и практических целей вооруженной борьбы.

Ключевые слова: духовность, кризис религиозности, национальные ценности, причины и цели войны.

Питавшиеся на протяжении почти всего девятнадцатого столетия религиозными ценностями, воплощенными в идеологизированной победоносцевской формуле «Православие, самодержавие, народность», правящая династия и русское образованное общество постепенно дозревали до принятия примата ценностей национальных, которые Запад начертал на своих знаменах еще со времени Великой Французской революции. Однако поскольку смена ценностей, освящавших авторитетом религии богоустановленность верховной власти, неизбежно должна было закончиться трансформацией самодержавия как минимум в конституционную монархию, значение православия в триединой формуле признавалось целесообразным сохранять «для народа» в первоначальном виде.

Нетерпимое перед мировой войной «двоемыслие» явственно отражалось в российской общественной речи: Россия вступала в мировую войну, не имея твердых представлений о своих национальных интересах. Нация должна была утешаться прекраснотушными, в стиле Александра I, соображениями, что «Россия никаких личных эгоистических целей, кроме защиты Сербии, не имела» [3, с. 9], по выражению ген. А.Д. Бубнова!

Невнятица в целях войны не могла не отразиться на содержании царских манифестов об объявлении войны Австро-Венгрии и Германии. Ни в одном из них нет ни призывов к победе, ни выражения уверенности в силах и непобедимости своего народа. Зато много места было уделено обоснованию справедливости

войны, что является характерным для чуткого к любой несправедливости религиозного сознания: «... против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенной силой растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимой твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого. Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие; но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи боремся за правое дело... Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце» [5, с. 9].

Речь эта скорее подобала бы патриарху; для полного сходства не хватает только цитат из Священного писания. По крайней мере, призывать на войска Божие благословение полагается лицам духовного звания, а не главе государства, как это сделано в манифесте об объявлении войны Германии: «С глубокою верою в правоту нашего дела и со смиренным упованием на Всемогуший Промысел, мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение» [5, с. 4].

При чтении манифестов складывается впечатление, что император более был озабочен сохранением внутренней стабильности государства, социального мира, поколебленного первой русской революцией, пресловутого «спокойствия», чем сплочением нации перед угрозой внешней агрессии. В этом убеждает и речь царя, произнесенная после окончания чтения манифеста 20 июля 1914 г. перед собравшимися в Зимнем дворце чинами гвардии и Петербургского военного округа: «Со спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какую бы она ни была, до конца... И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и Петербургского военного округа, в вашем лице обращаюсь ко всей единокровной, единокровной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный» [5, с. 5].

Опять то же благословение военных, что и в манифесте.

Национальные ценности традиционно находили значительно более широкое употребление в речах, обращенных к более «безопасной» аудитории, на международной арене – к освобождаемым славянским братьям Червонной Руси, как в воззвании главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича от 5 августа 1914 г.: «Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению. Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России» [4, с. 1]. Нельзя не отметить, что призывы к единению славян, как в 1877 г., так и много позже, в 1941-м, служили своего рода эвфимистической заменой апелляции к национальным ценностям, до признания которых в России добивались, стремясь избегать упоминания о нации как таковой (здесь мы трактуем нацию в понимании Э. Геллнера – *авт.*), как некоего ненужного средостения между верховной властью и народом, от лица которого со времен Николая I власть присваивала себе право беспрепятственно говорить.

Между тем, полвека свободы для русского народа не прошли даром. Технический прогресс, по пути которого стремительно развивалась Россия, потребовал насаждения в народной массе начал образования. К сожалению, именно начал, поскольку просветительские идеи властно сдерживались пережитками религиозного пафоса, видевшего в полноценном народном образовании соблазн патриархальным устоям, к которым конечно, относилось и почитание всяческого «начальства». В мировоззрении технической интеллигенции и полунинтеллигенции, занятой в основном в промышленности и на транспорте, отсутствовало ясное представление о социально значимых ценностях, обеспечивающих общественно-государственную деятельность. «Современное состояние народных масс в России, – предупреждал перед войной генерал М.Д. Бонч-Бруевич, – характеризуется скорее состоянием полуграмотности, которая, не давая населению прочных просвещенных убеждений, вывела его, однако, из состояния эпоса, разрушила предания старины... и бесконечно удалила народное сознание от возможности ясного представления об исторических задачах нашей родины» [2, с. 161]. В крестьянской среде, из которой рекрутировалась большая часть армии,

положение было еще хуже: «Крестьянство держалось в стороне от государственной жизни страны, и цели войны ему едва ли были даже известны!... И тем не менее терпеливые и инертные по свойствам своей природы, они шли на призыв, куда звало их начальство» [6, с. 117]. Генерал-квартирмейстеру Ю.Н. Данилову вторит простой офицер К. Попов: «...нашему русскому солдату абсолютно неизвестны не были известны ни причины, ни цели войны» [11, с. 63].

Трагическая разделенность общественного сознания не могла не осознаваться русской философской мыслью того времени. С особой силой творческие искания русской интеллигенции отразились в «Духовном смысле войны» И.А. Ильина и в «Судьбе России» Н.А. Бердяева. По этим произведениям можно проследить две попытки преодоления устаревшего охранительного победоносцевского официоза: с позиции национальных интересов и с точки зрения религиозного мессианизма соответственно. И в том и в другом случае авторы решительно отмежевывались от официальной трактовки как Православия, так и народности.

Весьма характерно, что оба автора в определении причин и целей войны были очень осторожны – ни о каких политических целях речи вообще не идет; философами поднимается только вопрос духовного оправдания войны, рассмотрения ее как явления, имманентно присущего жизни народа. Бердяев в этом смысле значительно категоричнее Ильина; его трактовка войны как материального проявления духовного недуга человечества, живущего ненавистью и враждой («В войне есть имманентное искупление древней вины» [1, с. 180]), в сущности, немногим отличается от традиционного для религиозного сознания ощущения войны как Божьей кары – в «Повести о разорении Рязани Батыем» фраза «и было все то за грехи наши» звучит рефреном. Однако источник греха мыслится Бердяевым не трансцендентно – в качестве его рассматривается таящийся в глубинах жизни «темный иррациональный источник», фактически, бессознательное, но никак не враг рода человеческого. Ильин видит в войне только преодоление «недочетов народной души», эгоизма мирного времени, разъединяющего нацию, мешающего следовать пути ее духовного призвания, «духовное напряжение *всей нации*, направленное к победе над тою силою, которая стала на пути духовного роста народа» [10, с. 40].

Вообще у Ильина о Боге упоминается всего трижды, и то не в прямой номинации, а как *очувстве Бога, олице Божества*, что можно

рассматривать скорее как метафорический перенос, средство подчеркнуть величие стоящих перед нацией духовных задач. Само понятие духовности у Ильина чуждо религиозности: дух им определяется не как важнейший элемент телесно-духовной конституции человека (тело – душа – дух), соединяющий его с Создателем, а как то лучшее, что живет в душе, что «значительно в душе» [10, с. 26]. Последнее трактовалось философом как нравственное, близкое по смыслу категорическому императиву: жить так, чтобы любить нечто большее, нежели самого себя.

Согласно этому, война признавалась духовно-оборонительной, ведущейся ради сохранения народного духовного достояния, к которому относилось, «во-первых, все то, *что создано* человечеством и в частности данным народом в его духовном устремлении – его науку, его философию, его религию, его музыку, его живопись, его литературу, его театр, его песню, его архитектуру. Во-вторых, все те *живые силы*, которые *создают* эти богатства: и прежде всего жизнь каждого отдельного человека, как возможность своеобразного отражения и выражения духовной высоты; и особенно – личную жизнь национального гения, как уже осуществившееся чудесное выражение духовного полета» [10, с. 28]. Как видим, о религии упомянуто вскользь, просто как об одном из элементов национальной духовности, а национальный гений и вовсе вытеснил Бога.

Интересно, что Ильин в 1915 году условиях кризиса религиозных ценностей и слабости в общественном сознании ценностей национальных прибегает к приему, повторенному И.В. Сталиным в 1941 г., когда очевидна стала девальвация советских социальных ценностей и требовалось срочно пробуждать патриотическое сознание народа. Этот прием – употребление слова «наше». Сравним: «Там *наше* дело, *наша* беда, *наша* опасность, *наше* страдание, *наша* победа, *наше* восстание, *наше* возрождение» [10, с. 9] и «Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов» [8, с. 493]. Это словечко переключает и в невзоровские репортажи 1991 г., когда система официальных ценностей в нашей стране в очередной раз подвергнется пересмотру.

Особо следует подчеркнуть направленность Ильина на воспитание исключительно позитивных ценностей – любви к национальному достоянию, к своему народу; это великое чувство противопоставляется разжиганию «идейного дурмана» шовинистического «во-

инственного самочувствия», принижающего и опошляющего духовный смысл войны.

Несмотря на то, что духовность у Н.А. Бердяева внешне выражается в религиозности, его религиозность не основывается на исполнении в земной жизни божественной воли, устройства земной жизни по божественным заповедям, она, скорее, нравственная система, освящающая трансцендентным авторитетом мессианские устремления народного духа. Бердяевский мессианизм стремится отринуть оковы нацистского национального религиозного духа путями государственных интересов, привязавший его к плоско мыслимой идее национальности как славянофильской почвенности. Сама религиозность Бердяева есть живое отрицание обрядоверия официальной церкви, выхолостившей дух христианской свободы и истинной всечеловечности за годы синодального «порабощения» государством. Религия Бердяева есть отрицание религии германизма, замкнувшегося в границах собственной национальной исключительности, есть религия русского духа, который может обрести всечеловечность только через осознание и творческое раскрытие собственной национальности.

Нетрудно заметить, что западная Реформация как выражение кризиса католической церкви также начиналась как борьба за религиозную свободу за неимением в общественном сознании иных ценностей, кроме ценностей религиозных, но борьба эта способствовала выработке ценностей государственных и впоследствии ценностей национальных. Бердяев, требуя воспитания в русском народе мужественного одухотворяющего религиозного начала, фактически следует этим же путем. Стремясь оторвать русского человека от расслабляющей волю теплоты примитивной коллективности, он ратует за формирование личности, ответственной за собственную судьбу и судьбы родины: «В России все еще недостаточно раскрыто человеческое начало, оно все еще в потенциях, великих потенциях, но лишь потенциях» [1, с. 77].

В раскрытии личностных потенциалов русского народа, способствующих преодолению в России и Европе трагической несליанности Востока и Запада, в возмужании русского человека видится Бердяевым духовный смысл мировой войны. При этом он вслед за Ильиным также предостерегает от соблазна подменить воспитание мужества разжиганием ненависти к врагу, от попыток умалить его духовную мощь и унижить цели его борьбы: «И всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств

злости и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, которое есть лишь другая форма рабства» [1, с. 18]. Такие попытки, по мысли Бердяева, ведут только к огрублению народной души, препятствуют возвышению народного духа, достижению духовных целей войны, которые, конечно, выражаются в победе, но победе в первую очередь над собой, над хаосом и бессознательным в собственной душе.

В практической реализации философские идеи, к сожалению, претерпели пагубную трансформацию. Для государства необходимость поиска осознаваемых всеми реальными ценностями, за которые ведется война, стала очевидной примерно к зиме 1915 г., когда кадровая армия, воспитанная на ценностях героического пафоса чести, доблести и славы, сложила голову на полях сражений в Галиции и Восточной Пруссии. Политической идеей завоевания средиземноморских проливов, удовлетворявшей образованную публику, сидевшую в Петербурге, или на худой конец «земгусар», окопавшихся в разнообразных тыловых присутствиях, народ было не увлечь – вчерашние мужики в серых шинелях попросту плохо представляли себе, где находятся эти самые проливы, равно как и возжеланный поколением русской философствующей интеллигенции Константинополь.

Для народа попытались было воскресить идею религиозной войны. С этой целью на протяжении почти всего 1915 г. журнала «Военный сборник» публиковал серию статей отставного генерала Л.В. Евдокимова, в одной из которых в частности, указывалось, что «генерал фон Мюнстер, командир 5-го германского корпуса запретил солдатам покупать распространившийся в армии амулет, состоящий из каких-то «волшебных букв», вылитых из олова. Эти буквы носят на груди. Они предохраняют будто бы от неприятельских пуль» [7, № 2, с. 116-117]. Тема распространения амулетов в рядах австро-германцев развивалась и в другом номере, который повествовал об амулетах, найденных у пленных и убитых немцев и австрийцев: «Крохотные фигурки руки, птички, мальчика наиболее обыкновенны и в особенности встречаются у пленных австрийцев. Есть и печатные изображения птицы с надписью: «О, птичка, огради меня от беды!»... У германских немцев в большом ходу изображение воина с огненным мечом и т.п., и только у одного немца была найдена ладанка с изображением креста» [7, № 6, с. 129]. Не чужд суеверию, если верить публикации, был и сам германский император Вильгельм II, про которого

было «известно, что кайзер носит при себе «трилистник» – о четырех листках, как знамение победы над врагами Германии. Этот самый трилистник помог деду Вильгельма в 1870 году» [7, № 8, с. 145].

Как видим, информация подавалась явно в пропагандистских целях, – чтобы уверить читающую публику в антихристианской, или по крайней мере бездуховной сущности противников России. При этом автором всячески критиковались аналогичные по сути случаи религиозного суеверия в рядах русской армии – вера в нумерологию, повальное распространение всяческих ладанок с «чудотворными» молитвами и заговорами, «святых писем» как прообразов «писем счастья» и проч.

Вот пример одного из них: ««Сие письмо найдено за иконой в Почаевской Лавре. Письмо это писано золотыми буквами Самим Иисусом Христом. Кто это письмо хочет прочитать, то оно само раскрывается потом опять закрывается, в скором виде и возвращается в собор за образ св. Михаила». Далее шли наставления, после которых следовали обычные угрозы и обетования: «кто не будет верить этому письму, тот будет проклят отныне, а кто будет давать списывать и прочитывать письмо, то хотя бы имел столько грехов, сколько звезд на себе и в море песку или на земле травы, то все будет прощено, а кто это письмо имеет и не дает списывать, тот будет Богом наказан и изгнан из Царствия Божия. И кто будет иметь это письмо на войне, то ни один неприятель не повредит, а кто носит это письмо при себе, тот везде будет счастлив и получит Царствие Божие» [7, № 1, с. 159].

Религиозная идея, однако, не сработала, как не сработала она и в Крымскую войну, несмотря на все попытки николаевских манифестов придать ей характер борьбы с Западом за Православие. Вышедшим к началу мировой войны из «эпического» состояния мужичкам оказалось глубоко плевать на свое великое призвание увенчать купол Айя-Софии православным крестом. Отмечавшееся выше широкое распространение в рядах армии суеверия было грозным симптомом кризиса народного религиозного сознания.

Возникновению и углублению этого кризиса очень способствовала кровавая жатва, обильно собиравшаяся на полях сражений мировой войны. На любой войне вера в разумное устройство основ бытия, предполагающего существование творческого начала, его регулирующего, подвергается сильнейшему испытанию. Особенно это характерно для религиозного сознания, покоящегося на вере в справед-

ливого и человеколюбивого Бога, пекущегося о благе каждой твари, не говоря уже о высшем и любимом Его творении. Оказавшись перед лицом невозможности рационально объяснить гибель на войне внешне ничем не отличающихся от него людей, применительно к которым невозможно выстроить рациональное умозаключение, базирующееся на топах «бог справедлив» и «грешник заслуживает наказания», религиозное сознание оказывается перед лицом малопривлекательной дилеммы: либо признать, что Бог несправедлив, либо, что грех ненаказуем. И в том и в другом случае это тождественно отрицанию божественной воли и самого бытия Божия.

В воюющей армии кризис религиозности сказывался в огромных, немыслимых прежде цифрах потерь пленными. Вот когда сказался недостаток отмеченного Н.А. Бердяевым личностного религиозного, читай, национального начала. Это, в частности, подтвердил на диспуте в Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 28 ноября 1920 г. Л.Д. Троцкий: «Религиозная идея для Кудиныча (персонаж часто цитируемого Троцким писателя Глеба Успенского – *авт.*) освещала идею царской власти, освещала его деревенский быт. В критический момент, когда пошатнулась старая вера, а новой Кудиныч не обрел – он пошел в плен. Изменение нравственной идеи повлекло за собой разрушение армии» [12, с. 125].

В российском обществе славянофильская по духу религиозно-философская всечеловечность, воспитывавшаяся на протяжении века, подверглась в 1914 г. суровому испытанию. Религиозное сознание оказалось не в состоянии примирить мысль об обоснованности массовых жертв какой-либо идеей. Даже на гребне волны патриотизма начала войны русские поэты слагали весьма знаменательные строки: «В сердцах, восторженных когда-то, / Есть роковая пустота» (З. Гиппиус) «Но нету дела мне до царских счетов, / Народных ссор» (М. Цветаева), «Ах, не труды ль муравьиные / Эти валы, окопы, траншеи?» (В. Брюсов), «Я с последней мышью полевою / Вечно брат. Чужда для нас война» (В. Ходасевич). Только, пожалуй, Н.С. Гумилеву в запале лихой кавалерийской скачки по следам отступающего врага еще казалось, что «воистину светло и свято / Дело величавое войны», но большинству с самого начала уже рисовались очень мрачные образы: «А из ночи, мрачно очерченной чернью, / багровой крови лилась и лилась струя» (В. Маяковский), «Грусть – ее застилает отравленный пар / С галицийских кровавых по-

лей...» (А. Блок), прорвавшиеся спустя пару лет отчаянным воплем М. Цветаевой: «Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?».

В условиях кризиса религиозности в годы войны русское общественное сознание парадоксально возвращалось к искаженной страданиями довоенной идее всечеловечности, единения, но не в Боге, а в смерти, перед которой все сражающиеся стороны оказывались равными: «Все едины, всё едино, / Мы ль, они ли... смерть – одна» (З. Гиппиус), «Враждующих скорбный гений / Братским вяжет узлом» (М. Волошин), и у него же спустя год войны читаем: «В эти дни нет ни врага, ни брата: / Все во мне, и я во всех; одной / И одна – тоскою плоть объята / И горит сама к себе враждой».

Вражда к самим себе, отмеченная поэтом в 1915 г., знаменовала начавшиеся поиски ответа на вопрос «кто виноват?» в трагедии общечеловеческого масштаба. Национальные идеи подверглись суровому испытанию во всех воюющих странах, и не все испытание выдержали. На фронтах это повсеместно выражалось в братании с неприятелем. Но в российском общественном сознании, ввиду отсутствия национальной идеи, четко осознаваемых национальных целей войны, на почве всечеловечности произошел сдвиг к единению в социальных ценностях, выразившийся в первую очередь в социальном протесте: ««Вам ли, любящим баб да блюда, / жизнь отдавать в угоду?!» (В. Маяковский).

Это неизбежно должно было привести и привело к революции. В этом смысле война действительно подготовила революцию. Ненависть к национальному врагу обернулась ненавистью к своему правящему классу, к самодержавию. В 1917 г. произошло то, что вполне могло случиться после неудачных штурмов Плевны сорока годами раньше, когда раненые «громко жаловались на неумелость начальства, отзываясь, что, если они умеют лишь «посылать нас лбы разбивать о турецкие укрепления зря, то это не война, а бесполезная бойня, и лучше как можно скорее ее прекратить!!!» [9, с. 192]. Патриотический восторг, охвативший в 1914 г. образованное общество, как и в 1877 г. был лишь выражением надежд нации обрести в войне новую силу и положение, которые заставили бы самодержавие немного потесниться. Энтузиазм всех слоев общества не должен был бы обманывать власть: войну следовало рассматривать как продолжение революции 1905 г., как попытку достигнуть ее целей, только не в результате вооруженного

восстания, а в силу естественного порядка вещей, при котором власть просто не могла бы обойтись без признания роли нации в организации обороны и достижении победы над внешними врагами.

На пролитой на полях сражений крови, на топорном шовинизме, питавшемся пропагандой жестокого обращения австро-германцев к русским пленным, всходили семена ненависти, губительной для любого социального организма: «Как же мы потом жить будем? / Что нам этот ужас принесет? / Что теперь от ненависти к людям / Душу мою спасет?» (М. Горький). Государство, разжигавшее воинственные инстинкты, полагало, что тем самым оно решало задачу поддержания боевого духа народа; на деле же оно изгоняло из борьбы всякое духовное содержание и оставляло лишь остревенение, опасное для существования самого государства. Московские погромы 1915 г. тому доказательство: поощряемые властями, продолжавшими «традиции» ростовчинского шовинизма, толпа крушила немецкие дома и лавки, как через два года начала крушить полицейские участки и тюрьмы.

Итак, все те философские идеи, которые призваны были придать Первой мировой войне духовный смысл, потерпели крах. Кризис русского религиозного сознания и слабая укорененность в нем ценностей национальных, недостаточное развитие личностного начала закономерно способствовало переводу войны империалистической в войну гражданскую, за что ратовал классик марксизма-ленинизма. Это почти на век остановило развитие национальной России и углубило пропасть, отделявшую ее от человечества, что имело самые трагические последствия.

Список использованных источников

1. Бердяев, Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990.

2. Бонч-Бруевич, М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905–1910 гг. [Текст] / М.Д. Бонч-Бруевич. – Киев, 1911.

3. Бубнов, А.Д. В царской ставке [Текст] / А.Д. Бубнов. – М.: Вече, 2008.

4. Воззвание к русскому народу Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича [Текст]. – 1914.

5. Война с Германией и Австрией [Текст]. – Казань, 1914.

6. Данилов, Ю.Н. На пути к крушению [Текст] / Ю.Н. Данилов. – М.: XXI век Согласие, 2000.

7. Евдокимов, Л.В. Моления о помощи Божией в годину брани [Текст] / Л.В. Евдокимов // Военный сборник. – 1915.

8. Зверев, С.Э. Военная риторика Второй мировой. Речевое воспитание войск в предвоенный период и годы войны [Текст] / С.Э. Зверев. – СПб.: Алетей, 2014.

9. Игнатъев, Н.П. Походные письма 1877 года [Текст] / Н.П. Игнатъев. – М.: РОССПЭН, 1999.

10. Ильин, И.А. Духовный смысл войны [Текст] / И.А. Ильин. – М., 1915.

11. Попов, К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920 [Текст] / К. Попов. – М., 2007.

12. Троцкий, Л.Д. Как вооружалась революция [Текст] / Л.Д. Троцкий. Т.2, ч. 2. – М.: ВРБС, 1923.

© Zverev S.E., 2017

SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF RUSSIAN GOVERNMENT AND SOCIETY CAUSES AND GOALS OF THE FIRST WORLD WAR

The estimate of the First World War indicated a crisis of official religiosity and the attempts of Russian educated society at the time to approach the causes and purposes of war from the position of national values and interests in opposition to the conservative aspirations of power. The difference in view state and public figures contributed to the formation is available to people's consciousness of the system of spiritual and practical goals of the armed struggle would be.

Keywords: spirituality, a crisis of religious and national values, the causes and goals of war.

**Организации, представители которых приняли участие
в XII Международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» в 2018 г.**

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Академия последипломного образования, г. Минск (Республика Беларусь).

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Арзамас Нижегородской области (Российская Федерация).

Архангельский краеведческий музей, г. Архангельск (Российская Федерация).

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа (Российская Федерация).

Белгородский государственный национальный университет, г. Белгород (Российская Федерация).

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, г. Минск (Республика Беларусь).

Белорусский государственный университет, г. Минск (Республика Беларусь).

Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск (Республика Беларусь).

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск (Республика Беларусь).

Белорусский национальный технический университет, г. Минск (Республика Беларусь).

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест (Республика Беларусь).

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск (Республика Беларусь).

Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, г. Москва (Российская Федерация).

Военная академия Рaketных войск стратегического назначения им. Петра Великого, г. Москва (Российская Федерация).

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Военный институт Железнодорожных войск и военных сообщений (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Петергоф (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва (Российская Федерация).

Воинская часть 95852, г. Тейково Ивановской области (Российская Федерация).

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград (Российская Федерация).

Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация).

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж (Российская Федерация).

Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказания России, г. Воронеж (Российская Федерация).

Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Воронеж (Российская Федерация).

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, г. Москва (Российская Федерация).

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж (Российская Федерация).

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного Арктического Федерального Университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск (Российская Федерация).

Главный военный клинический госпиталь войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Балашиха Московской области (Российская Федерация).

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, г. Гомель (Республика Беларусь).

Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь).

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно (Республика Беларусь).

Дальневосточный государственный медицинский университет, г. Хабаровск (Российская Федерация).

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан).

Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев (Украина).

Институт инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, г. Минск (Республика Беларусь).

Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов (Российская Федерация).

XII Международная научно-практическая конференция

Институт национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, г. Минск (Республика Беларусь).

Институт психологии им. Г.С. Костюка Национальной академии педагогических наук, г. Киев (Украина),

Институт юстиции Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов (Российская Федерация).

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань (Российская Федерация).

Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, г. Уральск (Республика Казахстан).

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, г. Астана (Республика Казахстан).

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей (Республика Казахстан).

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы (Республика Казахстан).

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы (Республика Казахстан).

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, г. Нукус (Республика Узбекистан).

Кисловодский гуманитарно-технический институт, г. Кисловодск Ставропольского края (Российская Федерация).

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Международная академия гуманизации образования г. Хильдесхайм (Германия).

Министерство чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск (Республика Беларусь).

Минский городской институт развития образования, г. Минск (Республика Беларусь).

Минский городской педагогический колледж, г. Минск (Республика Беларусь).

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, г. Могилев (Республика Беларусь).

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск (Республика Мордовия, Российская Федерация).

Московский государственный областной университет, г. Москва (Российская Федерация).

Московский технический университет связи и информатики, г. Москва (Российская Федерация).

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 7» г.о. Самара, г. Самара (Российская Федерация).

Научно-исследовательский институт военных системных исследований Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Национальная группа Монгольской Народной Республики, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация).

Национальная группа Республики Армения, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация).

Национальная группа Республики Туркменистан, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация).

Национальная химическая компания «Узбекнефтегаз», г. Нукус (Республика Узбекистан).

Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации, г. Астана (Республика Казахстан).

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург (Российская Федерация).

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург (Российская Федерация).

Оренбургский институт путей сообщения – филиал Самарского государственного университета путей сообщения, г. Оренбург (Российская Федерация).

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел (Российская Федерация).

Плесецкий комплексный центр социального обслуживания, пос. Савинский Плесецкого района Архангельской области (Российская Федерация).

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара (Российская Федерация).

Поволжский филиал Института российской истории Российской академии наук, г. Самара (Российская Федерация).

Полоцкий государственный университет, г. Новополоцк (Республика Беларусь).

Полоцкий пограничный отряд, г. Новополоцк (Республика Беларусь).

Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике, г. Минск (Республика Беларусь).

Республиканский институт высшей школы, г. Минск (Республика Беларусь).

Республиканский институт профессионального образования, г. Минск (Республика Беларусь).

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва (Российская Федерация).

Российский государственный социальный университет (филиал в г. Минске), г. Минск (Республика Беларусь).

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара (Российская Федерация).

Самарский государственный технический университет, г. Самара (Российская Федерация).

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара (Российская Федерация).

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара (Российская Федерация).

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания России, г. Самара (Российская Федерация).

Санкт-Петербургский академический университет Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Санкт-Петербургский военный институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Санкт-Петербургский государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация).

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов (Российская Федерация).

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов (Российская Федерация).

Саратовский государственный аграрный университет, г. Саратов (Российская Федерация).

Саратовский государственный национальный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов (Российская Федерация).

Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Саратов (Российская Федерация).

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь (Российская Федерация).

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак (Российская Федерация).

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент (Республика Узбекистан).

Ташкентский государственный университет экономики, г. Ташкент (Республика Узбекистан).

Ташкентский университет информационных технологий, г. Ташкент (Республика Узбекистан).

Ташкентский финансовый институт, г. Ташкент (Республика Узбекистан).

Тверской государственный технический университет (филиал в г. Ржеве), г. Ржев Тверской области (Российская Федерация).

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти Самарской области (Российская Федерация).

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула (Российская Федерация).

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск (Российская Федерация).

Университет Международного бизнеса, г. Алматы (Республика Казахстан).

Учебный военный центр Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа (Российская Федерация).

Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани, г. Сызрань Самарской области (Российская Федерация).

Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск (Российская Федерация).

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, г. Минск (Республика Беларусь).

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Саратове, г. Саратов (Российская Федерация).

Центр психологических и социологических исследований Министерства обороны Республики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь).

Центр психологического здоровья и образования, г. Минск (Республика Беларусь).

Юго-Западный государственный университет, г. Курск (Российская Федерация).

Информация об авторах

Абдильдина Хорлан Садвакасовна, старший преподаватель кафедры Философии, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, кандидат философских наук, г. Астана (Республика Казахстан). E-mail: aimana-84@mail.ru.

Абдулмуталинова Тамара Адамовна, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, кандидат педагогических наук, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация). E-mail: vatt-v@mail.ru.

Алексеев Вадим Эдуардович, адъюнкт кафедры Обеспечения служебно-боевой деятельности, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: wadmac@mail.ru.

Арифиллина Олеся Фянисовна, студент, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти Самарской области (Российская Федерация). E-mail: arifullina_olesya@mail.ru.

Афанасьевский Вадим Леонидович, доцент кафедры Теории государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России, кандидат философских наук, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: adler_vadim@mail.ru.

Ашилова Мадина Серикбековна, преподаватель кафедры Мировых коммуникаций, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, кандидат философских наук, доктор PhD по философии, г. Алматы (Республика Казахстан). E-mail: kalima910@mail.ru.

Баландина Таисия Михайловна, профессор кафедры Истории, философии, политологии и социологии, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор социологических наук, профессор, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: balandinatm@gmail.com.

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, профессор кафедры Религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, доктор философских наук, профессор, г. Алматы (Республика Казахстан). E-mail: kalima910@mail.ru.

Бейлин Михаил Валерьевич, профессор кафедры Философии и теологии, Белгородский государственный национальный университет, доктор философских наук, доцент, г. Белгород (Российская Федерация). E-mail: mysh_07@mail.ru.

Белановская Марина Леонидовна, заместитель директора по воспитательной работе, преподаватель кафедры Клинической и консультативной психологии, Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, кандидат психологических

наук, г. Минск (Республика Беларусь). E-mail: Bela-novskaya.marina@gmail.com.

Богданова Надежда Александровна, магистрант кафедры Отечественной истории, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международных коммуникаций Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник научно-методической службы, Архангельский краеведческий музей, г. Архангельск (Российская Федерация). E-mail: Na-degda35@yandex.ru.

Бойко Сергей Иванович, доцент кафедры Теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, кандидат политических наук, доцент, г. Москва (Российская Федерация). E-mail: bsi1952@yandex.ru.

Борщева Наталья Николаевна, доцент кафедры Журналистики, Самарский государственный социально-гуманитарный университет, кандидат филологических наук, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: borshiova@yandex.ru.

Быченко Юрий Григорьевич, профессор кафедры Гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: bychenkoug@gmail.com.

Верещак Александр Алексеевич, магистрант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград (Российская Федерация). E-mail: pribytkow@mail.ru.

Вострякова Юлия Викторовна, доцент кафедры Философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, кандидат философских наук, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: julia_april72@mail.ru.

Газнюк Лидия Михайловна, профессор кафедры Философии и теологии, Белгородский государственный национальный университет, доктор философских наук, профессор, г. Белгород (Российская Федерация). E-mail: lgazn@mail.ru.

Галиуллова Лилия Наильевна, студент, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти Самарской области (Российская Федерация). E-mail: ezhelnina@yandex.ru.

Гаппасова Айман Галымжановна, старший преподаватель кафедры Философии, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, г. Астана (Республика Казахстан). E-mail: aimana-84@mail.ru.

Герасимова Ирина Александровна, доцент кафедры Социологии, политологии и гуманитарных дисциплин, Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат педагогических наук, доцент, г. Воронеж (Российская Федерация). E-mail: ggerich@mail.ru.

Голубев Виктор Сергеевич, старший преподаватель кафедры Управления и экономики высшей школы, Республиканский институт высшей школы, г. Минск (Республика Беларусь). E-mail: golubev_vs@list.ru.

Гринько Надежда Алексеевна, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт военно-системных исследований Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: grinkonad@yandex.ru.

Гурьянова Дарья Ильинична, студент кафедры «Журналистика», Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти Самарской области (Российская Федерация). E-mail: egurdas@yandex.ru.

Давыдова Елизавета Алексеевна, студент, Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Арзамас Нижегородской области (Российская Федерация). E-mail: Liza_6996@mail.ru.

Давыдова Светлана Анатольевна, старший преподаватель кафедры Русского языка, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация). E-mail: vatt-v@mil.ru.

Дёмин Илья Вячеславович, профессор кафедры Философии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, доктор философских наук, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: ilyadem83@yandex.ru.

Доронина Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры Философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: kсениya_gorda@mail.ru.

Железовская Галина Ивановна, профессор, Саратовский государственный национальный университет им. Н.Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: nata-ned@mail.ru.

Желнина Евгения Валерьевна, профессор кафедры Социологии, Тольяттинский государственный университет, доктор социологических наук, доцент, г. Тольятти Самарской области (Российская Федерация). E-mail: ezhelnnina@yandex.ru.

Сайганова Елена Викторовна, доцент кафедры Социологии молодежи, Саратовский государственный национальный университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат социологических наук, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru.

Зверев Сергей Эдуардович, профессор кафедры Иностранных и русского языков, Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, кандидат педагогических наук, доцент, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: ser86979392@yandex.ru.

Постникова Ольга Анатольевна, профессор кафедры Русского языка, Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, кандидат исторических наук, г. Вольск Саратовской области (Российская Федерация). E-mail: telec8572@mail.ru.

Прибытков Юрий Борисович, магистрант направления «Политология», Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; учредитель Движения реализации инициатив ВО, г. Волгоград (Российская Федерация). E-mail: pribytkow@mail.ru.

Садыкова Торгын Мейрхановна, старший преподаватель кафедры Философии, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, г. Астана (Республика Казахстан). E-mail: storgyn@mail.ru.

Субботина Ирина Александровна, доцент кафедры Экономики и управления в машиностроении, Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, кандидат исторических наук, г. Арзамас Нижегородской области (Российская Федерация). E-mail: subbotina.irina.alex@yandex.ru.

